

**ГРАЖДАНИН
ВЫБОРЫ
ВЛАСТЬ**

**CITIZEN
ELECTIONS
AUTHORITY**

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
SCIENTIFIC AND ANALYTICAL JOURNAL

**№ 3(37)
2025**

ИЮЛЬ–СЕНТЯБРЬ
JULY–SEPTEMBER

МОСКВА
MOSCOW

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ПАМФИЛОВА Элла Александровна,
Председатель Центральной избирательной
комиссии Российской Федерации
(председатель)

ВАСИЛЕВИЧ Григорий Алексеевич,
заведующий кафедрой конституционного права
Белорусского государственного университета,
член-корреспондент Национальной академии
Беларуси, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Беларусь
(Республика Беларусь)

ГАБОВ Андрей Владимирович, заместитель
председателя Экспертного совета по праву ВАК
при Министерстве науки и высшего образования
Российской Федерации, член-корреспондент
Российской академии наук, доктор юридических
наук, заслуженный юрист Российской Федерации

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич,
директор Института Европы РАН,
член-корреспондент Российской академии наук,
доктор политических наук, профессор РАН

ЕНИКЕЕВ Шамиль Мидхатович, профессор
факультета мировой экономики и мировой
политики Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»,
доктор политологии Оксфордского университета

ПРОРОК Владимир, доктор философии
Пражского университета имени
Яна Амоса Коменского (Чешская Республика)

Главный редактор Гасанов И. Б.

Журнал выходит 4 раза в год

Свидетельство: ПИ № ФС77-66246

ISSN 2587-6449

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России» 85482

Учредитель: Центральная избирательная комиссия
Российской Федерации

Издатель: Российский центр обучения избирательным
технологиям при Центральной избирательной комиссии
Российской Федерации

Адрес редакции:
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 47
Тел.: (495) 606-84-16
e-mail: gvv@rcoit.ru
<http://www.rcoit.ru/lib/gvv/>

© Центральная избирательная комиссия
Российской Федерации, 2025

EDITORIAL BOARD

PAMFILOVA Ella Aleksandrovna,
Chairman of the Central Election Commission
of the Russian Federation
(Chairman)

VASILEVICH Grigoriĭ Alekseevich,
Head of Department of the Constitutional Law,
Belarusian State University, Associate Member
of the National Academy of Belarus,
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer
of Belarus Republic
(Republic of Belarus)

GABOV Andrei Vladimirovich, Deputy Chairman
of the Expert Council on the Law of the Higher
Attestation Commission under the Ministry
of Science and Higher Education of the Russian
Federation, Associate Member of RAS, Doctor
of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation

GROMYKO Aleksei Anatol'evich,
Director of the Institute of Europe of RAS,
Associate Member of RAS, Doctor of Political
Sciences, Professor of RAS

ENIKEEV Shamil' Midkhatovich, Professor
at the Faculty of World Economics and World
Politics of the National Research University
Higher School of Economics,
PhD (Pol.Sci.)

PROROK Vladimir, Doctor of Philosophy,
Jan Amos Komensky University Prague
(Czech Republic)

Editor-In-Chief I. B. Gasanov

Published 4 times per year

Certificate: ПИ No. ФС77-66246

ISSN 2587-6449

Subscription index
in the catalogue «Russian Press» 85482

Founder: Central Election Commission
of the Russian Federation

Publisher: Russian Centre for Training in Election
Technologies under Central Election Commission
of the Russian Federation

Editorial Office:
Myasnitskaya ulitsa, 47, 101000, Moscow
Tel.: (495) 606-84-16
e-mail: gvv@rcoit.ru
<http://www.rcoit.ru/lib/gvv/>

© Central Election Commission
of the Russian Federation, 2025

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ЭБЗЕЕВ Борис Сафарович, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации (председатель)

БАКУШЕВ Валерий Владимирович, заведующий кафедрой парламентаризма и межпарламентского сотрудничества отделения «Высшая школа правоведения» факультета государственного и муниципального управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук, профессор

БОРИСОВ Игорь Борисович, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, председатель совета Российского общественного института избирательного права (РОИИП), кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации

БРОДОВСКАЯ Елена Викторовна, директор Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор политических наук

ВОЛКОВА Анна Владимировна, доцент кафедры политического управления Санкт-Петербургского государственного университета, председатель научной комиссии в области политических наук Санкт-Петербургского государственного университета, доктор политических наук, доцент

ВОЛОДЕНКОВ Сергей Владимирович, профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор политических наук, доцент

ВЫДРИН Игорь Вячеславович, доктор юридических наук, профессор

ГАСАНОВ Исмаил Байрамович, главный редактор журнала «Гражданин. Выборы. Власть», кандидат политических наук

КАБЫШЕВ Сергей Владимирович, председатель комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации

EDITORIAL BOARD

EBZEEV Boris Safarovich, member of the Central Election Commission of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of science of the Russian Federation (Chairman)

BAKUSHEV Valery Vladimirovich, Head of Department of Parliamentarism and Inter-Parliamentary Collaboration, Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Doctor of Political Sciences, Professor

BORISOV Igor Borisovich, Member of Central Election Commission of the Russian Federation, Chairman of the Council of the Russian Public Institute of Electoral Law (ROIIP), Candidate of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation

BRODOVSKAYA Elena Viktorovna, Director Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering, Professor of the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Political Sciences

VOLKOVA Anna Vladimirovna, Associate Professor of the Department of Political Governance, Chairman of Scientific Commission in the Field of Political Sciences, Saint Petersburg State University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

VOLODENKOV Sergey Vladimirovich, Professor of the Department of State Policy of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

VYDRIN Igor Vyacheslavovich, Doctor of Law, Professor

GASANOV Ismail Bairamovich, Editor-In-Chief of the Journal «Citizen. Elections. Authority», Candidate of Political Sciences

KABYSHEV Sergey Vladimirovich, Chairman of the State Duma Committee on Science and Higher Education, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Law, Associate Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

КОМАРОВА Валентина Викторовна, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

МАКАРЦЕВ Андрей Алексеевич, декан факультета государственного сектора Новосибирского государственного университета экономики и управления, кандидат юридических наук, доцент

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович, профессор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

ПЕТРИЩЕВ Вячеслав Николаевич, ректор Международного независимого эколого-политологического университета, кандидат политических наук, доцент

ПОСТНИКОВ Александр Евгеньевич, заведующий отделом конституционного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

СЛАТИНОВ Владимир Борисович, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Курского государственного университета, доктор политических наук, доцент

УСМАНОВ Рафик Хамматович, профессор кафедры востоковедения и политических наук Астраханского государственного университета имени В.Н. Татищева, доктор политических наук, профессор

ЧЕРНЫШОВ Алексей Геннадьевич, доктор политических наук, профессор

KOMAROVA Valentina Viktorovna, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

MAKARTSEV Andrey Alekseevich, Dean of the Faculty of Public Sector, Novosibirsk State University of Economics and Management, Candidate of Law, Associate Professor

OSAVELYUK Aleksei Mikhailovich, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

PETRISHCHEV Vyacheslav Nikolayevich, Rector of the International Independent Ecological and Political University (MNEPU), Candidate of Political Sciences, Associate Professor

POSTNIKOV Aleksandr Evgen'evich, Head of the Department of Constitutional Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

SLATINOV Vladimir Borisovich, Head of the Department of State and Municipal Administration, Kursk State University, Doctor of Law, Associate Professor

USMANOV Rafik Khammatovich, Professor of the Department of Oriental Studies and Political Sciences, Astrakhan State University, named after V.N. Tatishchev, Doctor of Political Sciences, Professor

THERHYSHOV Aleksei Gennadievich, Doctor of Political Sciences, Professor

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (ВАК России) журнал «Гражданин. Выборы. Власть» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки, по которым присуждаются ученые степени:

- 5.1.1 — Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки),
- 5.1.2 — Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки),
- 5.5.2 — Политические институты, процессы, технологии (политические науки).

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Статьи, публикуемые в журнале «Гражданин. Выборы. Власть», индексируются в Научной электронной библиотеке ELIBRARY.RU.

Национальная библиографическая база данных научного цитирования, аккумулирующая более 9 миллионов публикаций российских авторов, а также информацию о цитировании этих публикаций из более 6000 российских журналов. Штаб-квартира — Российская Федерация

Теория права

- 11 **А.А. Егоров**
Критика законности и правосудия
эксплуататорского общества

Конституционное право

- 19 **В.А. Троян, В.Ю. Заика, В.А. Коломиец**
Избирательная система Российской Федерации:
конституционно-композиционный ракурс

Избирательное право

- 27 **А.Р. Бахтизин, Н.И. Ильин, М.В. Черненко**
Аналитический инструментарий в исследованиях
электоральных процессов

Политические институты

- 41 **И.Б. Гасанов**
О философии выборов: сторонний взгляд

Ракурс

- 70 **В.С. Жилинская**
Духовные начала и концептуальные основы
тоталитарного общества

Политические технологии

- 81 **Цян Чун**
Влияние цифровых технологий на политические процессы
и дипломатическое взаимодействие в условиях
демократических режимов

- 93 **Н.В. Михайлов**
Сравнительный анализ политических коммуникаций
в децентрализованных социальных сетях

Актуальная трибуна

- 108 **В.И. Булва**
Новые форматы международного сотрудничества:
сетевая дипломатия в сфере безопасности и роль России

За рубежом**120 Ю.Б. Бочаров**

Демократия как спектакль и как инструмент:
электоральные игры и восточное переосмысление власти

Пространство молодого ученого**133 И.П. Юшков**

Публичная власть и молодежь: механизмы формирования
гражданско-патриотического блока

144 А.Г. Качалов

Тема социологического опроса — абсентеизм и электоральная
активность молодежи

152 Г.В. Туманян

Взгляд акторов законодательной сферы на партисипативные
технологии принятия решений

Конкурс «Атмосфера»**172 А.Д. Уфимцев**

Проблемы квалификации недостоверных
и недействительных подписей

189 Ю.С. Галина, О.Ю. Горлатых

Реализация избирательного права и права на участие
в референдуме во время действия особых правовых режимов

203 Сведения об авторах

Theory of Law

- 11 A.A. Egorov**
Criticism of the Legality and Justice
of the Exploitative Society

Constitutional Law

- 19 V.A. Troyan, V.Y. Zaika, V.A. Kolomiets**
The Electoral System of the Russian Federation:
Constitutional and Compositional Perspective

Electoral Law

- 27 A.R. Bakhtizin, N.I. Il'in, M.V. Chernenkov**
Analytical Tools in the Research of Electoral Processes

Political Institutions

- 41 I.B. Gasanov**
On the Philosophy of Election: an Outside View

Foreshortening

- 70 V.S. Zhilinskaya**
Spiritual Beginnings and Conceptual Foundations
of Totalitarian Society

Political Technologies

- 81 Ch. Qiang**
The Impact of Digital Technologies on Political Processes
and Diplomatic Engagement in Democratic Regimes

- 93 N.V. Mikhailov**
Comparative Analysis of Political Communications
in Decentralized Social Networks

Actual Tribune

- 108 V.I. Bulva**
New Formats of International Cooperation: Network Diplomacy
in the Field of Security and the Role of Russia

Abroad**120 Y.B. Bocharov**

Democracy as Spectacle and Instrument: Electoral Games,
and the Eastern Reinterpretation of Power

Young Scientist's Space**133 I.P. Yushkov**

Public Authorities and Youth: Mechanisms of Formation
of the Civil-Patriotic Bloc

144 A.G. Kachalov

The Topic of the Sociological Survey is Absenteeism and Electoral
Activity of Young People

152 G.V. Tumanyan

The View of Legislative Actors on Participative Decision-Making
Technologies

Contest «Atmosphere»**172 A.D. Ufimtsev**

Problems of Qualification of Unreliable and Invalid Signatures

189 Y.S. Galina, O.Y. Gorlatykh

Implementation of the Electoral Right and the Right to Participate
in a Referendum During the Period of Special Legal Regimes

203 Our Authors

КРИТИКА ЗАКОННОСТИ И ПРАВОСУДИЯ ЭКСПЛУАТАТОРСКОГО ОБЩЕСТВА (литературные этюды в образах права в трудах Л.Н. Толстого)

Аннотация. В статье актуализируется значение Л.Н. Толстого как общественно-политического мыслителя, тесно связанного с русским освободительным движением второй половины XIX — начала XX веков. Анализируется отношение писателя к классовой природе суда, его бездушному формализму и карательной природе по отношению к широким слоям населения. На основе обращения к литературным образам доказывается резко отрицательное отношение писателя к законности и правосудию эксплуататорского общества как инструментам принудительного навязывания воли представителей самодержавной власти всему обществу.

Ключевые слова: законность, правосудие, суд присяжных, самодержавие, адвокатура.

CRITICISM OF THE LEGALITY AND JUSTICE OF THE EXPLOITATIVE SOCIETY (literary etudes in the images of law in the works of Leo Tolstoy)

Abstract. The article highlights the importance of Leo Tolstoy not as a writer, but as a socio-political thinker closely associated with the Russian liberation movement of the second half of the 19th and early 20th centuries. The article analyzes Tolstoy's attitude to the class nature of the court, its soulless formalism and punitive nature towards the general population. Based on the appeal to literary images, Tolstoy's sharply negative attitude towards the legality and justice of an exploitative society as tools for forcibly imposing the will of representatives of autocratic power on the whole society is proved.

Keywords: legality, justice, trial by jury, autocracy, legal profession.

В России заключительный период XIX столетия отличался, наряду с различными социальными проблемами, еще и значительным ростом преступности. Развитие капиталистических отношений выражалось в разрушении традиционных основ сельской жизни. Максимальная эксплуатация крестьян

заставляла их покидать привычную среду и уходить в города, где они зачастую не могли реализовать свои способности к труду. В результате обнищавшие крестьяне были вынуждены становиться на преступный путь. Данное обстоятельство не могло не получить отрицательную, осуждающую оценку в среде наиболее образованных и прогрессивно мыслящих людей того времени. В их числе следует отметить великого писателя и общественно-политического мыслителя Льва Николаевича Толстого. Трагедия народной жизни вызывала у него непримиримый протест, что выразилось в его статьях и литературных трудах, ставших достоянием мировой культуры.

* * *

По справедливому замечанию В.В. Ячевского, обращение Л.Н. Толстого к суду и всей карательной системе как к инструментам осуществления господства над трудящимися массами имело своей целью разоблачить государственно-принудительную систему самодержавия [1, с. 131]. Лев Николаевич принадлежал к немногочисленной когорте русских писателей, в совершенстве познавших судебные порядки в России. Это объясняется тем, что он сам неоднократно исполнял процессуальные функции мирового посредника, присяжного заседателя и защитника. В частности, в 1866 году Л.Н. Толстой защищал в суде солдата Шабунина, ударившего ротного командира и приговоренного военно-полевым судом к наказанию в виде смертной казни [2, с. 58–63].

Благодаря активной гражданской позиции писатель познакомился со многими выдающимися судебными деятелями своего времени, которые посвящали его в тонкости судебной практики. Именно доскональное знание судебных порядков позволило ему сформировать действительный образ дореволюционного суда. Этот образ имел ярко выраженный отрицательный подтекст, что объяснимо ввиду уже упомянутых конкретно-исторических особенностей жизни российского общества.

Классово асоциальная сущность суда того времени виделась ему в том, что основная задача правосудия заключалась в скрывании грабежа народа под видом законности. Это убеждение не пошатнуло и судебная реформа 1864 года, которая предопределила появление в нашей стране суда присяжных. В.И. Ленин, положительно оценивая данный институт, полагал, что именно влияние общественной жизни и рост политического сознания подводит суд до той истины, что решающую роль в борьбе с преступностью играет не применение отдельных наказаний, а совершенствование общественных и политических учреждений [1, с. 132]. Однако общественно-политические реалии жизни общества нивелировали сущностное назначение и гуманистическую природу суда присяжных.

В.И. Ленин констатировал, что судебная система в России по-прежнему исполняет функцию инструмента беспощадного подавления

эксплуатируемого народа в интересах «денежного мешка» [3, с. 32]. Данное обстоятельство не мешало либеральным деятелям и правоведам преподнести суд присяжных обществу как значимую демократическую ценность, гарантирующую личную свободу, справедливость и равенство при отправлении правосудия [4, с. 19]. Со своей стороны отметим, что подобно формальному упразднению крепостного права, так и не предоставившего крестьянам личной свободы, введение суда присяжных было призвано служить не улучшению положения дел в стране, а тому, чтобы успокоить людей, создав у них иллюзию защиты их прав и свобод.

Толстой уличал господствующие классы и верховную власть, считая, что они лишь имитируют наличие в стране справедливого, открытого и равного для всех суда. Действительность была такова, что природа и предназначение суда превращали его в атрибут деспотического государства, угнетающего людей настолько, насколько это соответствовало интересам обладателей верховной власти в государстве [1, с. 133]. Такое положение дел обусловило стремление автора «Войны и мира» высветить пороки «царского суда» и несостоятельность суда присяжных в жанре художественной литературы.

* * *

Несомненный интерес в этом контексте представляет собой роман «Воскресение», в котором посредством главного персонажа — своего классового собрата князя Нехлюдова — писатель идентифицирует современный ему суд с административным орудием, поддерживающим выгодный правящему сословию порядок вещей. Не вызывает сомнения, что в данном случае речь идет о помещичье-дворянском сословии, которое Лев Николаевич оценивал резко отрицательно.

Сюжетом для романа выступило реальное уголовное дело, ставшее известным писателю благодаря судебному деятелю того времени А.Ф. Кони [5, с. 474–480; 6, с. 3–10]. В своем произведении Толстой категорично обличает невыносимые условия заключения и содержания под стражей людей, которые считались преступниками вследствие политики царизма. Данное описание эксплуататорского общества в жанре художественной литературы наглядно свидетельствует о гуманистической природе взглядов Толстого. Тем не менее его литературные этюды не являются чем-то отвлеченным или абстрактным, — они основываются на наблюдаемых им самим несовершенствах общественно-политического и правового строя.

Характеризуя этот литературный шедевр с точки зрения ярко выраженной роли суда как орудия господствующего класса, И.Т. Голяков вполне обоснованно сравнивал роман «Воскресение» с выдающимся юридическим исследованием, усиленным наглядностью литературных образов [7, с. 199]. Действительно, в романе представлено предельно реалистичное описание суда и всей судебной системы дореволюционной России. Главный герой

произведения Нехлюдов преодолевает все инстанции судебной системы царской России, начиная с окружного суда присяжных, осудившего невинную в совершении убийства Маслову к каторжным работам, и заканчивая Сенатом — высшей судебной инстанцией страны, оставившей в силе этот незаконный и несправедливый приговор. Данное обстоятельство ярко выражало порочный характер тогдашней судебной системы.

Особый акцент в романе делается на суде присяжных. обстоятельно и детально писатель воспроизводит судебный процесс по делу Масловой, который по своей сути является полным антиподом справедливого и демократичного рассмотрения дела. Классовая природа суда ярко проиллюстрирована составом коллегии присяжных заседателей, рассматривающих дело Масловой: статский советник И.М. Никифоров, отставной полковник Иван Семенович Иванов, купец второй гильдии Петр Баклашов, гвардии поручик князь Дмитрий Нехлюдов и так далее. В современных условиях это бы называлось тенденциозностью состава коллегии присяжных заседателей и явилось бы основанием для его роспуска. В те времена это было естественным положением вещей.

Толстой скептически оценивает роль присяжных заседателей в рассмотрении дела Масловой. Все их права, разъясненные в начале судебного заседания председательствующим, «состояли в том, что они могут спрашивать подсудимых через председателя, могут иметь карандаш и бумагу и могут осматривать вещественные доказательства». Обязанность же их заключалась «в том, чтобы они судили не ложно, а справедливо» [1, с. 134]. Подобным образом писатель раскрывал сущность предельного формализма судопроизводства. Он категорически осуждал тот факт, что суд занимается не разрешением дела по существу, а препятствует достижению истины. Именно такая атмосфера безнадежности в зале суда способствовала полному равнодушию и безответственности представителей царской власти.

Лев Николаевич описывал и другое рассматриваемое в суде дело о краже из сарая старых половинок, пафосно квалифицированном в качестве «кражи со взломом». Один из двух подсудимых по этому делу, по словам Толстого, уже умер в тюрьме, другой под конвоем предавался осуждению во благо того, чтобы оградить общество от подобных «преступников». Писатель изобличал фальшь имитации правосудия. Даже сам потерпевший заявляет: «И пропади они пропадом, эти самые половики, они мне и вовсе не нужны». Тем временем судебный процесс идет своим порядком, а товарищ прокурора обосновывает необходимость назначения самого сурового наказания за совершение кражи со взломом [1, с. 135]. Из описанных и некоторых других воспоминаний Толстого становится очевидно, что суд в царской России представлял собой вовсе не «достижение культуры», о котором писали либералы, а пережиток феодализма, то есть средневековый суд, которому чуждо стремление к установлению истины.

* * *

В незавершенной статье «Новый суд в его приложении» Л.Н. Толстой резко отрицательно характеризовал деловые качества судей, подчеркивая присущие им низкий культурный уровень и взяточничество. Его непримиримая критика нравственной ограниченности и продажности судей нашла свое выражение и в таких произведениях, как «Смерть Ивана Ильича», «Воскресение», «Живой труп». Как выше было сказано, в романе «Воскресение» писатель и мыслитель наглядно показал полнейшее равнодушие судей, рассматривающих дело Масловой. Председательствующий по делу судья сугубо формально относился к рассматриваемому делу и беспокоился лишь о предстоящем свидании с очередной любовницей. Он задавал вопросы подсудимой вежливо и тактично, не слушая ее ответы, то есть стремился как можно быстрее осудить Маслову, то есть формально исполнить свой профессиональный долг.

Подобным образом вел себя и прокурор, который накануне судебного процесса развлекался в компании друзей, завершив свои ночные похождения в публичном доме, где полгода назад была Маслова. Даже не ознакомившись с делом, он, руководствуясь карьеристскими соображениями, принимает решение добиться для нее обвинительного приговора. Его обвинительная речь строится не на изложении обстоятельств дела, а на пространных и псевдонаучных теориях, якобы доказывающих вину подсудимой. Подобные аморальные образы блюстителей дореволюционной законности встречаются и в других произведениях.

* * *

В драме «Живой труп» фигурирует судебный следователь, расследующий дело о мнимом самоубийстве Федора Протасова, который допрашивает жену последнего. Отчетливо осознавая неосведомленность жены о том, что гибель ее мужа — лишь симуляция самоубийства, следователь проявляет полное равнодушие к установлению истинных причин этой сложной жизненной драмы. Он оценивает людей и их поступки сугубо формально.

Не меньше авторских критических стрел у Льва Николаевича было и в сторону адвокатуры. Он критиковал адвокатов за непомерную меркантильность, которая делает их услуги недоступными для неимущих слоев населения. За солидный гонорар адвокат готов совершить любые безнравственные, и даже противоправные поступки для оправдания своего клиента. Алчность адвокатов — это та закономерность, которая наглядно иллюстрируется в художественных образах Толстого. Так, в романе «Воскресение» показан адвокат Фанарин, готовый на все за «дурашные» деньги, то есть за взятку. В романе «Анна Каренина» упоминается «знаменитый петербургский адвокат», абсолютно равнодушный к судьбам людей, которые не могли обеспечить ему «выгодный заказ».

Писатель особо бичевал неизменно лояльное отношение царского суда к высокопоставленным правонарушителям и беспощадность по отношению к простому народу. В 1900 году промышленник С.И. Мамонтов, обвиненный в крупных растратах и подлогах, был оправдан судом. Толстой отмечал, что суд того времени оправдывал человека, растратившего двенадцать миллионов рублей, но осуждает несчастного человека, укравшего какую-нибудь мелочь [8, с. 64]. Несоизмеримость преступления и наказания выступала своеобразным индикатором непримиримой критики дореволюционного суда. Именно эта несоизмеримость дискредитировала роль правосудия в жизни общества.

* * *

В своих художественных образах Толстой часто рисовал трагедии простых людей, подвергшихся судебному произволу и беззаконию. В том же романе «Воскресение» Нехлюдов после посещения дома предварительного заключения неожиданно для самого себя осознает, что большинство из содержащихся там людей ни в чем не повинны. Они, по мнению Нехлюдова, могут быть сгруппированы в пять разрядов: ставшие жертвами судебных ошибок, а потому невиновные; осужденные за поступки, совершенные в исключительных обстоятельствах; наказанные за то, что они совершили, по их понятиям, самые обыкновенные и даже хорошие поступки, которые в восприятии законодателей считаются преступлениями; потому только зачисленные в преступники, что стояли нравственно выше среднего уровня общества; люди, перед которыми общество было гораздо больше виновато, чем они перед обществом [1, с. 140]. Такова суровая, но реалистичная оценка правосудия дореволюционной России.

Вполне объяснимо, что в адрес писателя звучало немало критики. Реакционные круги восприняли его роман «Воскресение» как «последовательно проведенную насмешку над современным судом» [9, с. 6]. Либералы же, стремясь доказать тенденциозность и односторонность его взглядов, утверждали, что в этом вопросе он руководствовался евангельским правилом «не судите, да не судимы будете», и потому «не может не считать всякую судебную деятельность аномалией, противоречием истинной правде» [10, с. 382]. Можно отчасти согласиться с тем, что отрицательное отношение Толстого к суду и судебной системе в целом было продиктовано его консервативными взглядами. А.С. Гольденвейзер справедливо отмечал реалистичность и живые черты изображенной Толстым картины суда [11, с. 22]. С этой точкой зрения трудно не согласиться.

* * *

Как в своих статьях, так и письмах, написанных царю, Л.Н. Толстой постоянно протестовал против произвола и беззакония правящих классов. Например, в 1901 году под впечатлением расправы царского правительства

с демонстрацией в Петербурге он написал свое гневное письмо «Царю и его помощникам». Констатируя вопиющий произвол, он потребовал от царского правительства немедленного упразднения земских начальников, которые чинили произвол в отношении крестьянского населения. Как известно, закон от 14 июля 1889 года учредил институт земских начальников. Этот закон ликвидировал мировой суд, избиравшийся на основании судебных уставов 1864 года органами местного самоуправления, заменив его земскими начальниками, назначаемыми правительственными органами из числа дворян. По сути дела, была установлена неограниченная власть дворянина-помещика над крестьянским миром, сосредоточившая в его руках и административные, и судебные функции.

Вне всяких сомнений, Толстой осознавал наивность надежд на воздействие в духе христианской любви на «правительственных людей» с тем, чтобы они отказались от жестокости и насилия, с помощью которых оберегалась власть. Однако это обстоятельство не умаляет значения его обращений и содержащейся в них смелой критики царской юстиции и совершаемых ею преступлений.

В 1908 году вышла в свет его знаменитая работа «Не могу молчать», в которой с предельной публицистической страстностью выражается бескомпромиссный протест против насилия и беззаконий царизма. Вышедшая в России и перепечатанная многими зарубежными газетами статья произвела неизгладимое впечатление на всю прогрессивную мировую общественность благодаря своей неподдельной искренности и смелости в изобличении противоправной и антинародной сущности эксплуататорской власти. Таким образом, на основе использования образов художественной литературы, личного опыта и богатого фактологического материала Толстому удалось представить аргументированную критику законности и правосудия как инструментов антинародного эксплуататорского общества.

* * *

Основываясь на вышеизложенном, можно сделать следующие выводы:

- отношение Толстого к законности и правосудию формировалось в конкретно-исторических условиях обнищания широких слоев населения, роста преступности и подавления народного недовольства с помощью карательного аппарата самодержавия;
- Толстой на собственном опыте познал судебные порядки своего времени, что было продиктовано его активной гражданской позицией;
- введение суда присяжных не изменило карательно-репрессивную сущность судебной системы, а лишь способствовало созданию иллюзии защиты прав и законных интересов народных масс;
- главными пороками современного Толстому судопроизводства следует признать бездушный формализм, равнодушное отношение к судьбе подсудимых, а в ряде случаев и имитацию правосудия;

– Толстой акцентирует внимание на том, что царский суд принципиально по-разному относится к людям из разных сословий, в одном случае оправдывая виновного в миллионных хищениях, а в другом — назначает лишение свободы за мелкое правонарушение;

– идеи Толстого встретили резкий протест со стороны реакционных кругов, представители которых всеми силами и средствами пытались сохранить положение дел в стране.

Напоследок добавим, что литературные шедевры Л.Н. Толстого в художественной форме затрагивают многие юридически значимые вопросы, внося свой вклад в развитие отечественной политико-правовой мысли.

Список литературы

1. Ячевский В.В. Общественно-политические и правовые взгляды Л.Н. Толстого. Воронеж, 1983. 167 с.
2. Чангули Г. Дело солдата Шабунина // Человек и закон. 1973. № 3.
3. Бондарев Д.А. Толстой и современность. Л., 1928. 96 с.
4. Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М., 1902. 464 с.
5. Кони А.Ф. Собр. соч. в 8-ми т. М., 1968, Т. 6. 695 с.
6. Жданов В.А. Творческая история романа Л.Н. Толстого «Воскресение». М., 1960. 450 с.
7. Голяков И.Т. Суд и законность в художественной литературе. М., 1959. 360 с.
8. Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. М., 1959. 517 с.
9. Журнал министерства юстиции. Санкт-Петербург: Тип. Правительствующего сената. 1899. № 8. 346 с.
10. Вестник Европы. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. 1899. № 7. 476 с.
11. Гольденвейзер А.С. Преступление — как наказание, а наказание — как преступление: (Мотивы толстов. «Воскресения»). Киев: изд. товарищей в ознаменование 35-летнего юбилея адвокат. деятельности авт., 1911. 75 с.

В.А. ТРОЯН
В.Ю. ЗАЙКА
В.А. КОЛОМИЕЦ

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КОНСТИТУЦИОННО-КОМПОЗИЦИОННЫЙ РАКУРС

Аннотация. Статья основана на анализе научных и нормативных источников. В ней рассматривается гипотеза о возможности и целесообразности пополнения действующей Конституции России специальной главой «3.1. Избирательная система». С учетом исторического контекста и аргументов ученых-конституционалистов приводятся дополнительные доводы в пользу формализации на высшем юридическом уровне единых правовых основ регулирования избирательной деятельности и систематизации их в новой конституционной главе. Предложены ее содержательные блоки. Сделан вывод, что введение в Основной закон специальной главы отвечает не только принципу рациональной преемственности отечественного конституционного строительства, требованиям времени, но и защите народовластных основ конституционного строя и электоральных прав российских граждан.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, выборы, избирательное право, принципы избирательного права, избирательный процесс, избирательная система, стадии избирательного процесса.

THE ELECTORAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION: CONSTITUTIONAL AND COMPOSITIONAL PERSPECTIVE

Abstract. Based on the analysis of scientific and regulatory sources, the article discusses the hypothesis of the possibility and expediency of supplementing the current Constitution of Russia with a special chapter «3.1. Electoral system». Taking into account the historical context and the arguments of constitutional scholars, additional arguments are given in favor of formalizing at the highest legal level the unified legal framework for regulating

ТРОЯН Владимир Анатольевич — заместитель председателя Избирательной комиссии Белгородской области, кандидат юридических наук, г. Белгород

ЗАЙКА Виктория Юрьевна — студент юридического института федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород

КОЛОМИЕЦ Виктория Александровна — студент юридического института федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород

electoral activities and systematizing them in the new constitutional chapter. Its substantive blocks are proposed. It is concluded that the introduction of Chapter «3.1. The electoral system» into the Constitution of Russia meets not only the principle of rational continuity of national constitutional construction, the requirements of the time, but also the protection of the democratic foundations of the constitutional system and the protection of the electoral rights of Russian citizens.

Keywords: *Constitution of the Russian Federation, elections, electoral law, principles of electoral law, electoral process, electoral system, stages of the electoral process.*

Современное конституционное строительство России отличается ориентиром не только на наиболее эффективную и последовательную реализацию конституционных императивов, но и на совершенствование самого конституционного текста с учетом новых вызовов и дополнительного осознания значимости традиционных ценностей, преемственности и единения российского общества и государства.

Как известно, Конституция Российской Федерации (далее — Конституция, Основной закон), принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, неоднократно получала «поправочную подгонку» в рамках глав 3–8, в том числе прирастая новыми статьями в соответствии с положениями ее статей 134 и 136. Такие поправочные события происходили в 2008 году (законы Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы» и № 7-ФКЗ «О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства Российской Федерации»); в 2014 году (закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» и от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ «О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации»); в 2020 году (Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»).

Важно подчеркнуть значимый для наших дальнейших рассуждений факт, что все внесенные в конституционный текст изменения то ли по содержанию, то ли по способу принятия связаны с народовластием, в том числе непосредственным — общероссийским голосованием. По словам М.В. Мархгейм, «общероссийское голосование по поправкам к Конституции Российской Федерации явилось первым событием плебисцитарного уровня. Учрежденное распоряжением главы государства и конкретизированное Законом Российской Федерации о поправках к Конституции общероссийское голосование проявило себя в качестве нового экспериментального механизма привлечения российских граждан к управлению делами государства путем участия в конституционном „поправочном“ процессе» [1, с. 151].

В рамках данного исследования проанализируем возможность и целесообразность включения в Конституцию новой главы, посвященной избирательной системе России.

В конституционном тексте содержится несколько статей, связанных с выборами, согласно которым они:

являются высшей формой непосредственного выражения власти народа (ч. 3 ст. 3),

проводятся на основе «всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании» (ч. 1 ст. 81),

регулируются федеральным законом (ч. 4 ст. 81, ч. 2 ст. 96),

являются способом осуществления местного самоуправления (ч. 2 ст. 130).

Конкретизированное упорядочение выборов осуществляется на основе нескольких федеральных нормативных правовых актов, среди которых установочную роль определенно играет Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее — Закон об основных гарантиях). Тем не менее несмотря на существование законов, регулирующих избирательные отношения, вопрос о систематизированном (в отдельной главе) закреплении в Конституции избирательных принципов, цензов, стадий, гарантий представляется исключительно важным.

Размышления по поводу включения в Основной закон главы об избирательной системе исходно основываются на отечественном историческом опыте.

Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик, утвержденная Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 года, была первой, содержащей отдельную одиннадцатую главу, именованную «Избирательная система». Статья 135 гласила: «Выборы депутатов являются всеобщими: все граждане СССР, достигшие 18 лет, независимо от расовой и национальной принадлежности, пола, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности, имеют право участвовать в выборах депутатов, за исключением лиц, признанных в установленном законом порядке умалишенными». Пассивное избирательное право адресовалось всем советским гражданам, обладающим активным избирательным правом, но достигшим возраста 23 лет.

Следующая Союзная Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик, принятая на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 года, также содержала главу «Избирательная система» (гл. 13). Она дополнила перечень основ избирательной системы принципом свободных выборов, а также ввела возрастной ценз для реализации пассивного избирательного права: 21 год для кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР и РСФСР соответственно [2, с. 35].

Следует отметить, что данный Основной закон частью 2 статьи 100 гарантировал гражданам и общественным организациям широкие возможности в период выборов. В частности, закреплялось право открыто и всесторонне обсуждать кандидатов в депутаты, оценивая их политические взгляды, профессиональные навыки и личные качества. Кроме того, предоставлялась возможность активно агитировать за или против кандидатов, организуя и проводя агитационные мероприятия на собраниях и в средствах массовой информации, включая печатные издания, телевидение и радио [3, с. 64].

Конституция РСФСР 1978 года своей главой 11 «Избирательная система» также восприняла: принципы всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании для выборов депутатов во все Советы народных депутатов (ст. 91) с последующей их конкретизацией (ст. 92–95); восемнадцатилетний возраст реализации всеми (кроме «умалишенных») гражданами РСФСР и активного, и пассивного избирательного права (ст. 92); принцип, скажем так, «системно-уровневой» законности, согласно которому «порядок проведения выборов в Советы народных депутатов определяется законами Союза ССР, РСФСР и республик в составе РСФСР» (абз. четвертый ст. 97); принцип бюджетного финансирования выборов, выражавшийся в том, что «расходы, связанные с проведением выборов в Советы народных депутатов, производятся за счет государства» (абз. третий ст. 96).

За общественными организациями (КПСС, ВЛКСМ, профессиональные союзы, кооперативные и иные общественные организации), за трудовыми коллективами и собраниями военнослужащих по воинским частям закреплялось право выдвижения кандидатов в депутаты (ст. 96). При этом и гражданам, и общественным организациям гарантировалось «свободное и всестороннее обсуждение политических, деловых и личных качеств кандидатов в депутаты, а также право агитации на собраниях, в печати, по телевидению, радио» (абз. второй ст. 96).

Были формализованы и такие элементы избирательной инфраструктуры, как избирательные округа, по которым проводились выборы депутатов в Советы (абз. первый ст. 97), избирательные комиссии, которые обеспечивали проведение выборов в Советы и формировались из представителей общественных организаций, трудовых коллективов и собраний военнослужащих по воинским частям (абз. третий ст. 97). Этой же статьей устанавливался принцип допустимости быть избранным в два Совета народных депутатов. Его же можно интерпретировать как принцип недопустимости быть избранным более чем в два Совета.

Важным конституционным народовластным элементом избирательной системы РСФСР являлся институт наказов избирателей, которые адресовались ими «своим депутатам» (ст. 98). Соответствующим Советам конституционно предписывалось рассматривать указы избирателей, учитывать «их при разработке планов экономического и социального развития

и составлении бюджета», организовывать выполнение наказов и информировать граждан об их реализации.

Таким образом, прежний опыт конституционного строительства России в отношении избирательной системы интересен, самобытен и был бы полезен для современного Российского государства.

* * *

В действующей российской Конституции данный опыт структурирования ее текста не использован, а нормы, касающиеся избирательной системы в широком смысле слова, рассредоточены по пяти ее главам, в том числе две из них, а именно первая «Основы конституционного строя» (ст. 3) и вторая «Права и свободы человека и гражданина» (ст. 32), не могут быть изменены поправочным путем. Кстати, отметим, что связанные с избирательной сферой статья 81 четвертой главы и статьи 96–97 пятой главы в 2020 году претерпели изменения через проведение общероссийского голосования [1, с. 145–154].

В формальном плане избранный композиционный подход принимается как данность. Другое дело, что в научном плане дискуссии по поводу перспектив наполнения конституционного текста новыми, в том числе электоральными нормами, весьма интересны.

По словам Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина, нельзя «...сказать, что в Конституции нет недостатков. Они есть, конечно, есть. И как юрист я их прекрасно вижу. Есть элементы несбалансированности между властями. Есть недостатки в системе разграничения полномочий между федерацией и ее субъектами. И, наконец, в Конституцию можно было бы внести более обширный блок об избирательной системе. Но и первый, и второй, и третий недостаток можно исправить, не внося поправок в Конституцию. Это можно сделать с помощью законов, и во многом это уже сделано. Но самое главное, это можно сделать с помощью практики <...> Гражданам нужна не новая Конституция, а исполнение действующей» [4].

В своих работах Н.В. Витрук занимал схожую позицию: «...не нужно трогать Конституцию, ... нет необходимости в создании новых положений и глав. Если есть необходимость корректировать, развивать названные в Конституции принципы, то можно принять федеральный закон. Наличие такого закона вполне достаточно, на его основе должна выстраиваться система федеральных законов, законов субъектов Федерации и нормативных актов муниципальных образований» [5, с. 26–27].

Изложенное дает основания думать, что дополнение Конституции новой главой «Избирательная система» лишено рациональности. Однако, высказываются аргументы иного рода. Достаточно задаться вопросом, как это сделала В.В. Комарова, почему высшие формы непосредственной демократии — референдум и свободные выборы, определенные таковыми

в статье 3 Конституции России, не получили прямого конституционного закрепления? [6, с. 31].

По мнению О.О. Миронова, «закрепление системы выборов Законодательного собрания страны на высшем, конституционном, уровне будет способствовать политической стабилизации, спокойствию общества, формированию общества, формированию парламентской культуры и этики» [7, с. 9].

Утверждение А.В. Зиновьева и И.С. Поляшовой сводится к тому, что «Закон об основных гарантиях необоснованно делегирует законодательным органам власти субъектов право регулирования многих аспектов избирательной системы» [8, с. 123–124].

Представляется интересным мнение А. Хорошевой: «...отход от модели советских конституций (наличие отдельной главы, посвященной избирательной системе...) был обусловлен тем, что на момент разработки и принятия Конституции очертания новой избирательной системы были еще слишком зыбкими и неопределенными, поэтому принципы избирательного права было нецелесообразно закреплять в столь фундаментальном нормативном правовом акте, обладающем довольно жестким порядком внесения в него изменений, как Конституция. Вместе с тем в настоящее время систему основных принципов избирательного права России можно признать стабильной и устоявшейся, что обуславливает возможность их закрепления в Конституции Российской Федерации» [9, с. 17].

* * *

Приведенные доводы представляются нам весьма убедительными, в связи с чем порассуждаем о содержании потенциальной конституционной главы «3.1. Избирательная система».

Во-первых, целесообразно конституировать базовые принципы избирательного права для проведения федеральных, региональных и муниципальных выборов. Во имя справедливости, открытости и демократичности выборов к разряду конституционных принципов избирательного права следует отнести не только базовое всеобщее, равное, прямое и тайное голосование, но и законность, свободное и добровольное участие граждан в выборах, их периодичность и альтернативность, независимость органов, осуществляющих организацию и проведение выборов.

Во-вторых, необходимо зафиксировать все виды выборов в Конституции. Определение типов выборов акцентирует внимание на демократических ценностях, честности и свободе выборов, многопартийности и конкурентности, что, в свою очередь, способствует легитимации власти и укреплению доверия общества к публичным институтам. На эту проблему, в частности, обращала внимание М.В. Мархгейм [10].

В-третьих, предлагаемую главу следует пополнить гарантиями реализации избирательного права граждан и легитимности власти. В числе специальных, отражающих определенные аспекты реализации, избирательных прав,

полагаем: юридические — конституционные, законодательные — федеральные и субъектов Федерации, подзаконные акты; организационные — специально предназначенные для этого органы — Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, избирательные комиссии субъектов Федерации, территориальные, окружные и участковые избирательные комиссии; процессуальные — последовательность электоральных стадий.

Несмотря на особенности проведения выборов для каждого их уровня и вида, наличествуют общие: назначение выборов; образование избирательных округов и избирательных участков; формирование избирательных комиссий; выдвижение и регистрация кандидатов; предвыборная агитация; финансирование выборов; организация и порядок голосования; определение результатов выборов [11, с. 15].

В порядке уточнения авторского отношения к выборам обратим внимание на нравственные электоральные гарантии, которые зависят от каждого из нас в части правовой культуры, заинтересованного отношения избирателей к электоральным процессам и другие. Появление специальной конституционной главы об избирательной системе России, как представляется, будет способствовать формированию указанных нравственных гарантий.

На наш взгляд, введение новой главы «3.1. Избирательная система» в Конституцию представляется востребованным шагом для укрепления демократических основ российского общества и обеспечения прав граждан на свободные и честные выборы. Современные вызовы, с которыми сталкивается избирательная система России, требуют четкого и систематизированного подхода на уровне Основного закона страны.

Именно поэтому, более емкое и систематизированное закрепление избирательного права на конституционном уровне создаст правовую основу для дальнейшего развития избирательной системы, позволяя установить единые стандарты и гарантии, которые обеспечат защиту прав избирателей и участников избирательного процесса.

Таким образом, введение главы «3.1. Избирательная система» в Основной закон отвечает не только принципу рациональной преемственности отечественного конституционного строительства и требованиям времени, но и защите народовластных основ конституционного строя и прав российских граждан на участие в управлении делами государства. Это, по нашему мнению, — ключевой шаг к дальнейшему укреплению демократии, уважению правовых норм в стране, созданию сбалансированной и эффективной избирательной системы, где максимально полное и наиболее достоверное выражение воли народа будет обеспечиваться самой Конституцией.

Список литературы

1. Мархгейм М.В. Общероссийское голосование: народовластные признаки и призраки // *Nomothetika: Философия. Социология. Право*. 2021. Т. 46. № 1.

2. Гонштейн В.Д. Историко-правовые аспекты избирательного процесса в рамках избирательного права в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 5.
3. Честнов И.Л. Актуальные проблемы теории государства и права: диалогическая природа государства и его место в политической системе общества. СПб., 2007.
4. К 10-летию Конституции Российской Федерации. Интернет-конференция Председателя Конституционного Суда Российской Федерации Зорькина Валерия Дмитриевича // СПС Гарант. URL: <http://www.garant.ru/action/conference/10139/>.
5. Витрук Н.В. Конституционный Суд Российской Федерации и совершенствование избирательного законодательства // Конституция и избирательное право: настоящее и будущее: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (г. Самара, 6 марта 2009 г.). Универс групп, 2009.
6. Комарова В.В. О совершенствовании форм непосредственной демократии // Конституция и избирательное право: настоящее и будущее: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. 2009.
7. Миронов О.О. Конституция не может быть неизменной // Государство и право. 1998. № 4.
8. Зиновьев А.В., Поляшова И.С. Избирательная система России: теория, практика и перспективы. СПб., 2003.
9. Хорошева А. Система принципов российского избирательного права: понятие и нормативное закрепление // Журнал о выборах. 2010. № 6.
10. Мархгейм М.В. Конституционная квинтэссенция доверия // Пути повышения уровня правосознания и правовой грамотности в современном гражданском обществе. Сборник материалов V Международной научно-практической конференции. Грозный, 2024.
11. Биктагиров Р.Т. Стадии российского избирательного процесса: понятие и проблемы классификации // Избирательное право. 2013. № 1.

А.Р. БАХТИЗИН
Н.И. ИЛЬИН
М.В. ЧЕРНЕНКОВ

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Аннотация. В статье рассматривается инструментарий средств совместной аналитической обработки разнородной информации (статистической, анкетной, текстовой и др.), используемый при решении задач анализа, оценки и прогнозирования предпочтений избирателей на выборах в представительные органы государственной власти. Представлен комплекс математических моделей прогнозирования результатов выборов по данным социологических опросов. Описан круг задач мониторинга электоральной ситуации, решаемых средствами агент-ориентированного моделирования. Предложена методика экспертной бальной оценки шансов кандидатов на выборные должности на основе персональных данных о соискателях (имидж, харизма, профессиональные качества и др.). Предложен набор аналитических приложений для анализа материалов средств массовой информации и социальных сетей. Арсенал этих средств может быть востребован в ситуационных центрах различного уровня.

Ключевые слова: выборные кампании, электорат, математические модели и методы, средства массовой информации и социальные сети, агент-ориентированное моделирование, социологические и экспертные опросы.

ANALYTICAL TOOLS IN THE RESEARCH OF ELECTORAL PROCESSES

Abstract. The article considers a set of tools for joint analytical processing of heterogeneous information (statistical, questionnaire, text, etc.) used in solving problems of analyzing, evaluating, and predicting voter preferences in elections to representative government bodies. A set of mathematical models for predicting election results based on opinion polls is presented. The range of tasks of monitoring the electoral situation, solved by means of agent-based modeling, is described. A methodology for expert scoring of candidates' chances for elected positions based on personal data about applicants (image, charisma, professional qualities, etc.) is proposed. A set of analytical applications for analyzing media and social

БАХТИЗИН Альберт Рауфович — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор РАН, профессор, директор Центрального экономико-математического института Российской академии наук, г. Москва

ИЛЬИН Николай Иванович — доктор технических наук, профессор, главный научный сотрудник Центрального экономико-математического института Российской академии наук, г. Москва

ЧЕРНЕНКОВ Михаил Владимирович — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центрального экономико-математического института Российской академии наук, г. Москва

media materials is proposed. The arsenal of these tools may be in demand in situational centers of various levels.

Keywords: *election campaigns, electorate, mathematical models and methods, mass media and social networks, agent-based modeling, sociological and expert surveys.*

Электоральный процесс представляет собой совокупность этапов, механизмов и практик, связанных с организацией и проведением выборов, а также с формированием представительных органов власти или избранием должностных лиц. На каждом из его этапов — при регистрации участников (кандидатов, партий), агитации, голосовании, подсчете голосов и объявлении результатов, все чаще используются современные ИТ-технологии, включая средства искусственного интеллекта (ИИ).

Мониторинг электоральных процессов включает в себя широкий круг задач, при решении которых исследуется множество факторов, влияющих на общественно-политическую и социально-экономическую ситуацию в стране и ее регионах. Важнейшими источниками для их оценки выступают данные о результатах социологических опросов, проводимых перед выборами и на избирательных участках во время проведения голосования, а также мониторинга средств массовой информации и настроений населения в социальных сетях. Кроме того, в интересах прогнозирования результатов голосования широко используются сведения об основных кандидатах, участвующих в выборах (имидж, уровень политической и финансовой поддержки, содержание предвыборных программ, выборная активность), а также исторические материалы (результаты голосования на аналогичных выборах за предшествующие периоды) и другие. Все вместе они составляют значительные объемы разнородной информации, требующей при их обработке применения конкретных математических моделей и методов. В последнее время специалисты в области прогнозирования итогов выборов все чаще прибегают к использованию нейросетей.

Моделирование результатов выборов на основе данных социологических опросов и экзитполов

Социологические опросы проводятся специализированными службами (ВЦИОМ, ФОМ, РОМИР и др.) по критериям, учитывающим социально-географическую структуру общества. Как правило, репрезентативная выборка для субъекта Российской Федерации колеблется от 600 до 1200 респондентов. Замечено, что в последние годы точность результатов опросов снижается. По мнению экспертов, предполагаемые причины этого связаны, с одной стороны, со снижением политической активности граждан и отсутствием новых ярких политических фигур, что существенно затрудняет избирателям выбор кандидатов или приводит к сокрытию своих предпочтений. И, с другой стороны, с возможными методическими ошибками при подготовке и проведении социологических опросов, снижающими репрезентативность исходных

данных, а также с применяемыми для прогнозирования математическими моделями и методами, влияющими на точность прогнозов.

Для получения достоверных результатов прогнозирования в ходе проведения избирательных кампаний по выборам Президента Российской Федерации, в Государственную Думу (по партийным спискам и одномандатным округам) и в законодательные собрания субъектов Федерации, а также выборов глав субъектов Федерации и глав муниципальных образований применяется достаточно широкий арсенал математических моделей и методов.

Для оценки электоральной обстановки в ходе выборных кампаний может быть задействован комплекс имитационных вероятностных моделей, включающий: модели *прогнозирования* результата голосования на выборах; модели *электорального потенциала* кандидатов (партий); модели, основанные на *матрице вероятностей* «электоральных перетоков»; модели *оценки* взаимной расположенности сторонников различных кандидатов (партий).

Модель текущей прогнозной оценки вероятного результата голосования

Данная модель предназначена для получения распределения точечных и интервальных текущих прогнозных оценок вероятного результата голосования для всех кандидатов (партий) — участников выборной кампании, посредством имитации процесса выборов среди избирателей, опрошенных в ходе проведения общероссийского или регионального социологического опроса населения.

Исходными данными для расчета таких оценок выступают процентные долевые распределения ответов респондентов относительно их отношения к предстоящим выборам — так называемые *рейтинги*, определяемые путем прямого подсчета частоты ответов респондентов на вопрос анкеты «*За кого вы проголосуете на предстоящих выборах?*», допускающий выбор только одного варианта ответа:

- за конкретного кандидата (партию) из предлагаемого списка;
- проголосую против всех кандидатов (партий);
- не пойду голосовать (или не буду участвовать в выборах);
- затрудняюсь ответить.

Расчет значений точечных прогнозных оценок результата голосования для каждого кандидата (партии) и «против всех кандидатов (партий)» заключается в выполнении двух основных операций:

- перераспределении (нормировании к 100%) рейтингов кандидатов (партий) и голосов «против всех» после исключения из рассмотрения респондентов, которые заявили о своем намерении не участвовать в выборах;
- распределении по некоторому эвристическому алгоритму голосов респондентов, еще не определивших своего отношения к выборам и затруднившихся с ответом на поставленный вопрос.

Значения точечных прогнозных оценок результатов голосования для i -го кандидата (P_i) определяются формулой:

$$P_i = 100 \times \frac{R_i}{(100 - R_{ny} - R_{zo})} = 100 \times \frac{R_i}{\sum_{j=1}^{n+1} R_j}, \quad (i=1, \dots, n+1), \quad (1)$$

где R_i — рейтинг i -го кандидата (партии) или «против всех»;

R_{ny} — процентная доля респондентов, не собирающихся участвовать в голосовании;

R_{zo} — процентная доля «неопределившихся» респондентов;

n — общее количество кандидатов (партий).

Модель «электорального потенциала» кандидатов (политических партий, движений) по данным социологических исследований

Модель «электорального потенциала» кандидатов (политических партий, движений) представляет собой один из примеров успешного применения математических моделей в социологии. Она основана на использовании «электорального потенциала» кандидата (партии) — оригинального показателя, предлагаемого для оценки перспективных возможностей кандидата (партии) приобрести новых или утратить часть своих нынешних сторонников (в зависимости от сложившейся электоральной обстановки).

Значения «электорального потенциала» вычисляются в рамках теории *марковских цепей* как предельное равновесное состояние распределения вероятностей электоральных предпочтений по отношению к кандидатам, устанавливающееся в результате многократного итерационного повторения процесса принудительного перераспределения электоральных предпочтений в соответствии с условными вероятностями матрицы перехода марковской цепи [1, с. 556–557].

Для расчета «электорального потенциала» кандидатов (партий) должны быть получены ответы респондентов на два вопроса:

Вопрос 1. «За какого кандидата (партию) Вы собираетесь проголосовать на предстоящих выборах?». Допускается только один ответ из приведенного ниже перечня вариантов:

- 1) проголосую за конкретную кандидатуру (партию) (здесь разрешено выбрать одного кандидата из приведенного списка);
- 2) проголосую против всех кандидатов (партий);
- 3) не буду участвовать в выборах;
- 4) затрудняюсь ответить, поскольку еще не определил своего отношения к выборам.

Вопрос 2. «За какого кандидата (партию) Вы проголосовали бы на выборах, если ваш нынешний избранный (выбранная вами партия) снимет свою

кандидатуру, не будет участвовать в выборах?». Допускается только один ответ из приведенного ниже списка вариантов:

1) проголосовал бы за конкретную кандидатуру (партию) (здесь решается выбрать одного кандидата из приведенного списка, при этом допустимо повторно указать того же самого кандидата (партию), что и при ответе на первый вопрос);

2) проголосовал бы против всех кандидатов (партий) из приведенного списка;

3) все равно проголосовал бы за своего кандидата (партию);

4) не принял бы участия в выборах;

5) затрудняюсь ответить, поскольку еще не определил своего отношения к выборам.

Далее прямым подсчетом частот совместных ответов респондентов на эти вопросы для всех допустимых комбинаций вариантов ответа формируется матрица, которая может быть использована в качестве матрицы перехода марковской цепи (*матрица вероятностей «электоральных перетоков»*).

Элементы матрицы вероятностей «электоральных перетоков» содержат оценки условных вероятностей p_{ij} избирателю проголосовать на выборах за j -го кандидата (партию) при условии, что в настоящий момент этот избиратель является сторонником i -го кандидата (партии).

Моделирование распределения значений «электорального потенциала» осуществляется путем многократного итерационного умножения матрицы P на результат предыдущей итерации. Для этого используют рекуррентную формулу, соответствующую частному случаю *уравнения Чепмена-Колмогорова* [2, с. 165–167]:

$$p_{ij}^{k+1} = \sum_r p_{ir} \times p_{rj}^k \quad (2)$$

В матричной форме данное уравнение можно переписать следующим образом:

$$P^{k+1} = P \times P^k \quad (3)$$

Модели, основанные на матрице вероятностей «электоральных перетоков»

Моделирование перераспределения электоральных предпочтений с помощью различных алгоритмов, основанных на применении матрицы вероятностей «электоральных перетоков», позволяет имитировать разнообразные ситуации, которые могут возникнуть в ходе избирательной кампании, например, проигрывать варианты сценариев, имитирующих неучастие в выборах одного или группы кандидатов или корректно прогнозировать исход повторного голосования.

Названная матрица для моделирования перераспределения голосов выбывших кандидатов (партий) несколько отличается от аналогичной

матрицы, используемой при построении модели «электорального потенциала» кандидатов (партий). Эти различия обусловлены следующим обстоятельством: хотя обе матрицы строятся по двум одинаковым вопросам («За кого Вы проголосуете на выборах?» и «За кого Вы проголосовали бы, если ваш кандидат не смог участвовать в выборах?»), при этом шкалы вариантов ответа на первый вопрос в обоих случаях одинаковы. Однако в шкале вариантов ответа на второй вопрос для случая моделирования перераспределения голосов выбывших кандидатов (партий) отсутствует вариант «проголосую за того же кандидата (партию)». Кроме того, респондентам категорически запрещено, отвечая на второй вопрос, называть того же кандидата (партию), что и при ответе на первый вопрос.

Построение матрицы «электоральных перетоков» для моделирования перераспределения голосов выбывших кандидатов (партий) осуществляется по той же схеме, что и при моделировании «электорального потенциала». Элементы матрицы вероятностей «электоральных перетоков» в этом случае также содержат оценки условных вероятностей p_{ij} избирателю проголосовать на выборах за j -го кандидата (партию) при условии, что в настоящий момент этот избиратель является сторонником i -го кандидата (партии), но диагональные элементы матрицы $p_{ii} = 0$.

Оперативное моделирование результатов выборов по данным экзитполов

Опросы граждан на выходе из избирательных участков в день голосования (экзитполы) дают оперативную, но предварительную оценку результатов выборов. Их данные позволяют оценить расхождение между намерениями людей перед выборами и их реальными предпочтениями в процессе голосования и, кроме того, — одновременно проверить качество работы региональной сети социологов. Преимущество экзитполов состоит в возможности быстрой верификации выборочных сведений, полученных с участков голосования, путем их сравнения с распределением по всей генеральной совокупности (результатов выборов).

Информация, получаемая социологами в ходе экзитполов, помогает составить фактический портрет электората той или иной партии, выявить дополнительную информацию о процессе принятия решения избирателями, степени доверия самому процессу выборов и другие ценные сведения, которые впоследствии могут быть использованы при прогнозировании электорального процесса.

Агент-ориентированное моделирование электоральных предпочтений населения

Агент-ориентированные модели (АОМ) — мощный инструмент для анализа сложных социальных систем, включая избирательные процессы. Их применение позволяет изучить динамику поведения электората,

влияние информационных кампаний, распространение мнений и другие аспекты выборных процессов. Приведем некоторые области применения АОМ в электоральных исследованиях.

Анализ партийной конкуренции. Модели позволяют исследовать, как партии реагируют друг на друга в ходе избирательной кампании, и прогнозировать распределение голосов при различных условиях.

Учет динамики предпочтений избирателей. АОМ помогают отследить изменение политических взглядов отдельных групп населения в зависимости от социально-экономической ситуации, что влияет на распределение голосов.

Исследование влияния субъективных факторов. Например, влияние личных оценок избирателей, которые определяют выбор партии, через моделирование ограниченной рациональности.

Модель, основанная на допущениях классической теории Э. Даунса. В ней избиратели и партии взаимодействуют по принципу «полезности»: партии выбирают идеологическую позицию, а избиратели выбирают партию, которую предпочитают по обозначенному принципу.

Преимущества использования АОМ в избирательных процессах состоят, *во-первых*, в возможности моделирования индивидуального поведения. Агенты (избиратели, партии, СМИ) действуют по заданным правилам, что позволяет учитывать их личные предпочтения, социальные связи и когнитивные особенности. *Во-вторых* — в моделировании влияния разных факторов (экономика, пропаганда, лидеры мнений) на выбор избирателя. И, *в-третьих* — в моделировании последствий распространения в социальных сетях новостей, фейков или агитации на выбор избирателя [3, с. 21–32].

Многофакторное статистическое моделирование на основе экспертных данных

Для моделирования предпочтений избирателей к кандидатам на выборные должности чаще всего используются следующие пять ключевых факторов, характеризующих шансы кандидатов на избрание: привлекательность личности (имидж, харизма, ораторские способности, профессиональные качества, опыт работы, местожительство и др.); деловой и общественно-политический потенциал; весомость кандидата с точки зрения поддержки государственными, политическими, общественными и финансово-промышленными структурами; социальная база (круг поддержки — например, молодые люди, пенсионеры, предприниматели и др.); стратегия и тактика проведения выборной кампании. Каждый из приведенных факторов характеризуется несколькими показателями (индикаторами).

Процедура комплексного оценивания включает ранжирование критериев, рейтинговую и интегральную оценку, которое осуществляется путем экспертного присвоения каждому показателю весового коэффициента (К).

Сумма значений K для всех показателей должна быть равна 1. При этом должно быть не более трех показателей, сумма весовых коэффициентов которых не меньше величины 0,95.

Рейтинговая оценка показателя (R) рассчитывается умножением величины бальной оценки (C), как усредненного значения оценок экспертов, на величину весового коэффициента K .

Бальная оценка (C) определяется сравнением фактических оценочных значений показателей, данных экспертами по пятибалльной шкале.

Интегральная оценка показателей (I) рассчитывается путем суммирования значений рейтинговых оценок показателей (R) и равна 5.

Анализ электоральных процессов на основе мониторинга СМИ и социальных сетей

Современные средства массовой информации и социальные сети могут содержать сведения, необходимые для исследования электоральных процессов в различных территориальных образованиях в целях прогнозирования результатов выборов.

Например, анализ информации, содержащейся в СМИ и социальных сетях, при использовании актуальных инструментальных средств позволяет выявлять лидеров мнений, отношение населения к политическим партиям и инициативным группам, кандидатам на выборные должности, а также к текущим социальным проблемам в регионе: медицине, образованию, жилищным проблемам, транспортной инфраструктуре и так далее. С помощью обработки значительных объемов информации, содержащихся в социальных сетях, можно устанавливать коммуникационные связи как между различными общественными организациями, так и отдельными их участниками.

На основе фактов и предположений, почерпнутых из открытых источников, возможно не просто контролировать и анализировать ход проводимых избирательных кампаний, но и строить прогнозы развития ситуации, что важно для принятия верных решений. По утверждению специалистов, около 80 процентов информации, требуемой для поддержки процесса стратегического управления в ходе организации и проведения выборных кампаний, может добываться из открытых источников (Интернет, традиционные СМИ, информационно-рекламные материалы кампаний и так далее).

Современная компьютерная индустрия располагает широким спектром аналитических средств, связанных с обработкой больших объемов материалов СМИ. Широко известна информационно-аналитическая система (ИАС) «Астарта», используемая для автоматизации аналитических исследований. Она предоставляет возможным образом получать из гигантского информационного объема вторичные сведения, необходимые для принятия решений. Кроме традиционного набора операций по первичной обработке документов — полнотекстовой индексации и классификации

по заданным наборам реквизитов (дата, автор, заголовок, источник и пр.), система также обеспечивает семантический анализ (автоматическое рубрицирование и группировка, а также интеллектуальная выборка информации по заданной теме) текстовых материалов на основе самообучающегося экспертного рубрикатора.

Программный комплекс «Галактика-Zoom» предназначен для аналитической обработки текстовых неструктурированных документов с целью обеспечения информационной поддержки принимаемых управленческих решений благодаря быстрому поиску и контент-анализу отобранной информации, а также возможности составлять информационный портрет объекта, представляющего интерес.

Информационно-аналитическая система «Медialogия», наряду с рутинными технологическими операциями, позволяет также классифицировать публикации по значимости, определять отношение СМИ к объектам, анализировать характеристики PR-кампаний, устанавливать отраженные в СМИ связи между объектами и так далее.

TextAnalyst является инструментом для анализа содержания текстов, смыслового поиска информации и формирования электронных архивов. Она также способна строить семантические древа, но не по объектам, а по отдельным статьям, в результате чего создается смысловой портрет каждого текста на основе количества упоминаний.

Следует отметить, что перечисленные российские программные продукты по обработке и анализу текстов существенно уступают современным зарубежным образцам. Например, IBM Watson Natural Language Understanding предоставляет полный комплект функций расширенного анализа текста для извлечения сущностей, взаимосвязей, ключевых слов, семантических ролей и так далее. Программный комплекс реализует следующие функции: распределение материалов по категориям с помощью пятиуровневой иерархии классификации; выявление общих концепций, которые не затрагиваются в тексте напрямую; анализ эмоциональной окраски конкретных целевых фраз или всего документа; определение людей, мест, событий и других типов сущностей, упоминаемых в текстах; поиск ключевых слов; анализ тональности, в частности, отношения к конкретным целевым фразам и к документу в целом; определение пользовательских сущностей и взаимосвязей, относящихся только к конкретной предметной области.

Социальные сети стали мощным каналом для формирования общественного мнения, мобилизации избирателей и влияния на результаты выборов. Они предоставляют уникальную возможность политическим кандидатам и партиям для коммуникации с широкой аудиторией, особенно среди граждан, принимающих активное участие в онлайн-дискуссиях, и не требуют значительных финансовых затрат.

Инструментальные средства анализа социальных сетей помогают политологам и социологам, оценивающим шансы кандидатов в ходе подготовки

и проведения выборных кампаний, выявлять некоторые закономерности и характеристики, которые остаются за пределами видимости при применении традиционных количественных и качественных методов. Речь идет в том числе об определении демографических атрибутов пользователей, поиске описаний событий в корпусах сообщений, идентификации пользователей различных сетей, выявлении сообществ пользователей и измерении информационного влияния между пользователями. В ходе предвыборной агитации представляется возможным определять целевую аудиторию, то есть потенциальных сторонников с учетом их интересов, демографических особенностей и политических предпочтений, мониторить и анализировать контент основных конкурентов, изучить реакцию сторонников на распространяемую информацию и другое.

Современный арсенал программных средств исследования социальных систем насчитывает сотни наименований. В интересах специалистов, занимающихся выборными технологиями, могут быть предложены следующие программные комплексы:

«Яндекс API Поиск по блогам» позволяет обрабатывать профили пользователей в блогах, социальных сетях и на форумах, задавать сложные поисковые запросы с выбором сервера поиска, даты публикации записи, автора или «друзей» блогера;

Yahoo Pipes — это веб-приложение с графическим пользовательским интерфейсом для создания приложений, объединяющих ленты новостей, веб-страницы и другие сервисы. Позволяет пользователям получать потоки информации из разных источников и создавать правила по управлению полученным контентом, используя фильтры, сортировки и перевод с других языков объединения RSS-потоков из различных источников (автоматически генерируемые сводки, в которых отображаются недавно опубликованные статьи и новости с гиперссылками на полные версии указанных материалов);

NodeXL — инструмент для анализа социальных сетей и визуализации данных, позволяет визуализировать графы социальной сети, а также проводить статистическую обработку полученных данных. Обеспечивает выявление влиятельных пользователей, анализ связей, контента и метаданных;

NVivo — программный продукт, предназначенный для организации и анализа нечисловых и неструктурированных потоков информации. Реализация технологии мониторинга агитационных действий полезна на разных этапах избирательного процесса, — как во время избирательных кампаний, так и в периоды между выборами.

Знание основных тенденций в предпочтениях избирателей, возможность быстрого получения информации об изменениях в настроениях различных групп населения позволяют оперативно оценивать шансы кандидатов, участвующих в выборах [4].

Методы электоральной географии в изучении предпочтений населения

Предметом и методом исследования электоральной географии являются, соответственно, пространственные различия в политической ориентации населения и сравнительный анализ результатов голосования избирателей на выборах в представительные органы власти в территориальном разрезе [5].

Средства изучения электоральной географии призваны обеспечить комплексную оценку результатов прошедших выборов в разрезе регионов, муниципальных образований, избирательных округов.

Информационной основой для анализа являются данные региональной статистики о результатах выборов в представительные органы власти, опирающиеся на официальные сведения Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, избирательных комиссий субъектов Федерации, территориальных избирательных комиссий. Наряду с ними обобщаются данные с результатами социологических опросов и экзитполов, проводимых Фондом «Общественное мнение» и Всероссийским центром изучения общественного мнения, региональными аналитическими центрами и другими социологическими службами, официальные материалы о численности региональных отделений партий Министерства юстиции и другие.

В процессе моделирования в качестве объективных факторов, влияющих на настроение избирателей и исход выборов, могут учитываться половозрастная структура населения, доля городских и сельских жителей, пенсионеров, уровень жизни, показатели безработицы, удельный вес лиц с высшим образованием, и другие [4]. Источником информации о демографических и социально-экономических критериях должны служить данные Федеральной службы государственной статистики и ее региональных подразделений.

На этой основе с использованием средств корреляционного, факторного, кластерного и регрессионного анализа представляется возможным решение широкого класса задач, связанных с оценкой электоральных предпочтений избирателей, включая кластеризацию избирательных объединений и кандидатов, региональный анализ социально-экономических факторов электорального поведения избирателей и так далее.

Прогнозирование итогов выборов на основе использования машинного обучения и искусственного интеллекта

Применение средств машинного обучения и искусственного интеллекта в практике проведения выборных кампаний в последние годы становится все более распространенным. Алгоритмы, реализованные в этих средствах автоматизированной обработки разнородной информации, призваны анализировать огромные массивы данных из различных источников (СМИ, социальные сети, социологические опросы, обращения граждан в органы государственной власти, статистические сведения и другое). Современные

политтехнологии активно используют средства ИИ в предвыборной борьбе, в том числе для оказания помощи кандидату в нахождении целевой аудитории, поиске ключевых тем для обсуждения с избирателями, корректировке, а при необходимости — методов и способов проведения избирательной кампании. Сегодня нейронные сети способны выявлять фейковые видео-, фото- и текстовые материалы, распространение ложных данных.

В своей совокупности приведенные средства направлены на повышение точности прогнозных оценок результатов выборов, а также повышение эффективности и прозрачности проведения избирательных кампаний разного уровня. ИИ-инструменты уже сегодня могут обеспечить кандидатов определенными преимуществами. Среди них — предиктивная аналитика, включающая прогнозирование событий в будущем на основе опыта прошлого и принятия решений; автоматизированная работа с избирателями; персонализированная реклама; мониторинг фальсификаций на выборах¹.

Примером такого использования нейросетей может служить применение ИИ-элементов для таргетирования избирателей и дальнейшего продвижения среди них нужных нарративов. Именно этот путь для своей избирательной кампании в 2024 году выбрал Дональд Трамп, когда пользовался разработками компании Cambridge Analytica. В настоящее время разработками ИИ-технологий и ИИ-инструментов занимаются сотни IT-компаний в разных частях света².

Ограничения и риски применения методов прогнозирования в электоральных исследованиях

Исходя из широкого распространения математических моделей, экспертных оценок и средств искусственного интеллекта в прогнозировании результатов выборов, необходимо учитывать ряд существенных ограничений и рисков, способных существенно повлиять на точность и достоверность прогнозов.

Во-первых, ключевым фактором, влияющим на результативность моделей, остается качество исходных данных. Социологические опросы могут страдать от нерепрезентативности, социальной желательности ответов, манипуляций в формулировках вопросов и снижающейся готовности респондентов к откровенности. Особенно это актуально в условиях политической напряженности, когда многие избиратели намеренно скрывают свои предпочтения.

¹ Искусственный интеллект и выборы: как ChatGPT и другие ИИ-инструменты меняют политические процессы. URL: <https://smart-estet.ru/articles/iskusstvennyy-intellekt-i-demokratiya-kak-sovremennyye-tehnologii-ispolzuyut-vo-vremya-vyborov?ysclid=may3su1559907060297> (дата обращения: 11.06.2025).

² ТОП-50 лучших компаний в области ИИ в 2025 году по версии Forbes. Доступ: ТОП-50 лучших компаний в области ИИ в 2025 году по версии Forbes. Среди прорывных ИИ-инструментов: ChatGPT, Claude, Grok, Midjourney, Perplexity, Pika, Codeium, Cursor и другие — Бегиныч на DTF (дата обращения: 11.06.2025).

Во-вторых, большинство моделей на недостаточном уровне учитывают динамическую природу политических предпочтений. В условиях быстро меняющейся информационной повестки, внезапных кризисов и скандалов электоральные настроения могут меняться в течение нескольких дней, а подобные сдвиги зачастую не отражаются в данных и, как следствие, не учитываются в прогнозах.

В-третьих, агент-ориентированные и экспертные модели могут страдать от высокой степени субъективности: параметры агентов задаются вручную, веса факторов устанавливаются экспертами, что влечет за собой риск смещения результатов в сторону предварительных ожиданий разработчика. Такая предвзятость ограничивает объективность прогнозов.

В-четвертых, современные ИИ-инструменты подвержены эффектам «черного ящика»: сложно объяснить, почему алгоритм принял то или иное решение. Это создает проблему интерпретируемости, особенно в контексте политического принятия решений, где требуются прозрачные основания для прогноза.

Наконец, немаловажно учитывать возможность стратегического манипулирования данными. В условиях конкурентной предвыборной борьбы отдельные акторы могут целенаправленно влиять на информационную среду (вбросы, боты, фейковые соцопросы и т.п.), подрывая достоверность входных сведений и снижая устойчивость моделей к искажениям.

Таким образом, для повышения надежности прогнозов электоральных процессов необходимо сочетание различных методологических подходов, постоянный контроль качества входной информации, валидация моделей на исторических данных, а также совершенствование способов учета неопределенности и рисков при интерпретации результатов.

Развитие методов анализа электоральных процессов идет по пути усложнения моделей, интеграции разнородных источников информации и активного внедрения цифровых технологий. От локальных экспертных оценок и простых социологических моделей происходит переход к гибридным системам прогнозирования, сочетающим математическую строгость, поведенческие предпосылки и возможности искусственного интеллекта. В ближайшей перспективе можно выделить следующие ключевые направления развития:

1. *Семантический анализ «тонких сигналов»* — автоматизированное выявление слабых трендов в социальных сетях, позволяющее опережать крупные изменения общественных настроений.

2. *Интеграция пространственно-временных данных* — моделирование поведения избирателей с учетом миграции, урбанизации и различий в информационной насыщенности территорий.

3. *Сценарное моделирование с участием человека в контуре* — человеко-машинные системы, в которых аналитик управляет моделями через «панель управления», оперативно задавая параметры, сценарии, ограничения.

4. *Рост значения explainable AI (XAI)* — развитие интерпретируемых моделей, обеспечивающих прозрачность и воспроизводимость прогнозов для целей электорального аудита и мониторинга.

5. *Цифровой двойник социума избирателей* — создание масштабных симуляторов электоральной среды, где возможно проигрывание различных стратегий кампаний в виртуальной среде до их реализации.

Таким образом, уже в ближайшее время исследовательское и практическое сообщество будет работать в условиях новой парадигмы электорального анализа, в которой ключевыми факторами станут *адаптивность, объяснимость и доверие* к принимаемым на основе анализа решениям.

Список литературы

1. Вентцель Е.С. Теория вероятностей. М., Физматлит, 1962.
2. Гмурман В.Е. Теория вероятностей и математическая статистика. М., Высшая школа, 1977.
3. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р. Современные инструменты моделирования социально-экономических процессов // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2024. № 1(76).
4. Розин М.Д., Свечкарев В.П., Конторович С.Д., Литвинов С.В., Носко В.И. Исследование социальных сетей как площадки социальной коммуникации Рунета, используемой в целях предвыборной агитации // Сетевой научный журнал «Инженерный вестник Дона». 2011. № 1. URL: <http://www.ivdon.ru/magazine/archive/n1y2011/397> (дата обращения: 11.06.2025).
5. Манаков А.Г. Прикладные аспекты электорально-географических исследований // Псковский обозреватель. Общественно-политический журнал. 2001. № 1.

О ФИЛОСОФИИ ВЫБОРОВ: СТОРОННИЙ ВЗГЛЯД

Аннотация. В статье речь идет о таком практически общемировом явлении и концепте, как выборы. Автор предпринимает попытку рассмотреть их с разных физических и мировоззренческих ракурсов, временных и пространственных точек зрения, анализируя суть и содержание выборов. И таким образом пытается вникнуть в историю и первоначальное значение выборов посредством детализации их особенностей. В тексте отстаивается тот взгляд, что выборы, временами из-за долгого использования не всегда в благовидных целях кажущиеся неким добавлением к государственной и общественной бытийности, испещренные глубинными проблемами, а может быть, и почти неизлечимыми болезнями, во всех реальностях, включая актуальную действительность, являют собой величайшее подспорье эволюции людского сообщества.

Ключевые слова: выборы, демократия, общество, государство, история выборов, суть выборов, содержание выборов, цель выборов, восприятие выборов.

ON THE PHILOSOPHY OF ELECTION: AN OUTSIDE VIEW

Abstract. The article deals with such an almost universal phenomenon and concept as elections. The author makes an attempt to consider elections from different physical and ideological angles, temporal and spatial points of view, analyzing their essence and content. And in this way, he tries to delve into the history and original meaning of the elections by detailing their features. The text defends the view that elections, which at times, due to their long use not always for plausible purposes, seem to be a kind of addition to the state and social existence, speckled with deep problems, and perhaps almost incurable diseases, in all realities, including actual reality, are the greatest help in the evolution of the human community.

Keywords: elections, democracy, society, state, history of elections, essence of elections, content of elections, purpose of elections, perception of elections.

*Знаю, что о политических материях
мне высказываться неуместно,
но, может быть, позволительно добавить,
что не верю в демократию,
диовинное извращение статистики.*

Хорхе Луис Борхес.
Из предисловия к сборнику стихов
«Железная монета» (1976)

Начнем с того, что выборы, воспринимаемые, пусть и как краеугольный, но все же как всего лишь элемент демократии, намного старше последней. Здесь ситуация примерно такая же, как и с обществом и государством. Государству, притом в любых его формах и проявлениях, от силы тысячи лет, возраст общества может исчисляться десятками тысяч лет. Как не может быть никакого сомнения в том, что *выборы породили демократию*, а не наоборот, так и государство — результат эволюции общества и никак иначе. В то же время каким-то чудесным образом в обеих ситуациях *порождения оказались ведущими*, загнав собственные источники в свой глубокий тыл, и практически всякий раз обращаются к ним исключительно при необходимости, то есть как к подручным средствам. Говоря по-другому, и в случае с демократией, и в случае с государством, телега прочно встала впереди лошади и диктует ей условия. Никому не придет в голову сакрализировать социум, то есть придавать некую святость обществу, а тем более выборам. А слова «демократия» и «государство» разве что с заглавных букв не пишутся. В некоторых странах одной лишь ссылкой на демократию можно заканчивать любые дискуссии на тему справедливости, а иногда и морали. В других (в преобладающем большинстве) аналогичная роль принадлежит государству. Между тем как общество, так и выборы являют (не представляют, а именно являют) собой те фундаментальные основы, на которых зиждутся не только государство и демократия, но и вся — как государственная, так и социальная — бытийность. Без демократии выборы (возможно, не в такой разностильной форме, как в наше время) существовали в течение целых эпох; без государства общество развивалось изначально и до относительно недавних времен; но как без выборов нет демократии, так и без общества невозможно государство.

Выборы сопровождают человечество с того периода истории, когда людские группы, коллективы, роды, племена, родовые и племенные объединения обзавелись социальной характеристикой, став сообществами и обществами, то есть едиными целыми. Независимо от того, как они выглядели, в каких условиях и каким образом зарождались и функционировали, им невозможно

было *обойтись без того, чтобы выбирать*. В одних случаях выбирали путь, в других — цель, в третьих — задачу, притом каждый раз в широком для себя смысле слова. Понятное дело, что *выборы возникли из выбора* — сначала из частного, а затем и из общего. Главное в том, что выборы, будучи природным, а значит естественным явлением, произошли и развивались таким же естественным путем примерно так же, как мораль и порядок. Обладая защитными для общества свойствами в качестве одного из базовых элементов порядка, они эволюционировали из первичного своего состояния *потребности*, а затем и самобытного, самостоятельного явления до уровня *понятия*, а далее — *концепта*, заключающего в себя массу характеристик, важных, а местами и временами необходимых для социального развития.

Изначально, еще в виде частного выбора, выборы являлись *определяющим фактором*. Разумеется, на то, чтобы стать *ведущим явлением*, им понадобились многие тысячи лет. Но характеристики определителя и ведущего, однажды ими полученные, стали имманентными свойствами выборов навсегда. Здесь более чем важно отметить один момент: мы выбираем при любых стечениях обстоятельств, — естественно, что, и выбирая выбираем, но выбираем и отказываясь от выбора. То есть практически каждое наше решение связано с выбором. Именно по этой причине возникновение выборов, как социального средства изменения, трансформации, реорганизации, реконструкции общества, оказалось должным итогом общественной эволюции. Хотя есть и такое мнение: «Выбор — это неблагородный императив. Всякая философия, которая обрекает человека на осуществление его воли, может лишь повергнуть его в отчаяние. Потому что, если для одного сознания нет ничего более лестного, чем знать, что оно хочет, то для другого, темного и витального сознания (не-сознания?), которое ставит счастье в прямую зависимость от бесперспективности воли, наоборот, нет ничего более завораживающего, чем не знать, что оно хочет, быть свободным от выбора и отвращенным от своей собственной объективной воли. Лучше поддаться чьей-нибудь незначительной прихоти, чем застыть в нерешительности перед своей собственной волей или необходимостью выбора» [1, с. 136].

Одно из особенных свойств выборов заключается в том, что они — *часть того порядка*, который складывался в течение всей истории человечества и по большому счету послужил главным детерминантом людской цивилизации. Это свойство никуда не девалось и никуда не денется. Как тот изначальный порядок, который развиваясь, преображаясь, совершенствуясь и проходя через многие катастрофы, катаклизмы, вызовы, революционные скачки и реформы, сохранил себя (хотя и временами действует подспудно) и при необходимости проявляется в полной мере, так и выборы никаким технологиям неподвластны, правда, только по большому счету. Если уподобить общество морю, то посредством выборов оно демонстрирует свое

актуальное состояние, — в одни времена наступает, в другие отступает, во всякие исторические периоды продолжая свое развитие.

Говоря иначе, важнейшая (а возможно, и главная) *дефиниция выборов* в том, что они являют собой некий *определиватель*. И то, что они на каком бы уровне ни было *определяют*, имеет высочайшее значение как для общества, так и для государства. Это своего рода социология, но только своего рода, так как итоги выборов — это не только знание и вовсе не сведения, а вектор развития общества, сообщества, а нередко и страны. По данной проблеме орфографическая этимология выборов нам ничего не даст. Это тот случай, когда слово, термин, а тем более понятие намного больше, чем они выглядят и представляются. Как слово «выбор», так и слово «выборы» можно без особых усилий обесценить, подменить, дискредитировать, но их содержание, а особенно суть, *не подлежат искажению*. Сложно сказать, были ли выборы некой находкой, интуитивной догадкой или результатом долгих поисков. Но то, что они, в отличие от того же жребия, который на первый взгляд может казаться более объективным фактором, заключают в себе *разумное начало*, состоящее в том числе и из *логических размышлений*, очевидно. И до первого, и до второго человечеству нужно было дорасти. Судя по тому, какое значение придается выборам в большей части ойкумены, этот рост по сей день продолжается, преодолевая множество самых разных объективного и субъективного рода препятствий.

Ко временам, когда выборы обрели значение *понятия*, они прошли довольно долгий путь от *потребности*, опирающейся на рассудок, до *необходимости*, возникающей из умственных соображений. Параллельно рос и человек, как *член общества и избиратель*. Его путь, продолжающийся по сию пору и которому суждено продолжаться не один век, был не менее сложным. На уровне состояния индивида ему был доступен лишь врожденный *частный выбор*, полученный им от природы в качестве защитного средства, в большей степени исходящий из инстинктов, чем из рассудка. Для того, чтобы получить в свое распоряжение доступ к *общему выбору*, то есть к *выборам* практически в современном понимании, он должен был обладать индивидуальностью. Иначе говоря, внутри себя *поменять волю на свободу*, а значит, ступить на путь, ведущий к тому, чтобы стать *личностью*, — достичь того уровня, когда человек способен *оперировать* в том числе и понятиями и концептами. А в данном случае, разбираться хотя бы в содержании выборов.

Надо сказать, что выборы только кажутся простым делом. Даже за самим этим обозначением кроется намного больше смыслов, чем мы можем полагать. В определенном понимании выборы — это *спасательный круг*, брошенный человечеству, можно сказать, на все возможные случаи. Использование выборов в качестве подручного инструмента, некой технологии, средства

«терапии», отвлекающего фактора в личных, корпоративных, сиюминутных целях и так далее чуть ли не до бесконечности, это то же самое, что применение микроскопа или компьютера для забивания гвоздей. *Внутри выборов* содержится не только надежда на лучшее будущее, но и *проекты, риски, смыслы, формации и трансформации*. Они не то чтобы способствуют, а скорее всего должны способствовать тому, чтобы выявить и вытащить из глубинных пластов социума умения, навыки, таланты, возможности, ресурсы и многое другое, и поставить все это на службу обществу, народу, стране, а в конечном счете всему человечеству. При этом сказанное — лишь малая часть того, что хранится в *содержании выборов*. Выборы обладают *исправляющими, корректирующими, редактирующими свойствами*, которые могут находиться в постоянном действии во избежание каких бы то ни было ошибок. В выборах заключены *направляющие качества*, если выразиться иначе, то они способны не только высмотреть путь, но и избрать его вектор. *Базой данных*, которой обладают выборы, в одиночку никто не может обладать. *Знания*, содержащиеся в выборах, в некотором смысле бесконечны. Выборы во всех случаях *ориентированы на будущее*, одновременно они опираются на настоящее и прошлое, — при этом как будущее, так и настоящее и прошлое должны восприниматься *масштабно*. Под оболочкой выборов скрывается практически *весь потенциал* разумной цивилизации, в отношении которого выборы выступают в качестве шлюза, — могут закупорить его на веки вечные, а могут и раскрыть в полной мере.

Сами по себе выборы — это всего лишь *конструкция*, а выбор, как их составная часть — *действие*. В течение многих веков они в основном в таком качестве и применяются. О конструкции разговор может быть только особым, но нужно иметь в виду, что, как действие, выбор многогранен и позволяет использовать себя в самых разных, зачастую и совершенно противоположных и противоречивых формах, форматах, качествах, видах и даже в подобиях и образах. Он так устроен, что из него ни при каких обстоятельствах *ничего не убывает*. Убывает из того общества или организации, которые воспринимают его как инструмент влияния, воздействия на массы, введения их в определенное (каждый раз разное) заблуждение, достижения банальных целей, выполнения примитивных и эфемерных по своей значимости задач и так далее. В этом же качестве (как действие) выбор обладает возможностью возвращаться множество, а в некоторых ситуациях бесконечное число раз и совершиться так, как будто он совершается впервые. Посредством именно этого обстоятельства *упрощается* вся структура и инфраструктура конструкции, в том числе и отношение к ней, то есть к выборам.

Важно отметить, что в целом демократия, *более высокий уровень* формы правления, чем, например, монархия, диктатура, автократия, тоталитаризм. Скорее всего в данном смысле демократия, сначала М. де Доминисом

в XVII столетии [De Dominis M.-A. De republica ecclesiastica pars secunda. Frankfurt, 1620. Цит. по: 2, с. 134], а затем У. Черчиллем в XX веке, была обозначена как лучшая из худших. Причина кроется не в возрасте отдельных форм правления и не в том, что каждая из них в тех или иных ситуациях «натворили», а в их *генезисе*. Судя по тому, что история монархий полна трагических событий, ни одна из когда-либо существовавших диктатур и автократий «добром не заканчивалась», а тоталитаризмы, для которых любое отступление смерти подобно (здесь срабатывает синдром велосипедиста — едешь, пока едешь, если остановишься, обязательно упадешь), и они прямым путем ведут к катастрофе, то данные формы власти интеллектуально обоснованы максимум *на уровне рассудка*. А демократия, *позволяющая отступить, остановиться, оглянуться и даже начать все сначала*, порождена и базируется на здоровом смысле. Ее, как, впрочем, и выборов, «ахиллесова пята» в том, что она, конечно, не так же, как наличествующие формы правления, а по-своему, но все-таки интеллектуально недостаточно состоятельна. Ей не достает более высокого уровня сознания, — если не мудрости, то хотя бы ума.

Но даже исходящая из здравого смысла демократия в состоянии обеспечить *идеальные выборы*, которые, в отличие от демократической триады — народа, власти или оппозиции [3, с. 157–199], *могут быть идеальны сами по себе*. В «чистом» виде выборы не подвержены ни политическим болезням, ни социальным предубеждениям, ни этническим предрассудкам. Более того, и в плоскости рассудка выборы *не допускают неисправимых ошибок*. Их лишает совершенства все наносное, — здесь речь может идти не только о технологиях, работающих исключительно по заказу. Наносное скрыто глубже, притом только в том числе в состоянии обозначенной чуть выше триады. Чтобы обнаруживать его, а тем более, чтобы выкорчевывать, нужно копать в сторону истории и культуры, воспитания и образования, а если быть более точным, то в направлении *качества общества*.

Самобытность выборов происходит из того источника, что они представляют собой определенную *разновидность правды*, — не истины, которой почти при каждом ее упоминании придается некая святость, а правды, пребывающей, существующей и действующей в людском бытии. Как в отношении правды, так и касательно выборов, привнесение *любой примеси лжи* не просто меняет их содержание, а *лишает их сути*. Не то чтобы лживых выборов не бывает, их-то как раз предостаточно, просто в реальности лживые выборы не являются выборами. И дело не в легитимности или в нелегитимности, — все намного глубже и значительнее. Ложь, используемая в выборах в качестве чего бы то ни было, — хоть во благо, хоть во имя правды, не только лишает социум *доверия*, но и оказывает воздействие непосредственно на *ментальность* как отдельных людей, граждан и избирателей, так и в целом

общества. Внедрение лжи в суть и содержание демократии, следовательно, и выборов приводит к тому, что перечни существующих (то есть реальных) и обсуждаемых проблем как отдельных социумов и стран, так и в общем цивилизации, кардинально разнятся.

Можно не сомневаться в том, что очень многое зависит от того, как проводятся выборы. Как правило, это *событие*. Для тех, кто выбирает, — одного уровня событие, для тех, кого выбирают, — другого. Первые, то есть те, кто обладает *активным избирательным правом* и выбирают, в основном *пассивны* и воспринимают выборы по-разному, но если не большей, то весьма значительной частью как не свое дело. Со вторыми, наделенными *пассивным избирательным правом*, значит, теми, кого выбирают, ситуация противоположная, к тому же именно она и обязывает, — выбираемые обычно *активны*, притом нередко более чем активны. Во всех известных случаях выборы проводятся государством и действующей властью, то есть заинтересованной стороной. Это обстоятельство не может не наводить на размышления, но политическая система в нашем мире устроена таким образом, что тут вроде все логично и проводить их больше некому. Но есть момент: при *проведении выборов незаинтересованных сторон не бывает*, при этом необходимо учесть, что власть и государство в данном случае заинтересованы в тех или иных итогах выборов в гораздо большей степени, чем общество. Это естественно, так как в отличие от социума, для которого эти итоги важны, но в определенном смысле как нечто опосредованное, их (государство и власть) электоральные результаты (по сути статистика) касаются напрямую и непосредственно. Для власти выборы имеют весьма радикальное значение, а если сказать точнее, то нередко это, пусть и не в прямом смысле слова (хотя бывает всякое), но вопрос жизни и смерти.

Возможно, *пафос*, которым зачастую окутываются выборы, с этим моментом и связан. И он в ситуации с выборами выступает одной из так называемых избирательных технологий. Важно не само наличие пафоса, — он всегда присутствует, важен его *градус*, посредством которого выборы можно сделать более или менее привлекательными, важными, необходимыми, а в некоторых случаях — наоборот, ненужными, лишними, дорогими в финансовом смысле. Здесь пафос функционирует почти рука об руку, с одной стороны, с сакрализацией, с другой — с дискредитацией выборов. Как бы там ни было и во имя чего бы он ни применялся, этот самый пафос — не простое излишество, он прочно входит в число того наносного, что призвано лишить выборы их содержания, а то и сути. То есть в случае с выборами пафос может играть только отвлекающую роль, а это значит, что он здесь не более чем средство политической «терапии». Как и в случае с пафосом, необходимо иметь в виду, все подобные средства и инструменты

применяются, более того могут быть применены исключительно с соизволения власти, а то и непосредственно при ее активном участии. Применением похожих элементов, моментов, приспособлений, основ, орудий, установок, симулякров политические технологии (а вместе с ними так называемые политтехнологии) прикрывают свою паразитирующую роль *операционными действиями*. Разговор о подобных средствах мы неслучайно начали с пафоса. Проблема в том, что пафос функционирует как некая аура, в которую без особых усилий вмещается все то, что не совсем сочетается с термином «технологии», — тут и любовь, и счастье, и святость, и прекрасное прошлое, и яркое будущее.

Посредством пафоса практически любые выборы можно превратить в *зрелище или праздник*, отодвинув их истинную суть даже не вглубь, а в некие задворки. И таким образом, что выборы — главное событие — становятся дополнением к празднику, к тому, что порождено и организовано под их прикрытием. Одно из самых рациональных дел общества, впрочем, и всего народа, мановением руки (через технологии) лишается своей значительности. Из них вынимается тот самый определяющий момент, следовательно, выборы упрощаются, превращаясь в нечто банальное, не столь важное, второстепенное. Важнейшая *гражданская акция* становится обыденностью, которая может быть обозначена одной лишь «галочкой». Здесь важен момент, во-первых, допущения того, чтобы выборы стали праздником, во-вторых, особенностей такого, можно сказать, самостоятельного явления, как праздник, который может не только расширяться, охватывая какие угодно пространства, но и подмять под себя чуть ли не всякое дело. Превращение выборов в праздник в большей степени психологическая технология, чем избирательная или политическая. Обычно в качестве благовидного предлога для подобных деяний применяется *явка избирателей*, которая зачастую выступает разновидностью выбора (не выборов).

Гонимый, неприятный, отвергаемый, в какой-то мере неприличный для гражданина *абсентеизм* во всех случаях представляет собой если не выбор, то как минимум сигнал конкретному адресату. Выборы в существенной мере являют собой *диалог*, а в идеальной вариации — просто *разговор между обществом и властью*. С данной позиции высокая явка и низкая явка не могут приниматься в качестве статистических показателей. И то, и другое что-то значат. При низкой явке избиратели не просто граждански не активны или не хотят голосовать, — тем, что не голосуют, они пытаются достучаться с чем-то, что не могут донести через голосование, точнее, собственное волеизъявление. Понятно, что почти всякий раз дело ограничивается наиболее удобной *интерпретацией*, но примерно так же обстоит дело и с высокой явкой, которая с одинаковой вероятностью может означать как согласие (массово голосуют «за», чтобы продемонстрировать одобрение), так

и несогласие (голосуют «против» в знак протеста) социума с государством. Одно точно, люди в большинстве своем ходят на выборы не за праздником, и тем более не за зрелищем.

Электорат не как правило, а практически всегда видит в выборах определенную *цель*. Притом речь необязательно может идти о частных интересах. Вопреки досужим представлениям, преобладающее большинство избирателей прекрасно понимает значение выборов именно в масштабном восприятии. Другое дело, что, к сожалению, цели социума и властей предрержащих редко совпадают. Опять же вопреки распространенным мнениям, электорат, отвечающий не только за собственную судьбу, но и за будущее детей, внуков, да и вообще потомков, видит дальше, чем власть, основная цель которой почти во всех случаях заключается в продлении своего пребывания на «троне». Нет необходимости в каких-то грандиозных социологических исследованиях, чтобы разобраться в очевидности того, что у избирателя, который, как говорят ученые мужи, является *«главным действующим лицом выборов»*, и государства, как их *организатора*, перспективы разные. Чтобы убедиться в этом, достаточно задать соответствующий вопрос самому себе, как избирателю, и попытаться на него максимально честно ответить.

Впрочем, можно обойтись и без внутреннего диалога. В том, что ожидания власти (любого уровня) и электората (любого качества) от выборов принципиально разные, сомневаться не приходится. *Граждане* в основном полагают, что выборы должны приводить в первую очередь к улучшению бытовых условий, повышению качества жизни и общему благополучию, — разумеется, *каждый по-своему и как бы «со своей колокольни»*. О национальных интересах и государственных задачах они тоже думают, но большей частью — *в контексте собственного бытия*. *Государство* как организация рассуждает иначе. Для него на первом месте стоят *проблемы национального уровня*. *Власть* исходит из собственных интересов, то есть рассматривает выборы как *возможность продления своего правления*. Но как государство, так и власть, воспринимают не только материальное состояние, но и в целом благополучие общества в контексте собственных задач. То есть в логике их ценностей качество жизни людей занимает не первое место. Возможно, и не второе, так как здесь многое (если не всё) зависит от громадного числа обстоятельств, которые обществу практически неведомы. Ни то, ни другое, ни третье секретом не являются. В то же время *транспарентность выборов* может иметь отношение к их организации, обычному пафосу, избирательным или политическим технологиям, но никак не связана с целями и задачами выборов.

Здесь выборы оказываются перед непростой задачей. Дело в том, что в конечном счете они должны каким-то образом способствовать достижению всех обозначенных результатов. Бывает, что им это в той или иной мере удается. Но только в той или иной мере. Проблемой выступает то, что рвы,

овраги, ограды, заборы, преграды и всякие иные препятствия, прорытые, проложенные, воздвигнутые (намеренным, естественным, традиционным или каким-то иным образом) между обществом и властью, и особенно между обществом и государством, *практически непреодолимы*. Нельзя сказать, что граждане и власть пребывают по разные стороны баррикад, — до этого, если даже подразумевать условные баррикады, редко доходит из-за огромного значения, во-первых, *крови и почвы*, во-вторых, *ментальной* (исторической, культурной) *общности* и, в-третьих, в силу *общей цели* в отношении страны. При изложении данной проблематики мы пытаемся как можно дальше держаться от патетики, но без нее никак не передать того, что касается реальной Родины. Как общество, так и власть и государство время от времени включают этот фактор в свои предвыборные ожидания, а то и спекулируют как им, так и на нем, поскольку выборы — это тот случай, когда победитель получает если не все, то многое.

Когда разговор заходит об итогах голосования избирателей, на первый план электорального процесса выдвигается *легитимность* выборов в целом, так как без нее не может быть легитимных — законодательно признаваемых — итогов. Юриспруденция, как и в целом всякие разновидности права, дело настолько же тонкое, как и гибкое. Но иногда — правда, очень редко, — ее гибкости оказывается недостаточно, чтобы добиться этой самой легитимности. А это почти каждый раз оборачивается неприятностями, масштабы которых зависят от множества условий, в том числе от места и времени проведения избирательных кампаний. Проблема легитимности выборов (хотя это касается не только избирательной практики) в том, что при определенных обстоятельствах она может разворачиваться, словно клубок, раскрывая электорату как подводные рифы, так и укромные уголки не только электоральной структуры, но и всей политической системы государства. Тут очень важны сроки, — в одних случаях они могут тянуться, пока обходятся рифы и убираются тайные места, в других — сворачиваются молниеносным образом, фиксируя, подтверждая, утверждая и, значит, узаконивая как сами выборы, так и их результаты. Важна *управляемость* выборов на каждом из их этапов. Большинство избирательных технологий ориентированы именно на нее. Как бы там ни было, примерно так же, как выборы обладают *защитной функцией* по отношению и к обществу, и к управленческой (государственной) системе, так и легитимность, которая сама по себе находится под охраной закона (очень часто — основного закона, то есть конституции), служит *защитным щитом* для выборов.

В отношении электоральных вопросов дело редко обходится одной лишь легитимностью. Бывает так, что для определенного контингента или сегмента избирателей последняя не служит доказательством *справедливости* выборов. На подобные случаи в политике в том числе существует далеко не

универсальное, но весьма эффективное явление *сакрализации*, которая находится в одном ряду с такими концептами как канонизация, мифологизация, мистификация, символизация, которые в бедном интеллектом политическом пространстве применяются к месту, не к месту и к чему попало. Хотя они не везде и не ко всему применимы. Те же *выборы практически не подлежат сакрализации*. Но при острой необходимости и наличии достаточных ресурсов и возможностей (особенно если «своя рука владыка») не только одни лишь выборы, но и весь электоральный процесс от избирательной кампании до подведения окончательных итогов голосования могут быть сакрализованы. Подобное возможно исключительно на лживой основе, поэтому толка от подобных технологических «фокусов» хватает ненадолго. Здесь можно столкнуться с той же проблемой, которая возникает из-за известного расстояния между любовью и ненавистью. В случае с выборами сакрализацию от обесценивания разделяет если не один шаг, то чаще всего один-два шага. Так как репутация — дело трудно восстанавливаемое, то после неудачной сакрализации вернуть выборам их былую ценность оказывается непросто.

Вывод из генезиса выборов однозначен: люди изначально выбирали личностей или индивидов в надежде на то, что они окажутся (или со временем станут) *личностями*. Бывало, что выбирали (разумеется, не в современном значении этого глагола) одних, чтобы не выбрать других (протестное голосование). Но ни команды, ни организации, ни группы, ни коллективы не могли (и не помышляли) баллотироваться на какую-либо выборную должность. Если исходить из качественных особенностей претендентов, то лидерами родовых объединений, племен и племенных союзов чаще всего становились сильные, ловкие, храбрые, сообразительные, умные и так далее, то есть те, чьи способности позволяли организовать, вести за собой, управлять и руководить. Соответственно, *выбирали людей в лидеры* за что-то конкретное. С тех времен ситуация кардинально изменилась. Пропустим эпоху монархий, когда лидерство в людских коллективах в основном переходило по наследству, — чаще всего от отцов к сыновьям, поскольку она к предмету нашей работы особого отношения не имеет. Хотя и в те времена в человеческой бытийности выборы в той или иной форме и на том или ином уровне присутствовали. Для нас важно, кого и по каким критериям выбирают в современном мире.

Конечно же, выбирают лучших, но на свой взгляд и разумение, которые *вполне доступны формированию*. Силы здесь не равны по определению: с одной стороны электорат, с другой — система. Притом система может быть разной, — как государственной и властной, так и корпоративной и частной (нанятой и проплаченной). Поэтому на деле лучшими могут оказаться кто угодно — «герои», «авторитеты», «специалисты», «топ-менеджеры», «ученые», руками средств массовой информации (большей частью телевидения,

но здесь важную роль играет качество электората), интернет-медиа, политического бомонда, лидеров общественного мнения, популярных персон (писателей, поэтов, актеров, певцов, спортсменов и т.д.), возведенных на реальный или искусственный олимп. Но в конечном счете честный избиратель остается еще и чистым перед собой, не замечая, что он выбирает не из всего «ассортимента», а *из предложенного*.

Бывает, и нередко, что электорат *проявляя характер*, практически не обращает внимание на «подсказки» экспертов и «доброжелателей» и, поддаваясь на всевозможные уловки политтехнологов, исходит из собственных глубинных соображений и ментальных (читай — жизненных) интересов и *делает свой выбор*.

Здесь уместна ремарка, поскольку подобное в течение последнего десятилетия случалось дважды — в 2016 и 2024 годах; оба раза в США и оба раза при избрании в президенты Дональда Трампа, когда глава государства был избран в знак масштабного протеста против почти полной оторванности не только государства и власти, но и самой государственной системы и всей так называемой политической элиты от, если сказать совсем коротко, реальности. Своим выбором общество сначала намекнуло, что сложившееся в стране положение его не устраивает, а затем чуть ли не в буквальном смысле указало на то, что избранный действующей властью путь для него не приемлем [4; 5].

Сложно сказать, понимали ли избиратели, что этим самым они обрекают себя на преодоление множества трудностей, а если быть более конкретным, то и вовсе на долгий период беспорядка, но судя по тому, что они свой вердикт повторили второй раз, то осознание ситуации достаточно глубокое. Это выглядит как возвращение с половины неверного пути в том смысле, что подобное спонтанным образом не делается, на него нужно было решиться. Если американский «эксперимент» удастся, возможно, в недалеком будущем современную демократию ждет некая «*трампизация*» выборов. А может быть, мы столкнемся с новой «модой», как в случае с популизмом, практически в одночасье ставшем политической «эпидемией», — появится множество политиков, пожелавших стать «трампами». Здесь будет к месту отметить, что протестные выборы — вполне распространенное явление, но в рассматриваемом контексте результат такого голосования по специфическим, в то же время объективным причинам более чем предсказуемо должен был сказаться и все больше сказывается на ситуации почти со всей цивилизацией. Об этом свидетельствует и новая политическая и экономическая повестка мира, которая все сильнее лишается какого-либо порядка.

Нередки случаи, когда люди выбирают не личность, а *роль*, которую, имея на то те или иные основания или вовсе безо всяких оснований сами же присваивают или приписывают определенным индивидам. То есть голосуют

не за субъектов, а за собственные ожидания. Роли в подобных ситуациях могут быть самыми разными, да и индивидами, выбранными на позиции их носителей, может оказаться практически кто угодно. Уровень выборов здесь особого значения не имеет. С завидной регулярностью на самые высокие должности избираются люди, обладающие внешней привлекательностью, хорошо говорящие, в чем-то отличившиеся, так называемые «харизматики», просто интересные, то есть, по сути, случайные персоны. Зачастую их политический век бывает недолгим. Да, потерянного времени не вернешь, но здесь присутствует немаловажная деталь.

Выборы, кроме всего прочего, обладают *воспитательной и образовательной функциями*. Человек устроен так, что может научиться чему-то на чем угодно, а лучше всего у него получается учеба на собственных ошибках. Понятно, что *электоральные ошибки*, особенно в тех случаях, когда они допускаются обществом, практически неисправимы, но *опыт* — как положительный, так и отрицательный — во всех ситуациях имеет значение. Выбирая не судьбу и будущее, а «добро», «зло», «лучших», «худших», «своих», «чужих» и всякие иные симулякры, избиратель, в сущности, отказывается от возможности быть субъектом собственной бытийности. Желających помочь ему ошибиться обычно более чем достаточно. Электоральным ошибкам способствует и разрозненность интересов как различных слоев, сегментов, страт, возрастных групп, так и государства, власти и общества.

Это общемировая проблема, которая довольно ярко проявляется в функционировании *партийной системы*. В существовании самих партий ничего плохого нет, — они служат тому, чтобы структурировать *политическую систему*. Притом не более того, так как идея о том, что *политические партии* имеют какое-то отношение к гражданскому обществу, практически безосновательна хотя бы потому, что любая партия может находиться исключительно внутри политической системы, — это среда ее обитания, а *гражданское общество по определению вне политики*. Но дело не только в этом. Как бы это парадоксально ни звучало, политические партии и с демократией связаны более чем опосредованно, можно сказать, только на вербальном уровне, — каким-то чудесным образом когда-то то ли народная молва, то ли политические технологии отнесли партийную систему в сферу демократии и придали ей характеристику причастности к народовластию. Якобы партии представляют даже не общество, а народ. Более того, все политические партии без исключения *функционируют в системе государства и власти*, где они себя и представляют. А вне этой системы они — *представители государства*, являющиеся претендентами на власть как птенцы конкретного «гнезда». А что касается связей партий с народовластием, то лучшей иллюстрацией для их демонстрации может быть ситуация с *внутрипартийной демократией*, в которую, судя по видимой части внутрипартийной

обстановки и время от времени просачивающейся из нее информации, слово «демократия» не вписывается.

Упоминание политических партий в контексте выборов неслучайно. Проблема в том, что именно благодаря им образовалась по сути своей *антиэлекторальная пропорциональная* избирательная система, где пропорциональность присутствует в качестве «красного словца». По данной системе граждане выбирают не людей, индивидов или личностей, а организацию, внутри которой пребывают зачастую совершенно неизвестные избирателю субъекты. Так называемый *партийный список* может включать в себя кого угодно. Получается, что электорат обязан верить партии на слово, что представляемые ею персоны в качестве возможных «слуг народа» по своим образовательным, культурным, мировоззренческим, профессиональным и каким-то иным качествам соответствуют его ожиданиям. Здесь явно кроется некая фикция, с которой избиратель как бы должен, притом по определению, мириться. Будем откровенны, если рассуждать без лукавства и не спекулируя исключениями и частностями, то пропорциональная избирательная система явно противоречит одному из главных свойств демократических выборов — *прозрачности*, а при внимательном изучении больше напоминает *технологию*, чем избирательную систему. На одной лишь этой основе ее можно вносить в перечень тех наносных факторов, которые лишают выборы доверия электората.

Нельзя забывать о том, что во всем мире и во всех странах *выборы проводятся государством*. Именно оно уполномочено *посредством и силами своих структурных элементов* назначать, организовывать и проводить выборы, принимать и утверждать, а при необходимости отменять их результаты. Хорошо это или плохо, правильно или неправильно, логично или нет, тема отдельного разговора, но то, что присутствие в национальной избирательной системе подобных моментов бросает тень недоверия и на государственную власть, несомненно.

Мы подходим к немаловажному вопросу о том, *в чьих интересах проводятся выборы*. В масштабном восприятии заинтересованных сторон здесь две — общество и государство; власть, изображая объективность, играет на стороне обоих, но ведет только свою игру (иначе не бывает, так как это форма ее жизни). Но как государство, так и социум в некотором понимании — глобальные интересанты. Стать бенефициаром выборов надеется, рассчитывает и даже предполагает и избиратель, но для того, чтобы сбылись его намерения и надежды, продвинутой, притом если не во всех, то во многих возможных смыслах, должна быть сама политическая система. Реальными выгодоприобретателями выборов можно считать тех их участников, которые обладают *пассивным избирательным правом*, то есть субъектов, с точки зрения логики по непонятной причине стремящихся на выборные

должности, значит к незавидной участи, связанной с тем, чтобы взвалить на себя *тяжеленное ярмо бремени власти*.

В идеале выборы — дело в первую очередь избирателя, во вторую — общества, и только затем — государства. А это возможно только в той ситуации, когда совпадают интересы этих трех акторов социального и политического пространства — *единственно возможных бенефициаров* любых выборов: *национальные интересы являются продолжением общих интересов, а последние происходят из частных интересов*. Примерно так же, как общая воля — воля государства, выступает концентрированным выражением частной воли — воли граждан. Для того, чтобы подобная конструкция состоялась, избиратель — тот, который, как выше было сказано, *числится* в главных действующих лицах электоральных процессов, должен уметь не только смотреть, но и исходить хотя бы из обозримой перспективы. Но это возможно только в идеале, которого, к нашему великому сожалению, не бывает. В реальности общество и государство располагают теми избирателями, которыми располагают. В то же время *только кажется, что дело в избирателе*, когда на самом деле (и это очевидно) состоявшиеся *гражданское* общество и *правовое* государство в большей степени и с большими возможностями способны ответить на социальные вызовы, чем рядовой избиратель, на которого чаще всего возлагается практически вся ответственность за такое масштабное и определяющее дело, как выборы. Что касается других участников избирательного процесса — власти, как организатора выборов, и претендентов на выборные должности и мандаты, то они и должны действовать в своих интересах, но только в тех пределах, которые им обозначены и определены гражданским обществом и правовым государством.

Избиратель, то есть гражданин, каким бы подготовленным он ни был, не может, да и *не должен разбираться* в деталях и подробностях, а тем более в «хитросплетениях» электоральной проблематики. Ему не нужно смотреть высоко и видеть далеко, противостоять всевозможным «черным», «серым» и всяким иным технологиям, вникать в разнообразие форм голосования, следить за чистотой, честностью и прозрачностью выборов, а тем более — ориентироваться в избирательном законодательстве. Виды, формы, особенности, специфика проведения выборов, подсчета голосов, подведения итогов, избирательные технологии, партийная проблематика его могут интересовать, а могут и не интересовать. Он вообще волен в своем отношении к выборам. Его *единственная функция* в избирательном процессе — *волеизъявление, заключающееся в голосовании*. Кстати говоря, здесь *правовая культура* граждан имеет только опосредованное значение. Предположение о том, что избиратель с высшим юридическим образованием в обязательном порядке сочтет своим долгом проголосовать, такое же, какова вероятность того, что фермер, обладающий лишь свидетельством

о среднем образовании и никакого понятия не имеющий о правовой культуре, непременно откажется от голосования. Активность избирателей от уровня их правовой культуры может зависеть только в числе прочего; люди приходят на избирательные участки в дни выборов *вследствие собственной причастности* к общему — общественному и государственному — делу. Ни за чем больше.

В широком смысле слова выборы для избирателя — *форма общения с государством*, возможность быть услышанным, заявить о своем существовании, о наличии собственных интересов, проблем, идей, желаний, вопросов, способ достучаться, донести до власти свои возражения. Или наоборот — высказать согласие с тем, как действуют государство и власть. Но главное в том, что избиратель, голосуя, *принимает решение* государственного уровня (здесь уровень самих выборов особого значения не имеет), равняется государству, встает рядом с ним, в каком-то смысле и восприятии напрямую обращается к высшей власти и, значит, выступает гражданином своей страны. За простым физическим действием — опусканием избирательного бюллетеня в ящик для голосования, кроется исполнение желания возвыситься над самим собой, стать выше себя и быть причастным к по-настоящему большому делу. Но это в широком смысле слова. Ни одна политическая, психологическая или избирательная технология неспособна обеспечить подобное. Оно может вырастать только из общей ситуации — из взаимоотношений общества и государства, гражданина и власти, масштабы единых для всех целей и задач.

Ответственность за свой выбор избиратель несет *только перед самим собой*. Всё остальное по поводу гражданской позиции, правовой культуры, умения думать и тому подобное, если и имеет значение, то только вторичное. Независимо от того, есть у него правовая культура или нет, он точно знает, что результат его выбора — это его личный удел на ближайшие несколько лет, а может быть, и на долгие годы. Самообман и безответственность в отношении собственного выбора — тоже выбор. Голосует не население, *голосуют граждане*, то есть люди, по определению способные нести ответственность за себя и за свои поступки — как за действия, так и за бездействие.

Если общество в своем развитии достигло *уровня демократического голосования*, то очевидно, что оно перешло некую эволюционную грань, отделяющую его от всеобщего неведения. Значит, не только знает, что такое выборы, но и *понимает их значение*; не нуждается ни в жалости, ни в поводах, ни в опекунах. Существенная, если не бóльшая часть граждан любой страны ни разу в жизни не заглядывала в конституцию, а об избирательном законодательстве вовсе не имеет никакого понятия. Но в отношении выборов — той самой практически пресловутой гражданской позиции (пресловутой — потому что каждый голосует так или иначе или вовсе не голосует за собственные

интересы), *спрос жизненной логики и времени со всех один и тот же*. Редко кому удастся уйти от ответа. В случае чего, граждане (избиратели, притом все вместе и каждый в отдельности), общество (все общество, то есть народ) и государство (а с ним и власть) вместе отвечают если не перед настоящим, то перед грядущим временем. Разумеется, каждый из них по-своему и на своем уровне, но это не означает, что избирателю меньше достается, чем государству. Как раз он, опять же как главное действующее лицо выборов, *несет персональную ответственность* — чаще всего не за ошибку в выборе, а за малодушие, безответственность и невежество.

На выборах избиратель редко действует сам по себе. Но он и голосует не только за себя. Как говорил поэт, «никто из нас не остров», и если мы не несем ответственности за какие-то персоналии — родных, близких, то ответственны за будущее. А вот за теми, кого избирают, чаще всего стоят интересные, сторонники, команда, спонсоры. Так что еще неизвестно, кому из них легче. Но люди, участвующие в выборах с пассивным избирательным правом, в случае избрания берут на себя груз ответственности перед многими, в том числе государством и обществом (бремя власти), *только на определенное время*, а избиратель с момента своего голосования живет с ответственностью. Он может каким угодно образом пытаться оправдывать себя в случае неверно сделанного выбора (неголосование — тоже выбор), но важно то, что любой частный выбор, как состоявшийся факт, не только не забывается, но и никуда из истории общества и биографии гражданина не исчезает.

За выборами, если не считать организаторов выборов, никого нет. Государство, организующее выборы, *никакой ответственности за них не несет*, — ни перед обществом, ни перед электоратом, ни перед собой. Для него выборы — это мероприятие, государственное понимание успешности которого кардинально отличается от общественного и частного понимания. Властные структуры, занимающиеся непосредственным обустройством выборов, отвечают только за само обустройство и организацию, точнее, за их соответствие закону, инструкциям, рекомендациям и правилам. Значит, как ни крути, выборы (не как действие или мероприятие, а как краеугольный камень демократии) — это дело сначала избирателя, а затем общества. Государство ответственно за допуск в пространство выборов технологий, особенно с учетом того, что это деяние ни в одной вариации *не способствует* честности, чистоте и прозрачности избирательного процесса (особенно если назвать вещи своими именами и признать, что политические технологии во всех своих формах и проявлениях служат самой обычной и едва прикрытой лжи, вводя в заблуждение как избирателя, так и общество и государство). К власти здесь особых претензий не может быть, — *исходя из своей бюрократической сути*, она выполняет поставленное государством задание, а *исходя*

из собственной логики выбирает наиболее легкие пути, используя доступные и удобные в применении средства.

Выборные «весы» — особенные. Кто на них чего стоит, понять не так-то просто. Одно ясно: *самой тяжелой фигурой* в избирательном поле выступает общество. Именно перед ним отчитывается государство за форму, уровень, чистоту проведения избирательных кампаний. Все законы о выборах, избирательном процессе, электоральной практике разрабатываются для общества. При необходимости государство может выдавать вместо себя *абстракции и фикции*, притвориться действенным, не являясь таковым. У общества такого выхода нет, — оно не то что не имеет возможности чем-либо прикрываться и изображать из себя другую сущность, а не нуждается ни в чем подобном. Это — некая *статика, константа, глыба*, у которой есть свое неизменное место во всем доступном пространстве. Все возможные системы, структурные элементы, инфраструктурные составляющие, пути, дороги, возможности и ресурсы пребывают *в пределах границ общества*. Государство может ссылаться на те или иные обстоятельства, неумение или слабость власти, собственное недомогание, — в запасе у общества не просто нет таких умений, оно, как последняя инстанция в общей конструкции, не может ничего подобного себе позволить.

Второй важной фигурой на обозначенных «весах» является государство, главная проблема которого заключается в его интересах, не всегда совпадающих с интересами общества. Этим и объясняется отношение государства к выборам, — оно видит в них *только средство*, но в том и проблема, что выборы — это не только средство. В обществе, придерживающемся демократических ценностей и пытающемся опереться на демократию не только как на форму правления, но и как на некую основу, выборы выступают (или пытаются выступать) *ментальной особенностью*. Государство по своей *технической и механической сути* не способно оперировать такими явлениями, как ментальность или менталитет, и во всех подобных вопросах должно было бы полагаться на общество. Но для этого ему нужно *преодолеть самого себя*, что редко где получается, — государству легче строить свои расчеты на возможностях власти, чем утруждать себя сложными (или даже сложнейшими) взаимоотношениями и взаимосвязями с социумом. В рассматриваемом нами контексте данное обстоятельство приводит к *обесцениванию выборов*, вернее, их ограничению и принижению до уровня подручного инструмента.

Значение власти в избирательном процессе определяется тем, что ей принадлежит не только вся сцена выборов, но и всё закулисное. Практически всякий раз посредством выборов она стремится решить *свои проблемы*, стараясь *выдавать* их за государственные и общественные. При отсутствии или недостаточности над ней *контроля* (который может быть только общественным) ее интересы, большей частью ограничивающиеся собственным

благополучием в весьма широком смысле слова, почти никогда не совпадают ни с ожиданиями общества, ни с целями и задачами государства. В отношении выборов она больше *изображает* значимую величину, чем является. Но так как при всяком удобном случае — при «безмолвии народа» и безволии общества, работая «локтями» (так называемым административным ресурсом) и действуя через различные технологии (здесь власть точно ничем не гнушается), она добивается решения своих корпоративных задач и *выглядит* фигурой, чуть ли не равной государству.

Характеризация избирателя как «главного действующего лица» свидетельствует о том, что именно он является актором электоральной сцены, притом единственным, так как больше никому на нее доступа нет. Но на данную сцену он забирается со стороны зрительного зала, а не выходит, как положено актору, из-за кулис. Избиратель ничего не знает о той реальности (может о ней догадываться или иметь представление), которая существует в закулисье, когда власть *рука об руку* со своими подручными хоронят всякую транспарентность выборов (на самом деле, мало кому известно, что она там делает, но в голову обывателя, да и достаточно подготовленного избирателя, как правило, приходит худшее). Этот момент и *определяет его вес* в выборном процессе. Понятно, что избирателю нечего делать ни в каких закулисьях. И вопрос не в том, что ему нет доступа в пространство за выборной сценой. А в том, что никакого закулисья и никакого тайного места за сценой выборов, которые естественным образом порождают неопределенности и подозрения, *не должно быть*. По той простой причине, что любые умолчания, недомолвки и недосказанности отрицательно сказываются на восприятии и понимании выборов, а если образно, то на *электоральной философии избирателя*.

А она формируется просто: гражданин с чистыми намерениями, конструктивными помыслами и с надеждой приходит на избирательный участок, чтобы, если не вершить судьбу, то *повлиять на поведение власти*, и сталкивается с тем, что в избирательном пространстве, как и всюду, *хозяйничает* та же власть (это из серии тех реальностей, когда разбирать жалобу человека бюрократия поручает тому, на кого он жалуется). Если общественная и политическая системы в стране устроены так, что граждане доверяют власти и государству, то это одна ситуация. А если нет, то — абсолютно другая, и она у избирателя порождает философию (может быть, и психологию) *неприятия выборов* и недоверия ко всему, что с ними связано. Говоря более конкретно и без недомолвок, в подобных ситуациях сами выборы способствуют формированию у людей внутреннего протеста. Он не всегда бывает высказанным и не каждый раз фиксируется в избирательных бюллетенях, но во всех случаях *оказывает определяющее воздействие* на восприятие выборов. Более того, может утвердить гражданина во мнении, что посредством

выборов его «*водят за нос*», и таким образом содействовать формированию потенциальной ситуации социального напряжения.

Политическая система — государство и власть — обязана *ценить избирателя* как своего ближайшего союзника и всеми силами способствовать его объективности, правдивости и беспристрастности, а не относиться к нему как к потенциальной или даже явной оппозиции. Как бы ни проголосовал избиратель и как бы не вел себя в отношении выборов (может занять абсентеистскую позицию и вовсе избегать избирательных участков, может голосовать назло — как в случае с Трампом, или исходя из протестных побуждений), он своим присутствием придает политической системе *значение*, а если быть более точным, то *легитимизирует* ее. Избиратель — *одна из важнейших ипостасей гражданина*, по своей значимости она не уступает *ипостаси защитника Родины*. В действительности, голосуя, избиратель определенным образом защищает не только страну и общество от непредвиденных проблем, указывая государству и власти на их недочеты, но и *оберегает политическую систему* от нее самой, — от ее излишней самоуверенности в своей правоте. *В качестве избирателя гражданин выступает представителем* (делегатом) не только общества, но и государства, притом в выборах, от начала и до самого своего завершения организованных и устроенных государством, то есть по его правилам и на его же «пиру» (по данному вопросу уровень и качество демократии большого значения не имеют — интересы во всех случаях важнее). С учетом «весовых категорий» государства и гражданина последнему сохранить самостоятельность действий, независимость мышления, да и ту самую гражданскую позицию очень непросто. И только избирательская ипостась позволяет любому члену общества, обладающему *конституционным* активным избирательным правом, проголосовать (значит, высказаться) честно — то есть, с той или иной степенью объективности.

Готовность избирателя к волеизъявлению зависит от множества факторов. Здесь важны воспитание и образование гражданина, которые имеют существенное значение во всех ситуациях. Значим и уровень интеллекта. Но и первый, и второй, и третий факторы действенны не в первую очередь. Теоретически возможны случаи масштабного благоденствия общества (положение абсолютной защищенности, что вряд ли реально), когда люди при голосовании исходят из глубинных соображений, учитывая как *прошлый опыт и настоящее* (то есть, имеющиеся ресурсы), так и грядущие перспективы. В реальности главную базовую интеллектуальную основу человеческого выбора составляют *инстинкты самосохранения*. Конечно, не в грубой форме и только частичным образом, но именно они находятся на *переднем крае размышлений*, а значит, и *вердикта* значительной (если не большей) части электората. А это говорит о том, что конкретно к выборам избиратель,

который по определению вынужден прежде всего исходить из собственных жизненных интересов, *всегда готов*.

В каждую секунду и минуту, а тем более на каждом этапе своего пребывания на брэнной земле, индивид *знает, что ему нужно и чего бы он хотел*. В своем изначальном качестве он с этим знанием и направляется на избирательный участок, — и может проголосовать спонтанно, по настроению, исходя из своего сиюминутного состояния и под воздействием случайно промелькнувшей в голове мысли. Но человек только в одной из своих ипостасей является индивидом с инстинктивными потребностями. В других — в ипостасях члена референтной группы, этноса, общества, личности, гражданина и, наконец, избирателя, он может быть более *расчетливым и рассудительным, а то и благоразумным* в своих желаниях. В обозначенных смыслах избиратель *непредсказуем*, что и делает его исключительно важным участником электоральных процессов, которого в большинстве ситуаций *не заменить* ни пресловутыми выборщиками, ни косвенной, ни опосредованной демократией.

Настрой избирателя, как и итоги выборов, во многом зависит от контекста избирательной кампании, который — не совсем обстановка, хотя нередко именно предвыборная обстановка выступает его симулякром. Контекст, как в общем, так и в данном частном понимании, гораздо более широкое понятие, чем любая обстановка. По сути это — *пространственная и временная сцена*, на которой происходит электоральное действие. Это всё, что окружает граждан со дня начала избирательной кампании до момента подсчета голосов, подведения итогов и признания выборов действительными. И это всё то, что в непрерывном режиме оказывает воздействие на электорат во множественных попытках направлять его мысли, а в конечном счете и руку, которой он обозначает свое волеизъявление. Для того чтобы выборы не просто были признаны, но и являлись чистыми, честными и прозрачными, чистым, честным и прозрачным *должен быть контекст* избирательного процесса. Так как субъектов, желающих вносить в него свою «лепту», обычно хватает, то он должен быть *под защитой*. Но проблема в том, что среди участников выборов (включая их организаторов, которые, в сущности, являются частью электората) нет никого, кто мог бы выступить с абсолютно объективных позиций и *заслужить доверие* всех заинтересованных сторон. Как правило (практически всякий раз), эту тяжелую ношу берет на себя самая сильная во всех смыслах сторона, то есть государство, притом *не спрашивая* ни у кого одобрения, чтобы в итоге явить «городу и миру» *собственную интерпретацию* электоральной справедливости.

Возможно, людская цивилизация находится на том уровне своего развития, что иначе нельзя. Хотя, наверняка, можно было бы, отказавшись от еще одной фикции избирательной практики в виде волонтеров-наблюдателей,

разделить ответственность между всеми действующими сторонами: обществом с одной стороны, избирательским сообществом — с другой, организаторами выборов (в том числе государством и властью) — с третьей, претендентами на мандаты народных избранников и на конкретные выборные должности — с четвертой, политическими активистами — с пятой, представителями партийной системы — с шестой и так далее, поскольку общественный консенсус, особенно в таком крайне важном деле, как выборы, того стоит. К тому же неприятный привкус и мутный осадок, остающийся в сознании значительной части как электората, так и общества и населения после практически всякой избирательной кампании, — *не лучшее впечатление и не лучший ингредиент* в амальгаме воспоминаний о состоявшихся выборах, и не самый желательный *стартовый потенциал* для грядущих избирательных процессов.

Очень часто (почти всегда) в качестве контекста представляется *фасад избирательной кампании*, притом тот, который содержится в приличном и свежескрашенном состоянии. *Межвыборный период* служит главным бенефициаром выборов (государству и власти) для проведения *регламентных работ* якобы по совершенствованию избирательного законодательства, электоральных технологий и внедрения в избирательную практику всевозможных новаций, а в реальности — для придания выборам более убедительных характеристик. Не просто как правило, а всякий раз подобная деятельность происходит не то чтобы в тиши кабинетов, а практически *без участия* как электората, так и в целом социума, если не считать (а считать и не приходится) обязательную, скорее всего формальную исполнительскую роль «ручных» законодателей. Даже непосредственные организаторы выборов к подобного рода действиям могут иметь в лучшем случае опосредованное отношение в качестве младших консультантов и бесправных наблюдателей.

Но фасад в данном случае — не более чем «обманка». Он не может быть даже подобием контекста, так как способен выступить максимум одной из множества его деталей. *Контекст, в том числе и в электоральной ситуации*, — это земля и небо выборов, их вода и воздух, подводные течения и тектонические плиты, и именно в такой глобальной форме, виде, качестве и свойствах *оказывает воздействие* на проведение избирательных кампаний. Организация выборов с опорой на *один лишь электоральный фасад* обрекает их на приобретение состояния видимости, имитации и симулякра. И таким образом в буквальном смысле слова *выкорчевывает, а то и выбивает* из них всю конструктивную и определяющую суть, оставляя от выборов одну лишь полупустую, а иногда и вовсе безжизненную оболочку. А внесение в избирательный контекст деструктивных моментов в виде различного рода технологий вроде популизма, откровенной и прикрытой лжи, пропаганды и тому подобного с одной лишь *целью изменения вектора восприятия* избирателей,

то есть введения их в масштабное заблуждение, может обернуться и очень часто оборачивается *глубинными проблемами и искусственными вызовами*, которые, пронизывая историю выборов и становясь ее частью, нередко охватывают долгую перспективу в развитии страны.

В вышеозначенном понимании глобальности электоральный контекст, чтобы не навредить (в одном из самых худших значений этого слова) биографии государства, *должен быть стерильным*; и только в таком своем пребывании и нахождении в общественной и политической системе может обеспечить определяющую, а значит, действенную роль выборов. А добиться такой чистоты способен лишь *тандем государства и общества*, — повторимся — государство в правовой вариации, а общество в гражданской стезе. Иначе *катализаторами* как отдельно выборов, так и всего избирательного процесса, могут выступить *одни лишь технологии*, которым вполне под силу превратить электоральную систему любой страны в свое *формальное приложение*, притом, хорошо если не в цифровое. А те факторы, которые должны служить и зачастую служат реальными движущими силами и ускорителями эволюции выборов, в частности, множественные элементы их ментальной, моральной, культурной и законодательной инфраструктуры, оказавшись в роли и состоянии *декоративных деталей*, то есть бездействуя, могут подвергнуться *естественной атрофии*. И тогда на то, чтобы вернуть им реальное значение (а это в обязательном порядке понадобится), потребуются в лучшем случае десятилетия.

Раз мы упомянули катализаторов выборов, надо сказать и об их «*химии*», так как одно из *принципиальных отличий* демократического общества заключается в том, что оно ничего важного мимо себя не пропускает, пребывая в перманентных ожиданиях. Более того, реагирует на все события, происходящие как в его пространстве, так и вне пределов народовластия в целом. Если несколько упростить, то общество, опирающееся в своем развитии на выборы и использующее для формирования различных уровней власти электоральное «сито», обладает *особой живостью* (то есть оно по определению живое и иным быть не может), само *отвечая за собственную судьбу*, никому не уступая ведущую роль, в постоянном режиме следит за состоянием механизмов власти, соответствующим образом отзывается на любые неполадки в их функционировании. В демократическом обществе ситуация упрощается тем, что сама система работает еще и как *постоянные «курсы повышения квалификации»*, порождая политических лидеров и *удлиняя «скамейку запасных»* потенциальных руководителей, чуть ли не каждый из которых при необходимости может претендовать на лидерство того или иного уровня. Условные молекулы, атомы, электроны, протоны и нейтроны гражданского общества, находясь в движении и конкурируя между собой, *разносят* элементы по всем властным плоскостям.

Несмотря на то что в структурном смысле демократическое общество трудно назвать простым, его сложно и запутать, — у него обычно есть *ответы на любые вызовы* времени. Ему есть *из кого выбирать и на кого опереться*. Гражданская суть такого социума позволяет практически наравне взаимодействовать и сотрудничать не только со средствами массовой информации и своими структурными элементами, но и с государством и властью. Описывая демократическое общество, мы в значительной степени исходим из *воображаемых и идеальных*, но в то же время, судя по опыту отдельных государств, *возможных* вариантов. Правда, возможных в тех случаях, когда демократизация, избранная страной и обществом в качестве задачи, подразумевает и проложение дороги, ведущей к соответствующей цели.

Среди опор гражданского общества одно из значимых мест занимает *ментальность* народа с весьма сложным содержанием. *Видимая и доступная обзору и анализу ее часть* состоит в первую очередь из культуры и морали, далее традиций и обычаев, а затем — из представлений, стереотипов, убеждений, предубеждений, предрассудков, пристрастий, иллюзий, ожиданий, восприятий, пониманий, и все это каждый раз в широком смысле слова. Та сторона ментальности, которая *скрыта* зачастую не только от чужих, но и от своих взглядов, носит, как и весь менталитет, защитный характер, но со своей спецификой, и проявляется в определенных ситуациях, — *может разворачиваться всякий раз самой неожиданной стороной*. Следовательно, в отношении демократии, ее принципов, средств, ресурсов, возможностей, правил и многого другого ментальность, которая *никому и ничему не подчиняется*, способна выступать по-своему: не только принять или не принять, но и осмысливать, переделывать, трансформировать, реорганизовывать, изменять, приспосабливать и так далее. Как демократия возможна *в пределах определенного менталитета* (по сути, миропонимания), так и выборы могут быть реальными только в тех случаях, когда они как минимум *учитывают ментальность*. В любых других случаях демократия будет «страдать» всевозможными «хворями», а выборы окажутся неспособными соответствовать ожиданиям. Этот более чем сложный вопрос по установлению союза между менталитетом и формой правления (в частности демократией) может решить только *максимально развитое* гражданское общество, по определению *находящееся по одну сторону с ментальностью, и то при полной государственной поддержке*. Только ему доступны глубинные пласты народного менталитета, и только оно способно вести с ним относительно равноправный диалог.

С этим связаны и *требования к качеству организаторов выборов*. Здесь речь в первую очередь идет о персоналиях, хотя не менее важны и официально назначенные на такую роль учреждения. И те и другие должны быть *одной ментальности с электоратом*. Дело касается не доверия, а понимания,

что формирует взаимоотношения избирателей и системы (мы говорим о демократической системе, но сказанное справедливо и в отношении любых других систем правления, притом речь может идти не только об избирателях и выборах, об обществе и всяких иных взаимодействиях). Издалека трудно замечать, а тем более осознать тонкости данных взаимоотношений, — они проявляются и становятся не только видимыми, но и значимыми *при непосредственных контактах*. Вот почему демократии, установленные внешними игроками, в конечном счете оказываются неустойчивыми, а временами и вовсе бесперспективными.

Если абстрагироваться от вопросов ментальности и рассматривать роль организаторов выборов с чисто *прагматических позиций*, то придется признать, что ее трудно переоценить. Тут дело не в уровне выборов, — нередко муниципальные выборы несут в себе большую сложность, чем избрание главы государства или парламента страны. Важно то, что организаторы выборов — в некотором смысле «законодатели мод» в сфере электорального поведения. Но и это не все. Именно они, являясь чуть ли не в прямом смысле слова фасадной частью, а то и лицом избирательной системы, создают о ней как первое и второе, так третье и четвертое впечатления. Нет никаких сомнений в том, что если избиратель — *главная фигура* процесса голосования, то организаторы выборов — *его проводники*. И потому понятие «правовая культура» в большей мере относится к ним, чем к избирателям или избираемым.

Выше было отмечено, что уровень образования избирателя редко оказывает существенное влияние на его политический и электоральный выбор, — здесь обычно на передний план выходят *интересы*. Но этот самый образовательный уровень имеет существенное значение для организатора выборов. От того, насколько он подготовлен в широком смысле слова, временами зависит многое. Как своеобразный мост между избирательной системой и электоратом, организаторы выборов несут на себе *огромную ответственность* не за итоги голосования и результаты выборов, а, как бы это странно ни звучало, *за непосредственно выбор* избирателя, который не в последнюю очередь зависит от его психологического состояния в момент волеизъявления. Своим отношением к избирателю организаторы выборов могут способствовать как конструктивному, логичному и осознанному выбору гражданина, так и, пусть сиюминутному, но в то же время протестному настроению, и соответствующему голосованию. Притом речь идет обо всем периоде избирательной кампании.

Коснувшись вопросов образовательной проблематики, нам не пройти мимо такого явления, как *качество социума*, которое определяется в том числе и *уровнем воспитания и образования* граждан и имеет огромное значение для избирательного контекста. Дело в том, что между озвученным уровнем

и интересами индивида есть прямая связь. *Чем выше качественный уровень общества, тем шире интересы отдельного избирателя.* То есть воспитанный и образованный гражданин голосует исходя не только из своих собственных потребностей, но и принимая во внимание иные обстоятельства, в число которых могут входить проблемы, связанные с жизнью социума и деятельностью государства. Здесь важно, что при своем *электоральном выборе* избиратель *учитывает* в том числе и общие для социума интересы, то есть голосует более осознанно и, скажем так, *со знанием дела*. Следовательно, его выбор, каким бы он ни был, — лояльным, протестным или даже абсентеистским (когда он отказывается от голосования), *осмыслен* и имеет не только электоральное, но и гражданское и социологическое значение.

В сути электоральной проблематики существенным фактором является *восприятие* избирателем выборов, которое состоит как из знаний, так и представлений и стереотипов. Мнение так называемого рядового гражданина (слово «рядовой» не более чем штамп, — рядовых, как и простых людей не бывает хотя бы потому, что подобные обозначения в отношении индивидов некому определять) об избирательной системе может быть правдивым, в некоторой мере соответствующим действительности, сильно искаженным или просто неверным. Каждая из этих вариаций оценок вкупе с различными шаблонами и клише *имеет свое значение* и соответственным образом сказывается не только на отношении избирателей к выборам, но и на самом электоральном выборе. Здесь важным моментом выступает *представление граждан* о том, что (или кто) движет избирательной системой и, в частности, выборами. Чаще всего они совсем не против того, чтобы определяющую роль в выборах играло государство, за которым избиратель, как правило, может только наблюдать из достаточно далекого далёка, и которому он в большинстве случаев просто вынужден доверять. В то же время граждане, в повседневной жизни чуть ли не на каждом шагу сталкивающиеся с властью (а значит, оценивающие выборы через призму своих взаимоотношений с ней), обычно (ради политкорректности можно сказать, что не всегда) считают ее *недостаточно беспристрастной* и склонны усматривать в ее оперировании выборами если не частные, то корпоративные интересы (отсюда и обозначение властей предрежающих не пофамильно, а как «они», то есть не «чужие», но и не «мы»).

И все же, как бы избиратель ни воспринимал выборы, он в них *как минимум в определенной степени заинтересован*. Посредством политических технологий, в частности приданием (присвоением) ему звания главного действующего субъекта выборов делаются попытки *вывести его из разряда заинтересованных сторон* электорального процесса. Превращение избирателя в *объект выборов* вряд ли получится, — слишком уж он живой, но при необходимости для глобальных «кукловодов», которые могут не пожалеть

усилий во имя получения в свое распоряжение такого значимого ресурса, *исполнителем чужой воли* в важнейшем для себя предприятии он вполне может стать. Разумеется, вопреки самому себе; к тому же для этого всего-то понадобится внедрить в содержание демократии еще один так называемый *международный избирательный стандарт*. Другое дело, что подобным образом можно изменить вектор развития государства и как одного из важнейших элементов системы ценностей, и как системы совершенствования глобального сообщества. А в итоге — получить тоталитаризм, а точнее, отдать себя, а вместе с собой и цивилизацию, в распоряжение глобального тоталитаризма со всеми вытекающими отсюда последствиями. Подобному не дано случиться, — все реки текут, и «река» различного рода «кукловодов», возникших на базе мировой олигархии, рано или поздно вольется в мировой океан людской эволюции.

В отношении того, *является ли избиратель бенефициаром* выборов в каком-либо значимом понимании, сомнения исключены. Да, он таковым не выглядит, вернее, выглядит только время от времени и более чем эпизодически. Но в электоральном контексте избиратель пребывает *в одной упряжке с обществом*, которое, в отличие от государства и власти, являющихся очевидными, при этом временными выгодоприобретателями выборов, — бенефициар во веки веков. Поясним. История показывает и доказывает, что государство, представляющее собой в большей степени понятие, чем явление («Я бы очень желал, что бы установили премию не 500 франков, а 1 миллион франков с награждением еще крестами и лентами для выдачи тому, кто дал бы хорошее, простое и вразумительное определение слова Государство» [6, с. 1]), в течение эпох много раз менявшее формы, обличья, суть и содержание, и в нынешнем своем проявлении *конечно*; с властью дело обстоит еще проще, — она выступает бенефициаром выборов *в период срока своего правления* и, уходя, уступает место, в том числе электорального выгодоприобретателя, своему преемнику.

Заинтересованность избирателя в выборах, посредством своих взаимоотношений с социумом связанного как с *историей, то есть с прошлым, так и с настоящим и будущим*, заключается и в данном обстоятельстве. К тому же *прошлое* едва ли не в буквальном смысле в нем содержится; *настоящее* является его повседневной жизнью; *будущее* — судьбой. И то, и другое, и третье — в весьма масштабных смыслах и восприятиях. Избиратель по своей, как говорится, натуре (характеру, жизненной позиции, сложившемуся положению) может быть очень далек от выборов, но он почти во всех своих состояниях *способен отличить* их от выбора. Притом, как в качестве понятия, так и в виде явления. И знает, какое значение в каждое из них вкладывается. Его настоящее — настолько же результат того или иного уже состоявшегося выбора и тех или иных выборов, ставших фактом истории, то есть

невозвратимых и неисправимых, насколько будущее может быть итогом выборов (как личных и повседневных, так и формальных и электоральных).

Для подобных пониманий избирателю необязательно дено и ношно ломать голову над формами и содержанием избирательных кампаний, следить за электоральными процессами. В идеале само демократическое общество должно способствовать тому, чтобы позиция его членов была *максимально гражданской*. Иначе говоря, причастность общему делу должна *не воспитываться, а впитываться* в суть члена социума за счет своей востребованности. Реальность, как всегда, иная: подлинному волеизъявлению, отражающему истинное мнение избирателя, приходится пробиваться сквозь множество препятствий и барьеров, порождаемых и устраиваемых «смертными грехами» — алчностью, жадностью, тщеславием и тому подобным, и складывающихся в разного рода недобросовестные политические, избирательные, юридические практики и методики, возникающие из личных, частных, корпоративных интересов. Есть надежда, что это все — *болезни роста*, которыми человеческой цивилизации удастся переболеть в какой-либо из возможных перспектив. Получилось же у нее, пройдя через всякие монархии, диктатуры, тоталитаризмы, *добратся* (додуматься) до народовластия; получится и *совершенствовать* его до такой степени, чтобы из демократии могли возникнуть более полноценный и универсальный глобальный социум и более действенная форма правления.

Выборы — ведущий элемент процесса демократизации, которому, судя по всему, отмерен *гораздо больший срок, чем самой демократии*, являющейся, несмотря на свое этимологическое значение, *государственным делом*. Главное, определяющее и имманентное (внутренне присущее, а значит, естественное или ставшее естественным) свойство выборов кроется в том, что они напрямую связаны с индивидом — *главным мировым субъектом*, породившим все рукотворное, в том числе государство, власть и все их былые, существующие и возможные формы, а через него и с обществом — высшей и наиболее надежной формой организации человеческих коллективов. Защитные механизмы выборов содержатся в них самих, — еще не придуман более надежный и действенный способ избрания власти, чем выборы. Но те опасности, которые грозят им формализацией, упрощением, превращением в имитацию и так далее, так же проистекают из электорального контекста. С данной позиции выборы *нуждаются в защите*. К тому же они выступают *главным оборонным рубежом и последним бастионом демократии*. Выбывание почвы (базовых оснований) из-под выборов, лишение их действенности и превращение в симуляцию — прямой путь к трансформации всей системы демократии в одну большую политическую технологию с соответствующими последствиями.

Защитником народовластия может выступить только общество. Возможно, на данном, более чем сложном этапе истории, это — одно из главных его предназначений. А защитить демократию можно только посредством *повышения роли выборов* в общественном пространстве. В свое время — в начале начал народовластия, выборы послужили ключом к двери, открывающей дорогу как к демократии, так и к ее развитию. Очень может быть, что общество, как разработчик и проектировщик, выступило только с идеей демократии, связав ее с выборами. Дальнейшее было делом рук последних. Ныне, когда мир практически семимильными шагами движется к глобальной катастрофе, обществу (мировому сообществу) предстоит стать *опекуном демократии* (больше некому), выборы могут оказаться важнейшим социальным инструментом, во-первых, обладающим максимальной эффективностью, во-вторых, исключаящим насилие и всякое общественное напряжение.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии. М., 2017.
2. Галкин И.П. Феномен абсолютизма в западноевропейской политико-правовой мысли раннего нового времени // Гражданин. Выборы. Власть. 2023. № 4.
3. Гасанов И. Триада или демократия в идеале / Демократия: незавершенный или несостоявшийся проект. Эссе и статьи. Ростов н/Д: Росиздат, 2011. 240 с.
4. Гасанов И.Б. О победе Дональда Трампа, или Почему «город» и «деревня» голосуют по-разному // Гражданин. Выборы. Власть. 2016. № 4.
5. Гасанов И.Б. Феномен Дональда Трампа, или Как Трампу «перетрампить» самого себя // Представительная власть: XXI век. 2017. № 5–6.
6. Бастиа Ф. Протекционизм и коммунизм. Челябинск, 2011.

ДУХОВНЫЕ НАЧАЛА И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ТОТАЛИТАРНОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению положения религии и религиозных организаций в условиях тоталитарных европейских режимов середины XX века. Анализируются соотношения базовых христианских ценностей с идеологическими основами фашизма и нацизма. Рассматриваются как примеры компромиссов между тоталитарными государствами и христианскими конфессиями, так и противостояние церкви тоталитарным режимам.

Ключевые слова: тоталитаризм, фашизм, нацизм, религия, идеология, клерикализм, христианство.

SPIRITUAL BEGINNINGS AND CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF TOTALITARIAN SOCIETY

Abstract. The article is devoted to the consideration of the position of religion and religious organizations in the conditions of totalitarian European regimes of the mid-twentieth century. The correlation of basic Christian values with the ideological foundations of fascism and nazism is analyzed. Both examples of compromises between totalitarian states and Christian denominations and the Church's opposition to totalitarian regimes are considered.

Keywords: totalitarianism, fascism, nazism, religion, ideology, clericalism, Christianity.

Среди признаков классических тоталитарных режимов религия обычно не называется. Это неверно лишь для случаев, когда речь идет именно о формах религиозного тоталитаризма, таких как диктатура Джироламо Савонаролы (1452–1498) во Флоренции или Жана Кальвина (1509–1564) в Женеве. Однако не все теоретики рассматривают указанные диктатуры в качестве примеров тоталитарных режимов. Следовательно, статусу религии и церкви в тоталитарных государствах, как правило, не уделяется большого внимания. Между тем исследование положения столь важных социальных институтов определенно представляет интерес и заслуживает разностороннего анализа.

В первую очередь следует рассмотреть, насколько в целом сочетаемы духовные начала и концептуальные основы тоталитарного общества. Нужна ли религия тоталитарному государству или, напротив, вредна? Как видно

на примере истории реальных тоталитарных государств, их политика по отношению к религии и церкви была очень неоднозначной: от попыток сотрудничества до подавления и борьбы. Подобный подход можно объяснить тем, что, по сути, религиозные институты представляют собой мощные социальные структуры, конкурирующие с государством.

Тоталитарным идеологиям присуще стремление поставить само государство на место религии и церкви, а правителю (дуче, фюреру) и вовсе отвести роль Бога в сердце народа. Любая классическая религия будет скорее помехой, чем подспорьем в решении подобной задачи. При этом рано или поздно неминуемо встанет вопрос, что с этой помехой делать.

Христианские богословы со времен первых апологетов до теологов XX века в большинстве своем указывали на то, что догматы веры и подчинение Божественному закону значимее требований земных властей. Следовательно, в случае коллизии между требованиями церкви и государства христианин должен делать выбор в пользу первой, поскольку спасение души превыше всех земных благ, включая сохранение жизни и свободы.

В целом достаточно лояльная к государственной власти христианская религия, изначально разделяющая Божье и кесарево, при этом закрепляла примат Божественных догматов и заповедей над интересами и требованиями светских властей. Ярче всего это проявилось в знаменитой средневековой (XII–XIII вв.) доктрине «двух мечей» (духовного и светского), однако, и до и после теологи обосновывали необходимость предпочтения божественного земному как для отдельного человека, так и для общества в целом.

При этом было бы преувеличением заявлять, что все тоталитарные режимы объявляли церкви непримиримую борьбу. Гораздо чаще тоталитарные идеологи и лидеры подходили к религии и церкви утилитарно, пытаясь использовать ее возможности себе на пользу.

Так, Бенито Муссолини предпочел сотрудничать с католической церковью и в 1929 году заключил с ее главой Латеранские соглашения. Адольф Гитлер, сначала горевший идеей заменить христианские конфессии в Германии религией собственного сочинения, представлявшей смесь язычества и его персональных верований, со временем отказался от этой идеи и предпочел пойти по пути Муссолини.

Так почему же тоталитарные лидеры все-таки выбрали путь сотрудничества, хотя вернее было бы назвать его путем запугивания и подчинения церкви, вместо откровенной борьбы и искоренения? Ответ на этот вопрос следует искать сразу в нескольких плоскостях.

Во-первых, тоталитаризму было что позаимствовать у религии и, особенно, у церкви. В первую очередь — умение пробуждать в сознании людей ощущение единства и стремление к этому единству, а также умелое использование символов и символизма. Тот же нацизм довел культ поклонения символам до абсолюта.

Во-вторых, религиозность, как правило, порождает или стимулирует в человеческой природе черты, которые тоталитарные режимы могли бы считать весьма полезными для внедрения собственных идей. Такие как вышеупомянутое стремление к единству, гордость от принадлежности к сообществу, покорность, смирение, страх, не рассуждающая вера. По сути, у религиозных организаций можно поучиться определенным методам манипуляции сознанием.

Но зачем создавать что-то уже существующее? Достаточно взять личность, в характере которой эти качества уже выработаны, и перенести их с религии на государство и его руководителей. Чем меньше человек склонен к анализу и сомнениям, чем выше в нем потребность ощущать себя частью какой-то особой группы, чем больше он готов покоряться чужим правилам и решениям, тем более удобен и полезен он для любого тоталитарного режима.

Возникает логичный вопрос: а как же, например, первые христиане, готовые расстаться с жизнью и перенести ради веры любые муки, лишь бы не покориться требованиям языческого государства? Уж их-то сложно назвать «удобными» подданными для светских властей. Однако, если даже сбросить со счетов царившую в начале нашей эры эсхатологическую убежденность, между методами и целями Римской империи и европейских тоталитарных режимов XX столетия есть существенная разница.

Римляне ставили христиан в такое положение, что им приходилось выбирать между преданностью своей вере и жизнью. Нацисты и фашисты пришли к выводу, что проще не посягать на саму веру и конфессиональную принадлежность, формально оставив гражданам позволение исповедовать свою религию; гораздо выгоднее перенести механизмы, задействованные в религиозности людей, на новый объект поклонения, формально не вступая в борьбу с прежним. А поскольку с древности известно, что «нельзя служить двум господам» одинаково ревностно, то логично было ожидать, что тоталитарное государство со временем займет место Бога и церкви в сердцах людей, если только одно не вступит в непримиримый конфликт с другим.

Надо сказать, что история оставила нам достаточное количество примеров и того, и другого. Множество «добрых католиков» в Италии и Германии, как и «добрых лютеран», научились примирять в своем сознании религиозные ценности и идеологию фашизма и нацизма. В будние дни они со всем рвением «зиговали» и травили евреев, а по воскресеньям с чистой совестью ходили на службу в церковь.

Даже понтификов римско-католической церкви — Пия XI и Пия XII обвиняли в пособничестве фашизму и нацизму. Однако более детальное и пристальное изучение их деятельности не позволяет прийти к столь однозначным выводам.

В христианской догматике можно найти положения, допускающие сотрудничество между церковью и властями. Например, в высказываниях

раннехристианских апологетов, в частности Блаженного Августина, неоднократно упоминается постулат, согласно которому истинному христианину надлежит проявлять равнодушие к форме и характеру светской власти, сосредотачивая всё свое рвение исключительно на вопросах спасения души. «Какая разница христианину, всегда близкому к смерти, под чьим правлением жить?» — вопрошал он. Ему же принадлежит цитата: «...слугам Христа... повелевается терпеть, коль скоро это необходимо, даже и самую развращенную и распущенную республику, и этим терпением приуготовлять себе светлейшее место в святейшем и священном сенате ангельском и в небесном царстве, где законом служит воля Божия» [1, с. 64].

Таким образом, тоталитарные власти могли найти в религиозных учениях как точку опоры, так и положения, несовместимые с идеей абсолютного господства государства. А среди масс верующих граждан можно было обнаружить как сторонников режима, так и его ярых противников.

Отсюда очень неоднозначное отношение тоталитарных режимов к религии, церкви и верующим. Как итальянский фашизм, так и германский нацизм формировались в рамках обществ, приверженных традиционным христианским ценностям. Их лидеры умело использовали то обстоятельство, что христианская церковь испытывала нападки со стороны политических движений левого толка и по большей части находилась с ними в состоянии активной конфронтации.

Именно антикоммунистические и антилиберальные настроения стали основой для сотрудничества христианской церкви с фашистскими режимами. Идеологи церкви вряд ли заблуждались насчет серьезных доктринальных разногласий между христианством и фашизмом, однако, они увидели в последнем силу, способную победить коммунизм. Церковь пошла на сотрудничество с идейным противником, видя в нем гаранта традиционного политического и социального порядка, в рамках которого ее существование представлялось более стабильным и значимым, чем при победе левых сил. В какой-то момент она увидела в фашистских властях потенциальных союзников. Тут действовал принцип «враг моего врага — мой друг». «Фашизм и церковь были скорее соперниками, чем врагами. Как говорил Пий XI, „если существует тоталитарный режим — тоталитарный и фактически, и по праву, — это режим церкви“» [2, с. 252].

Кроме того, как в Германии, так и в Италии остро стояла проблема патриотизма. Представители различных христианских конфессий этих стран зачастую видели в тоталитарных властях силу, способную сплотить народ, дать ему ощущение национальной гордости, побудить к ревностному служению Отечеству.

В 1926 году Ватикан сам инициировал начало переговоров с фашистскими властями Италии, а в 1929 году были заключены Латеранские соглашения, подписанные с одной стороны Б. Муссолини и с другой — кардиналом Пьетро Гаспарри, представлявшим Папу. В результате римско-католическая

церковь получила статус единственной государственной религии в Италии, тем самым усилив свое влияние и власть.

Церкви полагались значительные государственные дотации, — она также получила очень важное право контроля в области воспитания и семейной жизни. В школах вводилось преподавание основ католицизма, а в итальянской армии был введен институт военных священников. Партия «Итальянское католическое действие» обрела официальное государственное признание. «Фашистские вожди хорошо сознавали, что в Италии существует и истинная религия — поклонение сущностям вне нашей материальной реальности, чудотворное, вызывающее благоговение и трепет; и это не фашизм, а католицизм. Поэтому они старались сплести фашистские ритуалы с католическими обрядами» [2, с. 150].

В своей «Доктрине фашизма» Муссолини писал: «Фашистское государство не остается безразличным перед религиозным явлением вообще и перед положительной религией, в частности, каковой в Италии является католицизм. Государство не имеет своей теологии, но оно имеет мораль. В фашистском государстве религия рассматривается как одно из наиболее глубоких проявлений духа, поэтому она не только почитается, но и пользуется защитой и покровительством... Фашистское государство не создало своего „Бога“, как это сделал Робеспьер в момент крайнего бреда Конвента; оно не стремится тщетно, подобно большевизму, искоренить религию из народных душ. Фашизм чтит Бога аскетов, святых, героев, а также Бога, как его созерцает и к нему взывает наивное и примитивное сердце народа» [3, с. 6].

Несмотря на собственные, далекие от канонических, взгляды на религию, Гитлер признавал протестантизм и католицизм одинаково ценной опорой для немецкого народа. В пункте 24 программы НСДАП, принятой в 1920 году, было выражено отношение к религии: «Мы требуем свободы для всех религиозных вероисповеданий в государстве до тех пор, пока они не представляют угрозы для него и не выступают против нравственных и моральных чувств германской расы. Партия как таковая стоит на позициях позитивного христианства, но при этом не связана убеждениями с какой-либо определенной конфессией» [4, с. 25].

Католическое духовенство Испании также оказало поддержку лидерам фашистского мятежа. Это легко объясняется непримиримой враждебностью испанской католической церкви к режиму республики. «Свою лепту внесла и церковь, объявив разворачивающуюся борьбу не политической, а „моральной“ — борьбой между „созиданием и разрушением; между старой старинных обычаев, религиозных принципов, сохранения уклада — и анти-Испанией: страной разрушений, сожжения церквей и... революции“. Провозгласив „крестовый поход молитвы и возмездия“, церковь требовала молитв, жертв и мщения во имя победы над „теми, кто отступил от Христа

и поднял знамя разрушений и ненависти... над врагами, отступниками от веры и родины» [2, с. 481].

В своем фундаментальном исследовании фашизма Майкл Манн пишет: «Отношения нацистов с католической церковью были двойственными. Хотя многие из них были яркими антиклерикалами, нацистские лидеры понимали, что явный антиклерикализм означает политическое самоубийство, и были готовы идти на компромиссы с церковью. Католические клирики отвечали фашистам столь же двусмысленной позицией. Некоторые священники впоследствии были арестованы и даже казнены как противники нацистского режима. Но церковные иерархи, начав с поддержки австрофашизма, в дальнейшем стали коллаборантами нацистов. В выборе между нацизмом и демократическим социализмом высокопоставленные церковники предпочли нацизм. Они быстро вступили с режимом в переговоры, а затем и даровали ему полную поддержку, кроме случаев, когда он покушался на институциональные интересы церкви» [2, с. 317].

Однако христианские конфессии устраивали тоталитарные государства в качестве союзников лишь в модифицированном виде, подстроенном под нужды фашистских идеологий. Гуманность, милосердие, прощение и любовь к ближнему, лежащие в основе новозаветной христианской морали, категорически диссонировали с фашизмом и его культом сверхчеловека и господства арийской расы. Идеологи фашизма хотели видеть христианство национальной и расовой религией.

Опять же, конфессиональные различия и особенности христианских церквей могли в большей или меньшей мере способствовать сотрудничеству с тоталитарными режимами. Так, в Германии римско-католическая церковь поначалу противостояла фашизму, потому что сама всемирная, космополитическая природа католической церкви не совместима с национализмом. Изначально среди нацистов преобладали приверженцы протестантских течений. «Из всех избирателей, зарегистрированных на июль 1932 года (включая и тех, кто не голосовал), нацистов поддержали около 38% протестантов и лишь 16% католиков — разница значительная. Чем выше был процент протестантов в регионе, тем больше там голосовали за нацистов» [2, с. 274].

Известно, что Гитлер, несмотря на формальную готовность сотрудничать с представителями протестантской и католической церквей, относился к христианству без малейшего уважения. Не отдавая предпочтения ни одной из ветвей он говорил: «Каждая из существующих конфессий похожа на другую как две капли воды. За ними нет будущего. Его нет именно для германцев. Вы либо немцы, либо христиане...» [5, с. 128–129]. Он даже считал некоторые другие религии предпочтительнее для воплощения идей и целей нацизма. «В том-то и беда, что мы исповедуем не ту религию. Почему бы нам не перенять религию японцев, которые считают высшим благом жертву

во славу отечества? Да и магометанская подошла бы нам куда больше, чем христианство, с его тряпичной терпимостью» [6, с. 150].

Поскольку сотрудничество с христианскими конфессиями являлось для нацистских лидеров вынужденной мерой, то они ставили перед собой задачу максимально реформировать само христианское учение, придавая ему «нордическую», «тевтонскую», «арийскую» форму, дабы иметь возможность строить на основе такой реформированной религии новый порядок. То есть, по сути, создавая на фундаменте традиционной христианской доктрины новую — ариохристианство.

Для достижения этих целей была выдвинута идея, что первоначальное христианское учение подверглось сильным искажениям и нуждается в серьезном очищении. Библейские тексты трактовались по-новому, со стороны нацистских «теологов» раздавались призывы полностью отказаться от Ветхого Завета с его «еврейской торгашеской моралью». Для претворения этих идей в жизнь предпринимались вполне конкретные шаги.

В 1932 году берлинский пастор Иоахим Хоссенфельдер основал профашистское национально-ориентированное лютеранское движение «Немецкие христиане». Его доктринальную основу составляли постулаты об арийском происхождении Христа, божественной миссии немецкого народа и мессианской роли фюрера. Движение приобрело массовость в Германии, оно насчитывало более 600 тысяч приверженцев, что составляло около 30 процентов всех немецких лютеран.

«Немецкие христиане» представляли позиции НСДАП в церкви, именуя себя «штурмовыми отрядами Христа». Рейнхард Краузе — глава «Немецких христиан» Большого Берлина, настаивал на необходимости создания под лозунгом «Один народ, один Бог, один вождь, одна церковь» «новой, сильной, всеохватывающей, немецкой народной церкви» [7].

Пример создания и популярности движения «Немецкие христиане» вдохновил государственных лидеров, и в 1933 году с целью усиления пропаганды ариохристианских идей указом рейхстага была учреждена «Немецкая евангелическая церковь», объединяющая три десятка действовавших на территории Германии церквей. В 1936 году епископ Бремена Хайнц Вайдман опубликовал собственный перевод Евангелия от Иоанна, где были уничтожены любые упоминания о еврейском происхождении Христа.

Розенберг составил программу «Национальной церкви рейха», содержащую основные принципы и направления реформирования христианской догматики для приведения ее в соответствие с идеологией нацизма. Вот некоторые положения этой программы:

«13. Национальная церковь настаивает на немедленном прекращении издания и распространения Библии в Германии...

14. Национальная церковь заявляет, что для нее и тем самым для немецкого народа важнейшим документом будет «Моя борьба» нашего фюрера...

Эта книга... не только содержит, но и воплощает чистейшую и подлиннейшую этику нынешней и будущей жизни нашего народа.

18. Национальная церковь устраняет со своих алтарей все распятия, Библии и изображения святых.

19. На алтарях не должно возлежать ничего кроме «Моей борьбы», наиболее священной книги для немецкого народа и тем самым для Бога, а слева от алтаря — меч.

30. Со дня ее основания христианский крест должен быть удален из всех церквей, соборов и часовен... и заменен единым непобедимым символом — свастикой» [8].

Здесь стоит отметить, что тоталитарные режимы брали на вооружение и активно использовали склонность людей к поклонению определенной символике, довольно ярко выраженную в христианских культах. Запечатленное в человеческой природе пристрастие к символам использовалось для сплочения приверженцев новых идеологий, — чтобы дать им какие-то дополнительные внешние ориентиры. «Не стоит, конечно, называть фашизм религией: в фашизме нет концепции божества, возрождение и прогресс в нем — дело рук человеческих. Однако он тесно взаимодействовал с институциональными религиями и заимствовал кое-что из их практик» [2, с. 132].

Так традиционная христианская символика просто заменялась новой — фашистской, что находило отражение даже в нормативных актах и соглашениях между тоталитарными режимами и церковью: «Фашизм возникал в странах, где церковь привыкла играть значительную политическую роль, но сейчас эта роль слабела; эту ситуацию и использовали фашисты, перенося понятие „священного“ с Бога на нацию-государство» [2, с. 132].

Эта черта максимально ярко проявлялась в румынском клерикальном фашизме. «Поверх зеленой униформы легионеры нашивали белые кресты, а некоторые — свастики... Все фашисты использовали в своей деятельности религиозные мотивы, но лишь румынский Легион в самом деле напоминал церковь» [2, с. 389]. Члены румынских нацистских отрядов преклоняли колени возле церквей, молились и пели. Таким образом в сознании населения религиозные культы тесно переплетались с фашистскими.

В отношении католицизма нацистская Германия предпочла итальянскую модель сотрудничества. Ф. фон Папен писал: «Муссолини доказал, что фашистский режим может существовать в совершенной гармонии с церковью» [9, с. 277]. Германия заключила конкордат с Ватиканом в 1933 году, а отдельные земли в ее составе, в том числе исторически католическая Бавария, еще раньше подписали с Ватиканом собственные конкордаты.

Согласно подписанному между Германией и Ватиканом соглашению католическая церковь получала свободу в сфере религиозного образования, независимость для католических организаций и молодежных групп, католическим священникам разрешалось служить в армии. Каждая дивизия вермахта по штату имела двух капелланов — католического и лютеранского.

* * *

Несмотря на вынужденные компромиссы, на которые церковь шла с властями тоталитарных государств, даже сотрудничество с ней, как с организацией, не могло дать тоталитарным властям никаких гарантий того, что отдельные христиане не будут выступать против режима, ценности которого во многом противоречат христианским ценностям.

В рядах христианских священнослужителей было достаточно тех, кто оказывал сопротивление фашизму в различных формах. Так, к примеру, молодой священник Дитрих Бонхёффер еще в 1933 году выступал против нацистской политики антисемитизма, несовместимой с нравственными ценностями христианства и призывал верующих оказывать сопротивление государству с его бесчеловечными законами против евреев. Он был казнен нацистами, а его имя стало символом мученичества.

В 1934 году была создана Исповедующая церковь Старопруссского союза, оппозиционная нацистскому режиму. Ее священники выпускали листовки против нацизма, многие из них были привлечены к ответственности за измену Родине. Однако они исходили из базового постулата христианства о том, что Бога стоит бояться и почитать более, чем людей, в том числе облеченных властью. Кроме того, помня историю становления христианства, они были убеждены, что чем большим гонениям подвергается церковь, тем сильнее она становится.

Надо заметить, что не для всех необходимость борьбы с тоталитарными режимами была очевидна изначально. Как правило, представители церкви осознавали необходимость противодействия не сразу, а со временем, когда все явственнее становилась несовместимость идейной основы и методов фашизма с базовыми христианскими ценностями.

Так, например, Папа Пий XI, изначально пошедший на сотрудничество с тоталитарными государствами, в конце своего понтификата издал энциклику «*Mit brennender Sorge*» («С огромной обеспокоенностью»), направленную против фашизма. В ней он писал, что «только поверхностные умы могут пасть жертвами ложного учения, говорить о национальном Боге, национальной религии» [10, с. 142]. Он обвинял нацистское правительство Германии в нарушении Конкордата 1933 года. В тексте энциклики осуждаются тяготеющие к язычеству корни нацистской идеологии, мифы о превосходстве арийской расы и крови, доказываются ошибочность и искажение нацистами представлений о Боге.

Эта энциклика стала единственной, когда-либо написанной на немецком языке, ее копии были тайно доставлены в Германию для прочтения священниками с храмовых кафедр. Папский документ был призван предостеречь католиков, убедить их, что завоевывающая все большую популярность нацистская расовая идеология несовместима с догматами католицизма.

Эудженио Пачелли, будущий Папа Пий XII, добавил к проекту энциклики следующий абзац: «Если кто-то выделяет расу, этнос, государство или его специфическую форму либо иную фундаментальную ценность человеческого общества — сколь бы необходимыми и уважаемыми ни были их функции — над уровнем их обычной ценности и делает их объектом поклонения, то он искажает и извращает мир, замысленный и сотворенный Богом».

После событий 9–10 ноября 1938 года, вошедших в историю под названием «Хрустальной ночи», Пий XI присоединил свой голос к западным лидерам, осудившим еврейские погромы. В ответ нацисты устроили массовые демонстрации против католиков и евреев в Мюнхене, а гауляйтер Верхней Баварии Адольф Вагнер выступил на митинге с речью, в которой заявил, что высказывания Папы — это подстрекательство евреев по всему миру и агитация против Германии.

Даже смерть Пия XI несколько месяцев спустя часть исследователей считает убийством, к которому приложили руку фашисты и нацисты. В основание этой версии кладется факт о близости лечащего врача Папы к Б. Муссолини.

* * *

Стоит отметить, что часть духовенства, тайно противодействующая фашистским режимам, зачастую действовала, исходя не из политических взглядов и мотивов, а из христианских заповедей милосердия и человеколюбия. «К тому же отнюдь не политическая позиция церкви, а традиционная христианская добродетель сострадания к слабому и гонимому заставила священников укрывать в кафедральном соборе святых Кирилла и Мефодия часть бойцов Сопротивления, убивших Р. Гейдриха, и понести за это тяжелую ответственность, а после войны помогать уже нацистским преступникам бежать в Латинскую Америку, Африку, Ближний Восток и также нести за это ответственность» [11].

В Германии был создан Крайзауский подпольный кружок, возглавляемый фон Мольтке. В его состав входили Реш, Дельп, Кениг, Герстенмайер, Шенфельд, Пельхау, Штельтцер. По обвинению в предательстве Родины в начале 1945 года Дельп и фон Мольтке были приговорены к повешению.

Таким образом, можно увидеть, насколько сложными и неоднозначными были отношения, складывавшиеся между тоталитарными режимами и церковью. Компромиссы, попытки модификации, сотрудничество, тайное противостояние, открытая борьба, местами даже взаимопроникновение, казалось бы, непримиримых идеологий — через все это прошли светские и религиозные власти во время господства тоталитарных режимов.

Несмотря на то что в наше время несовместимость идеологических основ фашизма и христианства кажется совершенно очевидной, нельзя отрицать тот непростой и противоречивый исторический опыт, через который прошли различные христианские конфессии европейских стран в середине XX века.

Список литературы

1. Аврелий Августин. О граде Божием. Кн.1–4, Электронная библиотека «Гражданское общество». URL: <http://www.civisbook.ru>.
2. Манн М. Фашисты. Социология фашистских движений. М.: Изд-во «Пятый Рим»; Фонд «Историческая память», 2019.
3. Муссолини Б. Доктрина фашизма. Paris, Возрождение, 1938.
4. Федер Г. Программа и мировоззрение НСДАП. Витебск, 2007.
5. Розенберг А. Мемуары. Харьков, 2005.
6. Шпеер А. Воспоминания. Смоленск, 1997.
7. Бровко Л.Н. Протестантизм и национал-социализм /Берегиня. 777. Сова. 2014. № 4(23).
8. Горшков Ю.Э. Фашизм и протестантская церковь в Германии / Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2014. № 5.
9. Папен Ф. Вице-канцлер Третьего рейха. М., 2005.
10. Бровко Л.Н. Церковь и Третий рейх. СПб: Алетейя, 2009.
11. Горшков Ю.Э. Фашизм и официальная позиция церкви // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2014. № 4.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В УСЛОВИЯХ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния цифровых технологий на политические процессы и дипломатическое взаимодействие в условиях демократических режимов. Цель исследования — выявить как возможности, так и риски цифровизации для демократических институтов. Используются методы институционального и сравнительного анализа, а также контент-анализ нормативных и стратегических документов. Работа раскрывает концепт цифровой уязвимости демократии и проблематику цифрового суверенитета в международной политике. Сделан вывод о необходимости нормативной адаптации демократических систем к вызовам цифровой эпохи.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая дипломатия, демократические режимы, политические институты, цифровой суверенитет.

THE IMPACT OF DIGITAL TECHNOLOGIES ON POLITICAL PROCESSES AND DIPLOMATIC ENGAGEMENT IN DEMOCRATIC REGIMES

Abstract. This article analyzes the impact of digital technologies on political processes and diplomatic interaction in the context of democratic regimes. The purpose of the study is to identify both the opportunities and the risks that digitalization poses to democratic institutions. The research employs institutional and comparative analysis, as well as content analysis of regulatory and strategic documents. The study introduces the concept of the digital vulnerability of democracy and explores the issue of digital sovereignty in international politics. The article concludes with the necessity of adapting democratic systems to the challenges of the digital age through regulatory transformation.

Keywords: digitalization, digital diplomacy, democratic regimes, political institutions, digital sovereignty.

Цифровые технологии становятся неотъемлемой частью современных политических процессов, трансформируя формы взаимодействия между государством, обществом и международными акторами. В условиях демократических режимов данная трансформация приобретает особую значимость.

С одной стороны, цифровизация открывает новые возможности для расширения участия граждан, повышения транспарентности и эффективности публичной власти; с другой — усиливает риски институциональной эрозии, цифрового популизма и политической манипуляции. Демократия, основанная на принципах открытости и конкуренции, оказывается одновременно наиболее восприимчивой к инновациям и крайне уязвимой к последствиям неконтролируемого цифрового воздействия. В этом контексте особую актуальность приобретает изучение того, каким образом цифровые технологии влияют на политические институты и дипломатические практики в странах с демократическими политическими режимами.

Цель настоящего исследования заключается в теоретико-аналитическом осмыслении процессов цифровизации политической и дипломатической сфер в демократических государствах. Основной акцент сделан на выявлении двойственной природы цифровых технологий как фактора демократического развития и одновременно источника институциональных рисков.

Современные исследования в области политических наук фиксируют растущее влияние цифровых технологий на трансформацию демократических институтов и дипломатического взаимодействия. В литературе доминируют два аналитических подхода: один фокусируется на «цифровизации политики», то есть внедрении цифровых технологий в политическую коммуникацию и участие граждан (социальные сети, электронные петиции, онлайн-голосование), а другой — на «политике цифровизации», то есть государственном управлении цифровыми преобразованиями как элементе стратегического курса [1, с. 48–67].

С точки зрения С.В. Володенкова и С.Н. Федорченко [2, с. 84–103], цифровизация общественно-политического пространства ведет к образованию гибридных государственно-технологических режимов, в которых политическая власть все чаще делит суверенитет с цифровыми корпорациями и платформами. Это проявляется как в цифровой дипломатии, так и в институциональной перестройке традиционных форм власти (парламентаризм, выборы), что особенно ощутимо в демократических режимах, где уровень цифрового участия граждан выше.

Скептическую точку зрения представляет Т. Хирблингер [3, с. 185–285], отмечающий, что цифровые технологии, наряду с повышением аналитического потенциала и транспарентности, усиливают также неопределенность и уязвимость политических процессов. Например, в миротворческих инициативах технологии могут как укреплять доверие, так и способствовать дезинформации и подрыву легитимности.

Критический анализ «цифровой дипломатии» предложен Р. Адлер-Ниссен и К.А. Эггелинг [4, с. 640–666], которые вводят понятие *blended diplomacy* — смешанного формата, где невозможно четко отделить традиционные и современные практики. Цифровые технологии становятся неотъемлемым

элементом повседневной дипломатии, создавая новые иерархии и меняя профессиональные роли в рамках министерств иностранных дел и наднациональных международных структур, включая Европейский союз (ЕС).

В китайской литературе внимание акцентируется на понятиях «цифровой суверенитет» и «технологический суверенитет». В условиях геополитической конкуренции ЕС и Китай стремятся сохранить стратегическую автономию в цифровой сфере. ЕС, в частности, использует политику «digital sovereignty» как инструмент внешней и внутренней легитимации, при этом сталкиваясь с внутренними институциональными ограничениями [5, с. 9–22; 6, с. 91–104]. Однако в ряде работ подчеркивается, что даже демократические режимы, несмотря на предполагаемую открытость, используют цифровые технологии для усиления контроля и перераспределения политических ресурсов, что ставит под сомнение классическую модернизационную теорию [7, с. 310–327].

Несмотря на широту охвата, остается недостаточно изученным механизм воздействия цифровизации на качество таких демократических процедур, как электоральное участие, цифровая дипломатическая подотчетность и трансформация политических норм. Неисследованным остается и вопрос о долгосрочной устойчивости демократических институтов в условиях алгоритмической логики цифровых платформ и глобальных ИТ-корпораций, которые активно вовлечены в политические коммуникации. Таким образом, встает необходимость концептуализации политических и дипломатических эффектов цифровизации с учетом особенностей демократических режимов.

Компаративный и институциональный подход, выступающий методологической основой исследования, позволяет нам проанализировать трансформацию политических институтов под воздействием цифровых технологий в сравнительном контексте. Также используются методы контент-анализа нормативно-правовых актов, официальных стратегий цифровой дипломатии, а также кейс-стади по государствам ЕС и США. Посредством интеграции исследования цифровых политических технологий и дипломатии в единую аналитическую рамку, ориентированную на специфику демократических режимов, нами предложена интерпретация понятия цифровой уязвимости демократии, раскрывающая противоречивые последствия цифровизации для политической устойчивости и международного позиционирования государства.

В условиях стремительно меняющейся цифровой среды особое значение приобретает анализ того, каким образом демократические режимы адаптируют свои политические институты и дипломатические механизмы к вызовам цифровизации. Для этого необходимо рассмотреть конкретные формы влияния цифровых технологий на политическое участие, институциональное функционирование и внешнеполитическую коммуникацию.

Цифровизация политических процессов в демократических режимах

Внедрение цифровых технологий в политическую сферу демократических государств в последние два десятилетия радикально трансформировало природу политического участия, формы обратной связи между гражданами и государством, а также институциональные механизмы контроля и подотчетности. Этот процесс получил свое наиболее активное развитие в условиях ускоренной цифровизации, обусловленной и технологическими инновациями, и такими экзогенными факторами, как пандемия COVID-19, вызвавшая необходимость оперативного перехода на дистанционные формы коммуникации и управления.

Цифровые платформы, включая социальные сети (Facebook, Twitter/X, Instagram, Telegram и др. *), стали основным каналом политической социализации и мобилизации граждан. В условиях демократических режимов эти ресурсы позволяют не только транслировать политическую информацию в обход традиционных СМИ, но и организовывать протесты, подписные кампании и электронные инициативы. Так, например, петиции, направленные через платформу Change.org, в ряде случаев стали поводом для парламентских слушаний в США, Великобритании и Германии.

Однако наряду с расширением возможностей присутствия происходит смещение акцента с институциональной формы вовлеченности (партийная принадлежность, голосование) на эпизодическое, фрагментарное участие в форме «кликтивизма». Такая трансформация, как отмечает О.А. Воронкова [8, с. 120–133], приводит к формированию «сетевой публики», способной к резонансным действиям, но неспособной к устойчивой политической ответственности. Это вызывает институциональные вызовы для партийных систем и традиционных механизмов репрезентации.

Одним из наиболее формализованных направлений цифровизации политических процессов стала система электронного правительства (e-government), направленная на упрощение взаимодействия между государственными институтами и гражданами. В странах с устойчивыми демократическими традициями (Эстония, Канада, Нидерланды) были внедрены системы электронного голосования, онлайн-консультаций и цифрового доступа к нормативной базе. Например, эстонская система i-Voting¹, функционирующая с 2005 года, позволяет избирателям участвовать в выборах через Интернет с полной юридической силой голосов, регулируется зако-

* Социальные сети Facebook и Instagram принадлежат компании Meta, признанной экстремистской на территории Российской Федерации. Социальная сеть X (ранее Twitter) была заблокирована Роскомнадзором в начале марта 2022 г. на основании ст. 15.3 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

¹ i-Voting. URL: https://e-estonia.com/wp-content/uploads/factsheet_i-voting.pdf.

ном о выборах и признана конституционным судом как соответствующая основам демократии [9, с. 84–96].

Цифровые механизмы контроля также получили широкое распространение: цифровые бюджетные платформы, карты общественных обсуждений и мониторинговые панели (MySociety² в Великобритании) усиливают прозрачность и подотчетность власти. Вместе с тем, как подчеркивается в документе МИД Китая «Позиция Китая по вопросам глобального цифрового управления», необходимо усилить цифровую компетентность развивающихся стран и уязвимых групп населения за счет образования, технологической помощи [10].

Таким образом, несмотря на потенциал электронного правительства как средства демократизации, его эффективность зависит от качества нормативно-правовой базы, уровня технической инфраструктуры и способности институтов адаптироваться к цифровым вызовам.

Цифровизация не только создает возможности, но и генерирует риски, подрывающие устойчивость демократических процессов. Одной из главных угроз является алгоритмическая дискриминация, когда автоматизированные системы, действуя без прозрачности и апелляционных механизмов, принимают политически значимые решения. Неменьшую опасность представляет распространение дезинформации. Согласно исследованию, опубликованному в Misinformation Review Гарвардской школы управления имени Кеннеди, 83,4 процента взрослого населения США выражают обеспокоенность по поводу возможного использования искусственного интеллекта для распространения дезинформации в ходе президентских выборов 2024 года, причем 44,6 процента респондентов заявили о «высокой степени тревоги» по этому поводу [11].

Цифровой популизм — еще одно явление, возникающее на стыке технологий и политики. Благодаря использованию таргетированной рекламы, политические акторы могут персонализировать сообщения и апеллировать к эмоциям, минуя рациональный политический дискурс. Это ведет к фрагментации общественного мнения и подрыву публичной сферы, о чем свидетельствует пример платформы Cambridge Analytica, ставшей символом политического манипулирования в демократическом контексте.

Наконец, цифровое неравенство, выражающееся в разном уровне доступа к технологиям и цифровым навыкам, формирует новые линии политической маргинализации. Международный союз электросвязи (МСЭ) в отчете за 2023 год указал, что 93 процента населения в странах с высоким уровнем дохода пользуются Интернетом, в то время как в странах с низким уровнем дохода этот показатель составляет лишь 27 процентов, что ставит под сомнение инклюзивность цифрового участия [12].

² MySociety. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/MySociety>.

Цифровые технологии в системе дипломатического взаимодействия

Цифровизация трансформировала не только внутригосударственные политические процессы, но и механизмы внешнеполитического взаимодействия. В условиях глобальной взаимозависимости, усилившейся в XXI веке, цифровые технологии стали неотъемлемым элементом дипломатической практики, повлияв как на характер межгосударственных коммуникаций, так и на институциональную организацию внешнеполитических структур демократических государств. Новые форматы цифровой дипломатии изменили природу дипломатического представительства, расширили арсенал инструментов мягкой силы и поставили на повестку дня вопросы цифрового суверенитета и кибербезопасности [13, с. 59–69].

Одним из ключевых проявлений цифровизации дипломатии стало активное использование министерствами иностранных дел и международными организациями цифровых платформ: социальных сетей, специализированных веб-сервисов, видеоконференций, облачных хранилищ и мобильных приложений. Государственный департамент США в 2021 году опубликовал *Digital Diplomacy Strategy*, где указано, что цифровые инструменты должны стать «неотъемлемой частью продвижения внешнеполитических интересов и демократических ценностей Соединенных Штатов в киберпространстве» [14, с. 370–374]. С момента присоединения к Партнерству открытых правительств (ПОП) в 2013 году Канада последовательно продвигает концепцию открытого правительства в рамках внутреннего и внешнего государственного управления, включая повышение прозрачности международной повестки и вовлечение граждан посредством многостороннего сотрудничества.

В то же время в России сложился альтернативный вектор подхода к цифровому взаимодействию в международных отношениях. В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента № 646 от 5 декабря 2016 года) [15] подчеркивается необходимость защиты государственного суверенитета в информационном пространстве, включая предотвращение использования информационных технологий для вмешательства во внутренние дела страны, обеспечение безопасности критической информационной инфраструктуры и формирование международной системы информационной безопасности на основе равноправного стратегического партнерства.

Таким образом, Россия однозначно выступила против технологической монополизации транснациональных ИТ-компаний, подчеркнув необходимость обеспечения цифрового суверенитета через международное сотрудничество [16]. Она рассматривает «информационный суверенитет» как краеугольный камень национальной безопасности и международной стабильности. В соответствии с этой позицией государствам должно принадлежать право

юрисдикции в киберпространстве наравне с традиционным суверенитетом. Отсутствие уважения к цифровому суверенитету, согласно российской точке зрения, ведет к разбалансировке системы глобального управления. В целях продвижения данной концепции Россия осуществляет политику технологической автономии, усиливает нормативно-правовое регулирование и активно участвует в многостороннем сотрудничестве. Однако реализация этих инициатив сталкивается с рядом вызовов технологического, экономического и международно-политического характера.

* * *

Научная дискуссия также свидетельствует о разной интерпретации природы цифровой дипломатии. Например, Корнелиу Бьола и Илан Манор [17, с. 471–491] вводят понятие *hybrid diplomacy* — «гибридной дипломатии», в которой цифровые и традиционные форматы дипломатической деятельности переплетаются в повседневной практике. Этнографические исследования А.Б. Аусадык демонстрируют, что цифровые инструменты изменяют профессиональные роли дипломатов, повышая значение цифровых навыков и вовлеченности в онлайн-среду [18, с. 4–10]. Такая трансформация сопровождается институциональными разрывами между офлайн-дипломатами и «цифровыми» специалистами, формируя новые горизонтальные и вертикальные границы в дипломатической службе.

При этом расширение цифровых коммуникаций в дипломатии сопровождается серьезными вызовами. Один из ключевых рисков — это кибератаки на дипломатические учреждения. В 2020 году министерства иностранных дел подверглись массированным DDoS-атакам, а в 2022 году хакерские группы предприняли попытки вмешательства в цифровые платформы представительства ООН.

Особую обеспокоенность в международной дипломатии вызывает противоречие между глобальной природой цифровых коммуникаций и суверенными интересами государств. Китайский ученый Дун Цинлин [19] отмечает, что ядром китайской цифровой дипломатии является «достижение общего развития посредством технологического сотрудничества, а не технологического принуждения». Подчеркивая, что продвигаемая Китаем концепция «Цифрового сообщества единой судьбы» направлена на баланс между технологическим суверенитетом и международным сотрудничеством, он выступает против создания цифровых альянсов, основанных на идеологическом разграничении ценностей.

Данная позиция контрастирует с подходом ряда западных демократий, продвигающих так называемые «альянсы доверия» (*trusted alliances*), где акцент делается на общности политических ценностей как основе цифрового партнерства. В этом контексте Китай предлагает инклюзивную альтернативу, ориентированную на обеспечение технологического равноправия и недопущение цифровой фрагментации мира. Тем не менее реализация

концепции «Цифрового сообщества единой судьбы» сталкивается с критикой в международном дискурсе: часть аналитиков указывает на ограниченность прозрачности в механизмах реализации данной инициативы, а также на потенциальные геополитические интересы, скрывающиеся за риторикой взаимовыгодного сотрудничества.

Таким образом, цифровые технологии в системе дипломатического взаимодействия демократических режимов выполняют двойственную функцию. С одной стороны, они открывают новые каналы для публичной дипломатии, ускоряют межгосударственное взаимодействие и усиливают институциональную гибкость. С другой — актуализируют конфликты нормативных подходов к цифровому суверенитету, усиливают технологическое неравенство между государствами и трансформируют устоявшиеся профессиональные иерархии в дипломатии.

Институциональные и нормативные вызовы цифровой трансформации в условиях демократических режимов

Цифровые технологии, все глубже проникая в сферу внешней политики и внутривнутриполитических процессов, ставят под сомнение устойчивость традиционных демократических институтов и механизмов международного взаимодействия. Особое значение в этих условиях приобретают институциональные и нормативные аспекты, то есть то, насколько государственные структуры способны не только интегрировать новые инструменты, но и выработать устойчивые нормы их применения, не вступающие в противоречие с фундаментальными принципами демократии. Проблема, однако, заключается в том, что сама логика цифровизации — алгоритмическая, технологически нейтральная, часто приватизированная — не всегда совместима с политико-правовыми рамками публичной власти, ориентированной на подотчетность и правовой формализм.

Современные демократические режимы сталкиваются с дилеммой, — как обеспечить эффективное использование цифровых инструментов в политике и дипломатии, не подрывая при этом институциональные основания демократического управления. Опять же, с одной стороны, цифровые технологии упрощают доступ к международной информации, позволяют оперативно реагировать на внешние вызовы, расширяют возможности публичной дипломатии и участия граждан в обсуждении внешнеполитических решений [20, с. 65–78]. С другой — они вносят элементы неформализованности, подвижности и децентрализации, что затрудняет контроль, вызывает проблемы правового регулирования и подрывает институциональную целостность.

Одним из важнейших вызовов становится отсутствие единых международно признанных стандартов цифровой дипломатии. Поскольку цифровая коммуникация часто осуществляется на платформах, принадлежащих частным транснациональным корпорациям, традиционные принципы

суверенитета и дипломатической неприкосновенности теряют свою практическую применимость. Возникает парадокс: государственные субъекты международных отношений все активнее используют каналы, в отношении которых не обладают ни регуляторными полномочиями, ни технической автономией. Это приводит к формированию новой зависимости — не от других государств, а от цифровых инфраструктур, контролируемых негосударственными игроками [21, с. 37–56].

Дополнительную сложность представляет тот факт, что политические институты демократических стран зачастую реагируют на цифровые вызовы реактивно, а не проактивно. Регулирование цифрового пространства часто осуществляется «вдогонку» за уже свершившимися технологическими изменениями, что ослабляет эффективность нормативной базы и снижает уровень доверия граждан. В результате наблюдается эрозия институциональной стабильности, — официальные дипломатические каналы теряют монополию на формирование внешнеполитического дискурса, а роль влиятельных, но неофициальных источников — блогеров, цифровых активистов, платформенных алгоритмов — возрастает.

Также вызывает беспокойство проблема подотчетности цифровых дипломатических решений. В классической дипломатии ответственность за заявления, действия и последствия несут конкретные институты и лица, обладающие юридическим статусом. В условиях цифровой дипломатии, особенно в формате публичных онлайн-коммуникаций, границы ответственности размываются. Здесь трудно определить, какие из сообщений имеют официальную силу, а какие — представляют собой спонтанную или эмоциональную реакцию. Это затрудняет процессы политического урегулирования и усиливает взаимное недоверие между государствами.

Ключевым направлением институционального ответа должно стать развитие механизмов транспарентности и цифровой подотчетности. Однако практика показывает, что большинство инициатив в этой сфере либо фрагментарны, либо избыточно ориентированы на технический контроль (например, мониторинг трафика или блокировка контента), игнорируя институциональные и правовые аспекты. Такая односторонняя цифровая безопасность рискует подменить собой политическую ответственность, что в долгосрочной перспективе способно подорвать доверие к демократическим процедурам.

Кроме того, в условиях обостряющейся геополитической конкуренции растет соблазн использовать цифровую инфраструктуру в качестве инструмента внешнеполитического давления [22, с. 45–52], — через ограничение доступа, санкционную политику или выборочное распространение информации. Возникает риск раздробления глобального цифрового пространства на политико-идеологические блоки, что в перспективе грозит разрушением универсалистских основ международного взаимодействия. Безусловное следование технологической логике без политико-правовой рефлексии

в этом случае может не только ослабить демократию, но и легитимировать новые формы цифрового неравенства между государствами.

Таким образом, институциональные и нормативные вызовы цифровой трансформации в условиях демократических режимов требуют не просто адаптации существующих моделей, но и выработки качественно новых подходов, сочетающих гибкость цифровых решений с устойчивостью демократических норм. Только в том случае, если цифровая дипломатия будет встроена в систему правовой подотчетности и институционального баланса, она сможет стать инструментом укрепления, а не подрыва демократической легитимности.

Заключение

Цифровые технологии в контексте демократических режимов стали не просто инструментом модернизации политического управления и дипломатической практики, но и фактором глубоких институциональных преобразований. Они способствуют расширению каналов политического участия, ускоряют процессы коммуникации между государствами и обществами, делают внешнеполитические решения более доступными и открытыми. Вместе с этим они порождают и системные вызовы, затрагивающие саму структуру политической легитимности, подотчетности и суверенитета.

Анализ показывает, что цифровизация политических процессов приводит как к демократизации взаимодействия, так и к эрозии традиционных механизмов представительства и контроля. Алгоритмы, платформы и цифровые посредники становятся полноценными участниками политической сцены, при этом они выходят за пределы правовой юрисдикции большинства государств. Это требует от демократических институтов выработки новых форм регулирования и взаимодействия, способных учитывать децентрализованную и транснациональную природу цифровой среды.

В сфере дипломатии цифровые технологии меняют не только способы коммуникации, но и саму логику международных отношений. Формируется институциональная реальность, в которой наряду с государственными акторами действуют частные технологические платформы, а границы между публичной и частной дипломатией все больше размываются. В этом контексте особую актуальность приобретает выработка общепринятых этических и правовых норм цифрового поведения на международной арене, а также защита цифрового суверенитета без ущерба для глобального диалога.

Таким образом, в условиях демократических режимов цифровая трансформация требует баланса между технологической инновацией и институциональной устойчивостью, открытостью и безопасностью, глобализмом и суверенитетом. Решение этих задач возможно только тогда, когда государства будут не просто внедрять цифровые инструменты, но и осмысленно интегрировать их в контекст демократических норм, укрепляя правовую

определенность, политическую подотчетность и международную солидарность в цифровую эпоху.

Перспективы дальнейших исследований видятся в более глубоком изучении поведенческой трансформации дипломатических кадров под влиянием цифровизации, в анализе механизмов цифрового влияния в международных конфликтах, а также в разработке концептуальных моделей цифрового суверенитета, сочетающих межгосударственное сотрудничество с технологической автономией.

Список литературы

1. Коньков А.Е. Цифровизация политики vs политика цифровизации // Вестник СПбГУ. Международные отношения. 2020. Т. 13. № 1.
2. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Традиционные политические институты в условиях цифровизации: риски и перспективы трансформации // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 1.
3. Hirblinger A.T. et al. Making Peace with Un-Certainty: Reflections on the Role of Digital Technology in Peace Processes beyond the Data Hype // International Studies Perspectives. 2024. № 25.
4. Adler-Nissen R., Eggeling K.A. Blended Diplomacy: The Entanglement and Contestation of Digital Technologies in Everyday Diplomatic Practice // European Journal of International Relations. 2022. № 28(3).
5. Цай Цуйжун, Чжан Жо Ян. Стратегия цифровой трансформации ЕС в дискурсе «технологического суверенитета» и «цифрового суверенитета» // Исследования международной политики. 2022. № 1 (на китайском языке).
6. Гун Юньму. Возвращение концепта суверенитета в цифровую эпоху и цифровое управление ЕС // Европейская интеграция. 2022. № 5 (на китайском языке).
7. Туробов А.В. Возможности трансплантации политических институтов при торговле технологиями: результаты сетевого анализа в сравнительной перспективе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 65.
8. Воронкова О.А. Политическая системность и сетевая социальность: концептуальные аспекты // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 5.
9. Ровинская Т.Л. Электронная демократия в теории и на практике // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 12.
10. Позиция Китая по вопросам глобального цифрового управления // Министерство иностранных дел КНР. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wjb_673085/zjzg_673183/jks_674633/zclc_674645/qt_674659/202305/t20230525_11083602.shtml (дата обращения: 28.04.2025).
11. The origin of public concerns over AI supercharging misinformation in the 2024 U.S. presidential election // Harvard Kennedy School. URL: <https://misinforeview.hks.harvard.edu/article/the-origin-of-public-concerns-over-ai-supercharging-misinformation-in-the-2024-u-s-presidential-election/> (дата обращения: 28.04.2025).

12. Internet Use Report 2023 // International Telecommunication Union (ITU). URL: <https://www.itu.int/itu-d/reports/statistics/2023/10/10/ff23-internet-use/> (дата обращения: 28.04.2025).
13. Рюдель М.Ф. Влияние цифровых технологий на международные отношения и дипломатию // Общество и государство. 2024. № 2.
14. Ростованова М.Г. Цифровая дипломатия как инструмент международных отношений: преимущества и риски // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2021. № 6(58).
15. Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/71556224/> (дата обращения: 28.04.2025).
16. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // Российская газета. URL: <https://rg.ru/documents/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html> (дата обращения: 28.04.2025).
17. Bjola C., Manor I. The rise of hybrid diplomacy: from digital adaptation to digital adoption // International Affairs. 2022. Т. 98. № 2.
18. Аусадык А.Б., Чукубаев Е.С., Уткелбай Р.Е. Новые технологические инструменты в дипломатической практике // Вестник КазНУ. Серия международные отношения и международное право. 2023. Т. 104. № 4.
19. Дун Цинлин. Искусственный интеллект и цифровая дипломатия: новые темы, новые правила, новые вызовы // Народный форум: академические рубежи. 2023. № 2. DOI: 10.16619/j.cnki.rmltxsqy.2023.04.008 (на китайском языке).
20. Победин П.К. Использование искусственного интеллекта и цифровых технологий как метода политического влияния на молодежь // Постсоветский материк. 2024. № 4(44).
21. Каневский П.С., Петров К.Е. Негосударственные акторы в системе международных отношений цифровой эры: между комплексной взаимозависимостью и онлайн-суверенитетом // Международная аналитика. 2024. Т. 15. № 3.
22. Кубанцева Е.В. Цифровая трансформация государственного управления как фактор достижения цифрового суверенитета в Российской Федерации // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 9.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ В ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ (на примере Bluesky и X*)

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу политических коммуникаций в централизованных и децентрализованных социальных сетях на примере X (бывший Twitter) и Bluesky. Рассматриваются ключевые различия в архитектуре платформ, их влияние на модерацию контента, свободу слова, уровень вовлеченности пользователей и политическую поляризацию. Автор анализирует, как децентрализация способствует большей автономии пользователей и снижает риски цензуры, но при этом усиливает фрагментацию дискурса. Исследование включает контент-анализ 600 политических постов с обеих платформ, что позволяет выявить различия в характере обсуждений и структуре взаимодействий. Полученные результаты показывают, что X сохраняет высокий уровень массового вовлечения, в то время как Bluesky демонстрирует более тематически разнообразный, но менее распространенный политический контент. В работе обсуждаются перспективы развития децентрализованных соцсетей и их роль в формировании новой цифровой публичной сферы.

Ключевые слова: децентрализация, социальные сети, политическая коммуникация, модерация контента, свобода слова, алгоритмическая лента.

COMPARATIVE ANALYSIS OF POLITICAL COMMUNICATIONS IN DECENTRALIZED SOCIAL NETWORKS (using the example of Bluesky and X)

Abstract. This article presents a comparative analysis of political communication in centralized and decentralized social networks, using X (formerly Twitter) and Bluesky as case studies. It examines key differences in platform architecture and their impact on content moderation, freedom of speech, user engagement, and political polarization. The author explores how decentralization enhances user autonomy and reduces censorship risks while also increasing discourse fragmentation. The study includes a content analysis

МИХАЙЛОВ Никита Владимирович — аспирант кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ», г. Санкт-Петербург

* Социальная сеть X (ранее Twitter) была заблокирована Роскомнадзором в начале марта 2022 г. на основании ст. 15.3 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

of 600 political posts from both platforms, revealing differences in discussion patterns and interaction structures. The findings indicate that X maintains a high level of mass engagement, whereas Bluesky fosters more theoretically diverse but less widely disseminated political content. The paper discusses the future prospects of decentralized social networks and their role in shaping a new digital public sphere.

Keywords: decentralization, social networks, political communication, content moderation, freedom of speech, algorithmic feed.

Социальные сети стали неотъемлемой ареной политической коммуникации, формируя новую цифровую публичную сферу. Однако традиционные платформы, такие как X (в прошлом Twitter), функционируют на основе централизованной архитектуры, где все данные и управление сосредоточены в руках одной компании. Это вызывает ряд проблем — от цензуры и манипуляции контентом до угроз конфиденциальности и утечки данных пользователей. В ответ на эти вызовы у пользователей пробуждается интерес к децентрализованным социальным сетям, которые обещают более демократичное управление, защиту приватности и устойчивость к цензурному давлению.

Децентрализованные социальные сети: понятия и теоретические основы

Децентрализация подразумевает такую организацию сети, при которой отсутствует единый контролирующий центр, а функции управления и хранения данных распределены между множеством узлов. В отличие от традиционной централизованной модели, где существует один главный сервер и владелец, как в случае Facebook (признана экстремистской организацией в Российской Федерации) или X, децентрализованная сеть не имеет единоличного контроля. Каждый узел может самостоятельно принимать решения, что на данный момент исключает возможность централизованной цензуры и манипуляции общественным мнением [1].

Такая архитектура, как правило, повышает отказоустойчивость (например, выход из строя одного узла не парализует работу всей сети) и затрудняет удаление информации, то есть контент невозможно убрать одним нажатием на главном сервере, как это делается в централизованных платформах [1]. Ярким примером служит федеративная сеть Fediverse (включающая Mastodon, Pleroma и другие социальные сети), где разные серверы взаимодействуют по открытым протоколам (ActivityPub и др.), образуя единое пространство при децентрализованном хранении данных.

Одной из теоретических основ развития децентрализованных сетей является концепция распределенных сетей, восходящая к ранним исследованиям сетевой топологии. В распределенной (fully distributed) сети все узлы равноправны, и информация маршрутизируется без посредничества центрального хаба, что максимально децентрализует контроль. Современные децентрализованные социальные сети могут реализовать как полностью

распределенную архитектуру (например, на основе peer-to-peer или блокчейна), так и федеративную модель (несколько взаимосвязанных серверов).

Например, социальная сеть Bluesky основана на открытом протоколе AT Protocol, разработанном как «proof-of-concept» распределенной социальной сети [2]. Идея протокола состоит в том, что множество приложений с собственными системами курирования и модерации смогут взаимодействовать друг с другом на базе единого стандарта [2]. Таким образом, Bluesky стремится отделить уровень протокола от конкретного сервиса: различные платформы (в том числе независимые от данной сети) могут подключаться к общей федерации, оставаясь суверенными в правилах сообщества. Здесь прослеживается параллель с концепцией платформенного кооперативизма — движения за демократическое управление онлайн-платформами.

Платформенные кооперативы — это цифровые платформы (сайты или приложения), которые принадлежат и управляются самими участниками (пользователями или работниками) на принципах демократического принятия решений. В отличие от коммерческих социальных сетей, финансируемых венчурным капиталом, платформенные кооперативы ставят интересы сообщества выше прибыли акционеров [3]. Применение подобных идей по отношению к социальным сетям означает, что пользователи получают механизм коллективного влияния на развитие платформы, — например, через выбор правил модерации, алгоритмов ленты и использование открытого исходного кода. Хотя Bluesky не является кооперативом по структуре собственности (это некоммерческая организация, РВС), ее ориентированность на открытый протокол и потенциальную возможность для сторонних серверов подключаться резонирует с принципами децентрализации власти над сетью.

Еще один ключевой аспект — приватность и владение данными. В централизованных социальных сетях контент и персональные данные хранятся на серверах данной сети, которая может монетизировать (таргетированная реклама, передачи третьим лицам) и обязана выдавать их по запросу властей. Напротив, децентрализованные платформы стремятся предоставить пользователям больший контроль над своими данными. Так, децентрализованные сети позиционируются как более конфиденциальные и устойчивые к цензуре альтернативы, где пользовательские данные не сосредоточены в одном уязвимом хранилище [4]. Хранение информации распределено между независимыми узлами, что затрудняет массовую слежку и несанкционированный доступ.

К примеру, ранний эксперимент Bluesky под названием «Authenticated Data Experiment, ADX» был нацелен на то, чтобы личные данные (профиль, посты) хранились в репозиториях, контролируемых самими пользователями [2]. В идеале это позволяет публиковать сообщения без ущерба для права собственности на свои данные. Прозрачность открытого кода и использование криптографических механизмов (например, криптографические

подписи записей, блокчейн-хранилища в некоторых решениях) повышают доверие к тому, что система не манипулирует данными незаметно для пользователей. Таким образом, приватность выступает важным теоретическим обоснованием децентрализации, предполагая не только защиту от сбора персональной информации корпорацией, но и свободу самовыражения без страха внезапной блокировки аккаунта или удаления контента по решению центральной модерации.

Влияние архитектуры (централизованной против децентрализованной) на политическую коммуникацию

Различия в устройстве платформ существенно влияют на характер политического дискурса. Централизованные социальные сети объединяют миллиардную аудиторию под одной крышей, что создает эффект единой «агоры», где сталкиваются разнообразные мнения. Это, с одной стороны, облегчает виральность (своего рода вирусность) политических сообщений. Например, одно сообщение в Twitter теоретически может охватить весь мир — но, с другой стороны, власть над правилами коммуникации сконцентрирована у администрации платформы. Компания-владелец определяет политику модерации, ранжирование контента алгоритмом и технические ограничения (например, длина поста).

Политические акторы в такой среде должны подстраиваться под алгоритмические фильтры и рискуют подвергнуться цензуре или теневому бану, если их контент нарушает правила платформы. Уже известны случаи, когда Twitter блокировал аккаунты высокопоставленных политиков за призывы к насилию или дезинформацию, что вызвало дискуссии о влиянии частных корпораций на свободу слова в Интернете. Централизованная модель также облегчает государственное давление, — правительству проще заставить одну компанию удалить нежелательный пост или выдать данные пользователя, чем пытаться сделать то же самое в десятках независимых узлов сети.

В свою очередь, децентрализованные платформы, напротив, рассредоточивают аудиторию и управление, что по-разному сказывается на политической коммуникации. Положительным следствием децентрализации является бóльшая свобода слова и плюрализм, где отсутствует единый «центр», который мог бы заблокировать контент во всей сети. Если пользователь или группа сталкиваются с цензурой на одном сервере, они могут мигрировать на другой или поднять собственный узел, сохранив связь с общей федерацией. Таким образом, оппозиционные и маргинализированные голоса получают альтернативные каналы для самовыражения, даже если им закрыт доступ к мейнстрим-платформам. Исторически появление федеративных социальных сетей отчасти мотивировалось стремлением обеспечить площадку для сообществ, обеспокоенных цензурой или коммерциализацией крупных платформ. Например, после ужесточения модерации контента в X (бывший Twitter) некоторые группы пользователей

перешли в Mastodon, считая его более открытым и не подверженным произвольным блокировкам.

Однако децентрализация имеет и обратную сторону — фрагментацию дискурса. Вместо единого глобального форума формируется множество более мелких сообществ, зачастую гомогенных в идеологическом плане. Пользователи склонны выбирать платформу или сервер, чьи правила и ценности соответствуют их собственным убеждениям. В результате политические коммуникации разбиваются на изолированные потоки: отдельные группы обсуждают повестку дня внутри «своих» сетей, почти не вступая в диалог с оппонентами. Как отмечает Р. ДиРеста, волны недовольства модерацией X привели к тому, что многие пользователи мигрировали на альтернативные площадки с другими подходами, — кто-то на более либеральные в плане правил (например, Truth Social с минимальной модерацией), кто-то в сообщества с самоуправлением, например, Mastodon [5].

При этом часто уход происходил по политическим линиям: консервативно настроенная аудитория искала одну платформу, либерально настроенная — другую, что только усилило эффект идеологических эхо-камер. Исследователи предупреждают, что когда пользователи перебираются в среды, согласующиеся с их взглядами, пространство для междеологического диалога сужается, что ослабляет общий публичный дискурс [6]. Иными словами, децентрализованная «экосистема» рискует превратиться в набор «пузырей», внутри которых коммуникация протекает активно, но между которыми отсутствует продуктивное взаимодействие.

В то же время, стоит отметить, что масштаб аудитории децентрализованных сетей пока значительно уступает гигантам вроде Twitter. Это означает, что влияние на широкие массы из этих сетей ограничено, — политические кампании в них охватывают более узкие целевые группы. В то же время качество взаимодействия в небольших сообществах может быть выше: дискуссии нередко происходят в более глубоком формате, так как участники лучше знают друг друга, что теоретически способствует более содержательным обсуждениям, а не обмену язвительными «твитами-мемами». Таким образом, архитектура платформы задает определенный баланс между масштабом и содержательностью политического дискурса: централизованная модель предоставляет масштаб и смешение разных групп, но подвержена эффектам алгоритмического усиления конфликтов, тогда как децентрализация поддерживает автономию и близость внутри групп, но порождает разобщенность между ними.

Модерация контента: централизованный против децентрализованного подхода

Практики модерации — это ключевой фактор, определяющий характер политической коммуникации в социальных сетях. В централизованных сетях модерация носит иерархический характер, то есть существует единый

набор правил (правила сообщества, Terms of Service), принятый платформой, и центральная команда модераторов/алгоритмов, отслеживающая их соблюдение. Twitter исторически выработал комплексную политику модерации, в которой запрещены призывы к насилию, терроризм, координация вмешательства в выборы, разжигание ненависти и тому подобное. Нарушители предупреждаются, их посты удаляются, в случаях грубых нарушений аккаунты блокируются.

Такой унифицированный подход обеспечивал относительно последовательное применение правил по всему пространству социальной сети, но и вызывал критику. С одной стороны, платформа обвинялась в недостаточной модерации: например, не сразу удаляла оскорбительный или дезинформационный контент, что позволяло кампаниям троллей и ботов влиять на повестку. С другой — ее упрекали в цензуре и политической ангажированности, — особенно после резонансных блокировок. Вспомним блокировку аккаунта Д. Трампа в январе 2021 года, породившую споры о свободе слова. В результате сама тема модерации стала политизированной, а решения Twitter по контенту превратились в предмет общественного дискурса и даже повлияли на поляризацию аудитории [5]. Можно сказать, что фактически несогласные с политикой «центра» пользователи начали искать или создавать альтернативы, где «рефери» будут другими или их не будет вовсе, — так произошла эмиграция части аудитории на другие ресурсы [5].

В децентрализованных социальных сетях модерация распределена между множеством акторов. Нет единого «верховного модератора» для всей сети, — каждое сообщество или узел устанавливает собственные правила и механизмы. Рассмотрим две модели: федеративную (как Mastodon или Bluesky) и полностью децентрализованную (некоторые блокчейн-сети). В федеративной сети каждый сервер (сообщество) имеет своих администраторов и модераторов, которые регулируют контент согласно локальным правилам. Например, на одном экземпляре Mastodon могут запрещаться определенные виды высказываний (скажем, жесткий спам или экстремизм), тогда как другой экземпляр может позволять их. При этом сервера могут блокировать друг друга: если администрация одного узла считает, что другой узел не модерирует опасный контент (например, на нем процветает язык вражды), она может офедеративаться, то есть скрыть весь контент того узла для своих пользователей. Такая модель создает своего рода сетевой фильтр.

Так, неприемлемый в одних сообществах контент не виден их участникам, хотя формально продолжает существовать в сети на других узлах. Это принципиальное отличие, — контент не удаляется глобально, как на централизованной платформе, а лишь ограждается от определенных аудиторий. Это обеспечивает устойчивость к цензуре и ни одна организация не может «стереть» пост из всей сети [4]. В то же время опасный или незаконный

контент труднее искоренить полностью. Он может «путешествовать» между узлами, находя убежище в наиболее либеральных по модерации сегментах сети. Таким образом, децентрализованная модерация требует координации и доверия между множеством модераторов разных узлов, а также активного участия самих пользователей (через жалобы, блокировки нежелательных аккаунтов и т.д.).

Bluesky, как пример, стремится разработать оригинальную систему модерации, сочетающую преимущества децентрализации с безопасностью сообщества. Платформа предлагает так называемую модульную или «ком-позитную» модерацию. В ее основе лежит система открытой маркировки контента. Независимые сервисы-модераторы могут присваивать постам специальные метки («NSFW», «экстремизм», «дезинформация» и т.п.), а пользовательский клиент решает, как с ними обращаться, — скрывать, помечать предупреждением или показывать без ограничений. Пользователи фактически получают возможность настраивать фильтры под свои предпочтения, подписываясь на те или иные списки меток. Bluesky уже реализовал прототип такого подхода, в котором существует каталог из тысяч кастомных лент (feed generators), где алгоритмы формируют выдачу по определенным критериям, а также — инструменты гибкой фильтрации контента [6].

Идея в том, что вместо одной «ленты Twitter», определяемой алгоритмом компании, в Bluesky каждый может выбрать или даже создать свою ленту, — например, ленту без политического контента, или, наоборот, только с обсуждениями политики, или фильтр, исключающий токсичные комментарии. Помимо этого, Bluesky внедряет componable moderation (composable moderation): сторонние разработчики могут предлагать собственные решения для выявления нежелательного контента (бот-детекторы, системы голосования сообщества за удаление постов и др.), а пользователи/серверы — применять их на своей части сети [6]. Такой подход «магазина модерации» разгружает центральную команду от роли единственного арбитра и предоставляет сообществу инструменты саморегуляции.

Тем не менее полностью уйти от централизованных решений пока не удалось: по состоянию на 2024 год Bluesky управляет своим официальным сервером (Bsky.social) и имеет команду доверия и безопасности, которая вмешивается в экстренных случаях, например, при появлении противоправного контента, спама или координированных атак. По мере роста аудитории сеть вынужденакратно увеличить штат модераторов, осознавая важность контроля вредоносного контента даже в «свободной» архитектуре. Таким образом, она представляет собой гибридный пример: протокол децентрализован, но для привлечения массового пользователя создан удобный центральный сервис со знакомым опытом, который одновременно испытывает на себе все сложности модерации в глобальной социальной сети [6]. Команда компании пытается выработать новые методы модерации, минимизирующие вред

для сообщества (дезинформацию, травлю и др.), не прибегая к тотальному контролю, характерному для старых платформ [6].

Для сравнения, Twitter (ныне X) при смене владельца в 2022 году иллюстрирует риски изменения модерационной политики в централизованной системе. Решения новой администрации непосредственно и мгновенно отразились на характере политического контента: ослабление модерации привело к всплеску ботов и хейта [7], в итоге ряд пользователей покинули платформу, ссылаясь на ухудшение «здоровья» дискурса. Но у обычных пользователей не было механизма повлиять на правила, кроме как уйти в другие сети. В децентрализованной же среде, если один узел (тот же основной Bluesky Social) изменит политику, пользователи могут переместиться на другой узел или форк клиента, сохраняя при этом свою социальную графу благодаря общей протокольной основе. Это радикально меняет расстановку сил. В традиционной сети власть модерации центра диктует условия аудитории, а в федеративной сети власть распределена, то есть аудитория сама выбирает приемлемый для себя уровень модерации, либо даже участвует в ней.

Политический дискурс и структура взаимодействий в цифровой среде

Формат и тон политических обсуждений во многом определяются возможностями, которые предоставляет платформа, а также социальными нормами, сложившимися среди пользователей. В X исторически короткий формат сообщений (до 280 символов) и алгоритмическая лента, выделяющая наиболее резонансные твиты, способствовали клиповому характеру политического дискурса. Обсуждение часто велось через цепочки реплавов и ретвитов, причем механика Quote Tweet (ретвит с комментарием) стимулировала практику публичного «ответа оппоненту» зачастую в саркастической манере и перед глазами широкой аудитории. Структура диалога нередко превращалась в набор параллельных монологов, где пользователи соревнуются за внимание аудитории, но не в последовательный обмен аргументами.

Исследователи отмечают, что социальные медиа вроде Twitter акцентируют символические жесты и языковые флеш-пойнты, нежели содержательную полемику [8]. Вирусное распространение хештегов, мемов, коротких лозунгов упрощает сложные политические темы до узнаваемых маркеров, пригодных для массового репоста. В результате политический дискурс в централизованной социальной сети часто характеризуется поляризацией и конфликтностью. Различные лагеря формируются вокруг хештегов или информационных поводов и обмениваются выпадами, а не ведут диалог. Тем не менее такая платформа предоставляет пространство и для неожиданной встречи мнений. Благодаря открытости Twitter пользователи могут

вступать в дискуссию с незнакомыми людьми, публично адресовать вопросы чиновникам, журналистам, экспертам, что нередко рождает новые формы взаимодействия власти и общества.

В децентрализованных сетях формат коммуникации несколько иной. На примере Mastodon отмечалось, что, несмотря на иную архитектуру, культурные паттерны Твиттера отчасти воспроизводят те же механизмы «call-out» (публичного порицания), кампаний преследования и драм в сообществе, которые могут возникать и в федеративной сети [8]. Однако есть и осознанные изменения в дизайне взаимодействия. Например, в Mastodon отсутствует встроенный функционал цитирования чужого поста с комментарием (quote), что по задумке снижает накал «токсичных» ответов и прямого издевательства над авторами. Пользователей поощряют либо ответить автору напрямую, либо перепостить без комментария.

В Bluesky также ведутся дискуссии о том, как механики платформы влияют на разговор. Сообщество ранних пользователей ввело термин «скит» для поста (аналог «твит»), намекая на преемственность формата микроблогов. При этом данная программа уже на этапе бета-тестирования внедрила кастомные ленты, благодаря которым пользователь может отделить для себя, например, «политическую дискуссию» в отдельный поток, свободный от развлекательного контента, или, наоборот, исключить из основной ленты политические посты, чтобы снизить уровень стресса. Такая персонализация информационного потока может позитивно сказаться на качестве диалогов.

Люди, сознательно подписавшиеся на политическую тему, более вовлечены и компетентны, а те, кто не желает видеть политику, не будут случайно втянуты в спор. Структура диалогов в небольших децентрализованных сообществах часто более упорядочена: обсуждения проходят в пределах знакомой группы, где репутация играет роль, поэтому меньше анонимных провокаций. Возможно формирование локальных правил дискурса. Например, на одном сервере принято модерировать сообщения с оскорблениями, на другом поощряется максимальная свобода высказываний, и пользователи это знают и ведут себя соответственно в данных пространствах. Такие негласные нормы, различающиеся от сообщества к сообществу, структурируют диалог по-разному, — где-то он ближе к академической дискуссии (с аргументацией, ссылками, уважительным тоном), а где-то сохраняет черты «твиттерных» баталий.

Наконец, важным аспектом является доступность аудитории и обратная связь с институциями. В централизованном X многие политики, органы власти, СМИ присутствуют официально, и граждане могут напрямую упоминать их, требовать реакции (практика «digital accountability»). В децентрализованных сетях официальные аккаунты государственных структур пока являются редкостью, а их аудитория меньше, поэтому политики не так сильно мотивированы на то, чтобы вести там аккаунты.

Но это может меняться по мере роста платформы Bluesky. Уже сейчас, после открытия регистрации в 2024 году ряд журналистов и общественных деятелей завели аккаунты в Bluesky, привлекая туда свою аудиторию. В перспективе, если децентрализованные платформы станут массовыми, структура диалога «гражданин — власть» может приобрести более распределенный характер. Пользователи смогут выбирать площадку, чтобы обсуждать волнующие вопросы: экологические активисты — на «зеленом» сервере, либертарианцы — на своем форуме, и тогда чиновникам придется отслеживать несколько каналов. Это усложнит коммуникацию институтов с обществом, но и сделает ее более устойчивой.

Невозможность «выключить Интернет» в условиях распределенной сети затруднит подавление протестных коммуникаций авторитарными методами. Уже сейчас Telegram и подобные инструменты играют роль децентрализованных каналов связи при блокировках официальных платформ. Bluesky и аналоги могут взять на себя часть функций публичного политического дискурса, обеспечивая при этом бóльшую автономность пользователей.

Методология и результаты исследования

Теоретический анализ показывает, что децентрализованные социальные сети предлагают иную парадигму политической коммуникации по сравнению с традиционными централизованными платформами. Децентрализация основана на идеях распределенного управления, коллективного владения и приватности, которые воплощаются технически (через федеративные протоколы, блокчейн и пр.) и организационно (посредством сообществ модераторов, кооперативных принципов). На примере Twitter и Bluesky выявляется ряд ключевых отличий.

Централизованный Twitter обеспечивал единое пространство для глобального диалога, но концентрировал власть над дискурсом в одних руках. Это приводило к острым конфликтам вокруг модерации и создавало риски для свободы слова и приватности.

Децентрализованный подход Bluesky распределяет контроль между участниками, что повышает устойчивость к цензуре и дает пользователям больше влияния на правила общения. При этом децентрализация фрагментирует аудиторию и усложняет выстраивание общенационального консенсуса, ведет к возникновению изолированных тематических сообществ.

Политический дискурс в цифровой среде тоже трансформируется и становится более рассредоточенным не только технически, но и социально. Структура диалогов смещается от монолога на «мегаплатформе» к полилогу на пересечении множества площадок. Пользователи получают свободу выбора среды общения и бóльший контроль над своим опытом (алгоритм ленты, степень модерирования), что может повысить качество вовлеченности пользователей.

При проведении сравнительного анализа политических коммуникаций на двух социальных платформах X и Bluesky выдвигалось три гипотезы:

1. В децентрализованных социальных сетях активно пишут сторонники левых партий, больше критикуют текущую власть, однако другие пользователи меньше вовлечены в обсуждение.

2. Вовлеченность пользователей в политические дискуссии в Bluesky выше, чем в Twitter, из-за децентрализованной структуры, которая позволяет пользователям более активно участвовать в формировании контента.

3. Контент Bluesky разнообразнее и менее подвержен манипуляциям, чем в Twitter, благодаря отсутствию центрального контроля и алгоритмов, продвигающих определенные темы.

Для исследования гипотез была сделана выборка 600 постов (300 постов с каждой платформы) с декабря 2024 года по март 2025 года с узловыми политическими событиями, содержащими ключевые слова «левой» и «правой» идеологий. При этом были исключены официальные аккаунты партий, государственных деятелей и СМИ. Поиск был произведен по ключевым словам и хэштегам с помощью веб-скрейпинга: упоминания партий (демократической и республиканской), их лидеров и лозунгов, а также критика власти. Затем был произведен анализ содержания постов с их классификацией по политической направленности («левая», «правая», центристская) с помощью ручного кодирования текста. А также на основе наличия негативных высказываний о правительстве или политиках произведена оценка уровня критики текущей власти в постах по шкале «низкий», «средний», «высокий».

При сравнении контента двух платформ первое, что бросается в глаза, это разница в количестве и характере политического контента. На децентрализованной платформе Bluesky политический контент не так заметен. Пользователь настраивает ленту и видит ограниченное количество постов, в основном критического характера. Эти посты часто не подкреплены глубокой аргументацией, а дискуссии под ними, хотя и оживленные, остаются локальными и не привлекают широкого внимания.

В то же время в социальной сети X политический контент представлен гораздо более ярко. Под каждым резонансным постом, связанным с политическими событиями, разворачиваются активные дискуссии. Такие посты собирают значительное количество лайков, репостов и комментариев, что способствует их продвижению в трендовые ленты и привлекает внимание широкой аудитории.

Если Bluesky предлагает более камерную и нишевую атмосферу для обсуждения политики, то X остается платформой, где политический контент становится центром массового внимания и активного взаимодействия.

Относительно критики власти на платформах результаты демонстрируют существенные различия между платформами Bluesky и X в политической ориентации, направленности высказываний и вовлеченности пользователей.

Так, на платформе Bluesky преобладает более «левая» политическая тенденция, при этом уровень критики в постах высокий. Однако, несмотря на активность в выражении критических взглядов, общая вовлеченность пользователей (лайки, комментарии, репосты) остается низкой. Это может указывать на то, что контент в Bluesky хотя и насыщен критикой, не всегда находит широкий отклик у аудитории. Здесь играет свою роль и новизна платформы.

В то же время в Twitter наблюдается разнообразная политическая направленность, где представлены различные идеологии и точки зрения. Уровень критики здесь средний, что говорит о более сбалансированном характере обсуждений. При этом вовлеченность пользователей в Twitter высокая: посты активно комментируются, получают много лайков и репостов, что свидетельствует о высокой степени взаимодействия аудитории с политическим контентом (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение уровня критики и вовлеченности
политической направленности

Платформа	Политическая направленность	Уровень критики	Вовлеченность
Bluesky	«Левая»	Высокий	Низкий
X (бывший Twitter)	Разнообразная	Средний	Высокий

Таким образом, Bluesky можно охарактеризовать как платформу с выраженной «левой» повесткой и высокой критичностью, но с ограниченной вовлеченностью, тогда как Twitter демонстрирует разнообразие мнений, умеренную критику и высокий уровень взаимодействия пользователей.

Для проверки другой гипотезы было проведено исследование с целью сравнения уровня вовлеченности пользователей в политические дискуссии на платформах Twitter и Bluesky. Методология включала анализ тех же 600 политических постов с каждой платформы за последние 3 месяца. Для отбора использовались хэштеги #политика, #власть, #выборы и ключевые слова «правительство» и «белый дом» (the white house). Важным критерием было исключение постов от аккаунтов с более чем 100 тысячами подписчиков, что позволило избежать искажения данных из-за влияния крупных медиааккаунтов. Основными метриками стали среднее количество лайков, комментариев, репостов на пост, а также был рассчитан общий индекс вовлеченности по формуле: $лайки + комментарии \times 2 + репосты \times 1,5$. Для анализа применялся независимый t-тест для сравнения средних значений с учетом смешивающих переменных, таких как время публикации и длина поста, через регрессионный анализ (табл. 2).

Таблица 2

Результаты t-тестирования

Платформа	Лайки (среднее значение)	Комментарии (среднее значение)	Репосты (среднее значение)	Индекс вовлеченности
Twitter	320	45	90	615
Bluesky	180	85	60	545
p-value	0.002	0.001	0.03	0.01

Полученные результаты показали, что в Twitter среднее количество лайков составило 320 против 180 в Bluesky (p=0.002), среднее количество комметариев — 45 в Twitter против 85 в Bluesky (p=0.001), среднее количество репостов — 90 в Twitter против 60 в Bluesky (p=0.03). Общий индекс вовлеченности составил 615 для Twitter и 545 для Bluesky (p=0.01). Данные свидетельствуют, что в Bluesky наблюдается значительно более высокая вовлеченность через комментарии, но ее общий индекс ниже из-за меньшего числа лайков и репостов. Таким образом, гипотеза о более высоком уровне вовлеченности в политические дискуссии в Bluesky подтверждается лишь частично: ее пользователи активнее участвуют в обсуждениях, однако уступают по другим метрикам рассматриваемого критерия.

Для проверки гипотезы о более высоком разнообразии и меньшей манипулятивности контента на платформе Bluesky по сравнению с Twitter методология включала контент-анализ 600 постов с использованием технологий обработки естественного языка (NLP). Для оценки тематического разнообразия посты были классифицированы по 10 категориям, включая «критику власти», «социальную справедливость», «экономику» и другие. Разнообразие измерялось с помощью индекса Шеннона (H), который рассчитывался по формуле: $H = -\sum (p_i \ln p_i)$, где p_i — доля постов в категории i . Для выявления манипулятивных паттернов анализировалась доля постов с повторяющимися хэштегами, такими как #Trump и #MAGA, а также проводилась оценка бот-активности с использованием инструмента Botometer.

Таблица 3

Результаты разнообразия контента на платформах

Параметр	Twitter	Bluesky
Индекс Шеннона (H)	1.2	2.1
Доля повторяющихся хэштегов	35%	12%
Подозрительные аккаунты	22%	8%

Результаты показали значительную разницу в тематическом разнообразии: индекс Шеннона для Bluesky составил 2.1, что почти вдвое выше, чем для Twitter (1.2). Также было выявлено существенное различие в доле повторяющихся хэштегов: 35 процентов в Twitter против 12 процентов в Bluesky. Анализ подозрительных аккаунтов показал, что в Twitter их доля составляет 22 процента, в то время как в Bluesky — только 8 процентов.

Полученные данные убедительно подтверждают исходную гипотезу о том, что контент в Bluesky более разнообразен тематически и содержит меньше признаков манипулятивных практик по сравнению с Twitter. Это может свидетельствовать о формировании иной культуры общения и распространения информации на новой платформе.

Заключение

Сравнительный анализ политических коммуникаций на платформах Bluesky и Twitter демонстрирует, что архитектура сети существенно влияет на характер и динамику дискурса. Децентрализованная модель Bluesky, с одной стороны, открывает пространство для свободного выражения мнений, способствует тематическому разнообразию и позволяет пользователям критиковать власть без жесткой централизации контроля. С другой стороны, отсутствие мощных алгоритмов продвижения контента приводит к более низкому общему уровню вовлеченности аудитории. В то же время централизованный подход Twitter обеспечивает высокий уровень взаимодействия за счет алгоритмических рекомендаций и широкой аудитории, но нередко сопровождается сужением спектра обсуждаемых тем и риском манипулятивного воздействия на общественное мнение.

Таким образом, исследование подтверждает, что структура платформы определяет баланс между свободой самовыражения и массовой вовлеченностью, а дальнейший анализ этих взаимосвязей станет важным направлением для понимания трансформации политического дискурса в цифровую эпоху.

Список литературы

1. Urdeney. Распределенные сети (Distributed networks) и децентрализованные приложения [Электронный ресурс] // Хабр. 2023. 23 дек. URL: <https://habr.com/ru/articles/> (дата обращения: 07.02.2025).
2. Bluesky — децентрализованный сервис микроблогов [Электронный ресурс] // Википедия: свободная энциклопедия. 2023. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Bluesky> (дата обращения: 07.02.2025).
3. Консорциум платформенного кооперативизма. Что такое платформенный кооперативизм? [Электронный ресурс] // Platform.coop. 2021. URL: <https://platform.coop/ru> (дата обращения: 17.02.2025).
4. Децентрализованные социальные сети (DeSo): новые горизонты [Электронный ресурс] // SpazioCrypto. 2022. URL: <https://spaziocrypto.com/ru/deso> (дата обращения: 17.02.2025).

5. DiResta R. The Great social media Diaspora [Электронный ресурс] // Noema Magazine. 2025. 7 янв. URL: <https://www.noemamag.com/the-great-social-media-diaspora/> (дата обращения: 20.02.2025).
6. Masnick M. Bluesky Is Building the Decentralized Social Media Jack Dorsey Wants... [Электронный ресурс] // Techdirt. 2024. 13 мая. URL: <https://www.techdirt.com/articles/2024/05/13/bluesky-is-building-the-decentralized-social-media-jack-dorsey-wants/> (дата обращения: 01.03.2025).
7. York University. Online platforms risk becoming ideological echo chambers that undermine meaningful dialogue [Электронный ресурс] // News@York. 2025. 29 янв. URL: <https://news.yorku.ca/2025/01/29/online-platforms-risk-becoming-ideological-echo-chambers/> (дата обращения: 03.03.2025).
8. Cross K. Q&A: Why social media rarely leads to constructive political action [Электронный ресурс] // UW News. 2024. 11 июн. URL: <https://www.washington.edu/news/2024/06/11/social-media-political-action/> (дата обращения: 06.03.2025).

В.И. БУЛВА

НОВЫЕ ФОРМАТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА: СЕТЕВАЯ ДИПЛОМАТИЯ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ И РОЛЬ РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена определению роли нового формата дипломатического взаимодействия — сетевой дипломатии — в сфере традиционной безопасности (урегулировании военно-политических конфликтов) и в борьбе с новыми вызовами и угрозами. Актуальность исследования обусловлена тем, что автор определяет, каким образом такие преимущества сетевых форматов, как гибкость, отсутствие иерархии и инклюзивность могут быть использованы для предотвращения угроз безопасности с учетом новых тенденций на международной арене. Новизна идеи статьи заключается в том, что особое внимание уделяется анализу сетевой дипломатии России на данном направлении с опорой на национальные интересы государства.

Ключевые слова: сетевая дипломатия, безопасность, военно-политический конфликт, новые вызовы и угрозы.

NEW FORMATS OF INTERNATIONAL COOPERATION: NETWORK DIPLOMACY IN THE FIELD OF SECURITY AND THE ROLE OF RUSSIA

Abstract. The article defines the role of a new format of international interaction — network diplomacy — in the field of traditional security (settlement of military and political conflicts) and in combating new threats and challenges. The relevance of the study is due to the fact that the author evaluates how such advantages of network formats as flexibility, absence of hierarchy and inclusiveness can contribute to preventing security threats given new trends in the international arena. The novelty lies in the analysis of Russia's network diplomacy in this area based on the national interests of the State.

Keywords: network diplomacy, security, military and political conflict, new threats and challenges.

Сегодня, в постоянно меняющихся геополитических условиях на фоне расширения сфер международного сотрудничества и изменений субъектного состава акторов мировой политики, повышается востребованность в укреплении гибких институтов глобального управления. К таковым относятся различные форматы сетевой дипломатии, создание которых не предполагает

БУЛВА Валерия Игоревна — кандидат исторических наук, сотрудник Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва

формирование бюрократизированной структуры (в т.ч. учреждения постоянной штаб-квартиры и принятия устава), что позволяет экономить на финансовых и бюрократических издержках [1].

После окончательного отказа от блоковой дипломатии, характерной для периода холодной войны, большое внимание зарубежных и отечественных исследователей привлекает тема сетевой дипломатии. На сегодняшний день не существует единого понимания этого феномена. На Западе акцент делается либо на повышенной роли неправительственных субъектов [2] в рамках так называемых «горизонтальных сетей» — взаимодействия национальных правительств и других заинтересованных сторон, либо на смещении акцента с межгосударственного сотрудничества на развитие наднациональных структур («вертикальных сетей») [3]. В отечественной научной литературе подчеркивается, что главная черта институтов сетевой дипломатии — неиерархичность и инклюзивность, однако государства по-прежнему несут первостепенную ответственность за принятие решений по международным проблемам.

* * *

Общей тенденцией в мировой и российской науке выступает то, что при изучении сетевой дипломатии фокус внимания преимущественно сосредоточен на анализе глобальных институтов — «Группы семи», «Группы двадцати» и БРИКС. Вместе с тем механизмы сетевого взаимодействия на практике всё чаще создаются для решения конкретных проблем, как правило, в области безопасности. Такой подход позволяет развивать точечное сотрудничество на определенном направлении, актуальном в текущих реалиях. В связи с этим целесообразно было бы провести анализ перспектив использования сетевых площадок для укрепления международной стабильности и безопасности и роли России в этом процессе.

Изначально сетевая дипломатия в сфере безопасности предполагала создание форматов по урегулированию конфликтов, иными словами, ее становление проходило в рамках традиционной военно-политической безопасности. Учитывая секьюритизацию новых сфер международных отношений [4], результатом которой стало расширение повестки безопасности за счет других направлений, инструменты сетевой дипломатии начали использоваться и для выработки мер по борьбе с новыми вызовами и угрозами.

Сетевые форматы по урегулированию конфликтов

Несмотря на то что эпоха холодной войны закончилась, окончательный конец Ялтинско-Потсдамской системы еще не наступил. Ее отголоски находят отражение и в сфере безопасности, а именно — в вопросах урегулирования региональных конфликтов. Как и во время биполярного противостояния, сохраняется существенное влияние крупнейших держав на протекание конфликтов в различных горячих точках по всему миру [5].

Однако если во второй половине XX века к таким державам относились только два государства — СССР и США, то на современном этапе их круг гораздо шире. Помимо этого, некоторые страны объединяются, формируя интеграционные структуры (наиболее показательны в этом плане Европейский союз, АСЕАН и Африканский союз), и действуют в качестве коллективных игроков на мировой арене. Опора на совокупный потенциал позволяет не только экономить на издержках, но и повысить их международный авторитет.

Другим отличием текущего периода выступает то, что кроме вовлеченности в военный конфликт (путем отправки войск, предоставления военной помощи, подготовки военного персонала и т.д., что более характерно для блоковой дипломатии), расширяется практика участия великих держав в содействии политическому урегулированию региональных противостояний. В результате на рубеже XX–XXI веков все чаще наблюдается формирование сетевых форматов по урегулированию военно-политических проблем. Преимущества таких форматов по сравнению с классическими международными организациями и их структурами, занимающимися вопросами безопасности, заключаются в том, что они способствуют объединению за одним столом переговоров непосредственных сторон конфликтов и ключевых посредников (как правило, наиболее влиятельных мировых держав). Таким образом, создаются условия для принятия окончательного решения по политическому урегулированию самими участниками противоборства, а посредники играют роль «балансира» в поиске оптимального для каждой стороны механизма разрешения спора и в последующем — наблюдателя за имплементацией договоренностей. Такой подход обеспечивает соблюдение невмешательства во внутренние дела — одного из основополагающих принципов международного права, закрепленного в Уставе ООН.

* * *

Инструменты сетевой дипломатии для Российской Федерации оказались востребованными на постсоветском пространстве, особенно во второй половине 1990-х — начале 2000-х годов, когда на территории бывших советских республик начали один за другим вспыхивать внутривнутриполитические и межгосударственные конфликты. С момента распада Советского Союза и по сей день данный регион находится во главе иерархии внешнеполитических приоритетов России [6]. Сохранение влияния на постсоветском пространстве можно было обеспечить только действуя на всех направлениях одновременно — военно-политическом, экономическом и культурно-гуманитарном. Наряду с важностью налаживания конструктивного диалога и сохранения тесных связей в различных сферах с этими государствами, значимой задачей представляется укрепление пояса безопасности по периметру российских границ в странах ближнего зарубежья. Посему пристальное внимание руководством нашей страны уделялось поиску оптимальных решений по урегулированию конфликтов в соседних странах.

Для достижения данной цели Россия стала выступать в качестве одного из инициаторов и ключевого участника гибких форматов по урегулированию кризисов и военно-политических противостояний — Минской группы по урегулированию Карабахского конфликта, Смешанной контрольной комиссии по грузино-осетинскому противостоянию, «женевского процесса» по Абхазии и формата «5+2» по Приднестровью. После августовской войны в Грузии при активном содействии России были запущены Женевские консультации по безопасности и стабильности в Закавказье, а с целью поиска возможного политического решения конфликта на Украине в 2014 году при ее поддержке был создан Нормандский формат.

Не все переговорные процессы в рамках вышеобозначенных параметров продемонстрировали свою эффективность в ходе многолетней работы, однако каждый из них позволял, по крайней мере на время заморозить враждебные действия путем обеспечения принятия соглашений о прекращении огня и об обмене военнопленными. Деятельность таких сетевых площадок внесла весомый вклад в организацию прямого диалога между непосредственными сторонами противоборства с привлечением государств и многосторонних структур — основных посредников. Анализируя результаты функционирования данных форматов можно сделать вывод, что они использовались для согласования промежуточных решений, а не долгосрочных договоренностей. Такая тактика ориентирована на создание благоприятных условий «на земле» (посредством установления режима прекращения огня и контроля со стороны посредников за его соблюдением) для дальнейшего политического процесса.

Существенным препятствием при выработке и реализации долгосрочных договоренностей в отношении урегулирования конфликтов выступали разногласия не только между его участниками, но и между посредниками, потенциально способными повлиять на позиции сторон на переговорах. Особенно показательной в этом плане является деятельность Нормандского формата по урегулированию конфликта на Украине.

Хронология взаимодействия в «нормандской четверке», объединившей Россию, Францию, Германию и Украину, а также представителей Донецкой и Луганской народных республик подтверждает тезис о том, что наиболее успешная фаза данного формата приходится на первые годы его функционирования — 2014–2016 годы, когда сохранялась политическая воля сторон к выработке общеприемлемого решения. Именно в эти годы регулярно проходили консультации на высшем уровне (5 встреч), высоком уровне (15 заседаний министров иностранных дел), постоянно поддерживались оперативные контакты и проводились телефонные разговоры. Главным итогом той активности стало подписание Комплекса мер по выполнению Минских соглашений 12 февраля 2015 года — плана, который стал базой всестороннего урегулирования украинского кризиса¹.

¹ Комплекс мер по выполнению Минских соглашений от 12.02.2015 // ОБСЕ. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/5/b/140221.pdf> (дата обращения: 20.03.2025).

С первыми трудностями подписанты столкнулись уже на первом этапе его имплементации. Помимо регулярных нарушений режима прекращения огня, изначально принципиально отличались подходы сторон к реализации договоренностей. Россия настаивала на необходимости их последовательного выполнения, то есть строго в том порядке, который закреплялся в документе. Это предполагало, что восстановление контроля Украиной над государственной границей в зоне конфликта и вывод войск под наблюдением ОБСЕ будет осуществлен только после всеобъемлющего прекращения огня и выполнения политических статей, связанных с обеспечением особого статуса ДНР и ЛНР [7]. На практике не только киевский режим саботировал комплексное осуществление Минских соглашений, но и Франция с Германией лояльно относились к такому течению событий. Противоречия достигли апогея в 2021 году, когда Берлин и Париж выступили против прямого диалога между сторонами конфликта — Киевом, Донецком и Луганском [8, с. 43]. Как следствие, Нормандский формат был распущен, а реализация Комплекса мер провалена. Углубилась деградация в области безопасности в Европе.

* * *

В конце 1990-х годов и особенно в начале 2000-х годов российская дипломатия начала претерпевать существенные изменения. Вместо прозападного курса бывшего министра иностранных дел России А.В. Козырева и сосредоточения преимущественно на вопросах взаимодействия со странами ближнего зарубежья широкую практику получила «доктрина Е.М. Примакова», столпом которой выступала цель по диверсификации направлений отечественной внешней политики с учетом национальных интересов Российской Федерации [9]. Избирательное партнерство с Западом и отход от принципа кондициональности при сотрудничестве с данной группой государств, постепенное наращивание связей с Азией и другими регионами, при этом — сохранение тесных связей и наращивание контактов на постсоветском пространстве — все эти задачи отражали новый стратегический курс внешней политики России на ближайшее десятилетие [10].

Долгосрочной стратегической целью выступало повышение глобальной роли России, как ответственного игрока на мировой арене, обладающего существенным географическим, демографическим, экономическим и военно-политическим потенциалом. Это повлияло и на развитие сетевой дипломатии России в сфере безопасности, в том числе на ее участие в форматах по урегулированию конфликтов и кризисов. Для повышения авторитета и подтверждения статуса великой державы Российская Федерация начала продвигать собственные подходы по разрешению наиболее значимых региональных конфликтов за пределами своей традиционной «зоны влияния» (постсоветского пространства). Она активно участвовала в переговорных процессах по ближневосточному урегулированию (как один из посредников «ближневосточного квартета») и разрешению проблемы денуклеаризации

Корейского полуострова. И в конце 2000-х годов стала одним из государств — участников переговоров «5+1» по ядерной программе Ирана, завершившихся принятием политического соглашения — Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) в 2015 году.

Прорывным моментом в развитии российской сетевой дипломатии в сфере традиционной безопасности на глобальном уровне можно считать середину 2010 годов. Тогда Россия была не просто одним из значимых участников переговорного формата, а инициатором создания такой платформы. Речь идет о сирийском треке.

Первоначально дискуссии по проблеме урегулирования сирийского кризиса, переросшего после волны восстаний «арабской весны» в полномасштабную гражданскую войну, проходили в Женеве на министерском уровне с участием девяти государств (Великобритании, Ирака, Катара, Китая, Кувейта, России, США, Турции и Франции), Европейского союза и глав международных организаций — ООН и Лиги арабских государств. Данный этап был важен для закрепления базовых принципов поэтапного мирного урегулирования, включавших формирование сирийского переходного правительства с членством всех заинтересованных сторон, проведение президентских и парламентских выборов, а затем — создание постоянного правительства².

В 2014 году Россия совместно с США выступила уже в качестве инициатора созыва новой конференции — Женевы-2. На этот раз встречу посетили 39 государств и, что особенно важно, впервые представители официальной Сирии включали главу внешнеполитического ведомства страны и делегацию оппозиции. Результатом переговоров стала договоренность об эвакуации жителей из провинции Хомс³. Кроме участия в проведении официальных министерских встреч в рамках женевского процесса Россия стремилась содействовать прямому диалогу сторон. В частности, в 2015 году Москва стала местом проведения межсирийских консультаций.

Параллельно с этим проходили заседания Международной группы в поддержку Сирии (МГПС), состоящей из 17 стран, а также представителей ООН, ЕС и ЛАГ. О признании значимости Российской Федерации как одного из посредников в сирийском урегулировании свидетельствует то, что она вместе с США и спецпосланником Генерального секретаря ООН осуществляла в МГПС функции сопредседателя. Именно на данной площадке были согласованы важнейшие аспекты резолюции Совета Безопасности ООН № 2254 — базового документа по сирийскому досье⁴.

² Заключительное коммюнике «Группы действий» по Сирии, Женева, 30 июня 2012 года. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1602175/ (дата обращения: 20.03.2025).

³ Transcript of press conference by Joint Special Representative for Syria (JSRS) Lakhdar Brahimi, Geneva, 30 January 2014. URL: <https://www.ungeneva.org/en/news-media/press-conference/2014/01/transcript-press-conference-joint-special-representative-5> (дата обращения: 20.03.2025).

⁴ Резолюция Совета Безопасности ООН № 2254 S/RES/2254. URL: https://www.mid.ru/upload/medialibrary/4ac/Резолюция_СБ_ООН_2254.pdf (дата обращения: 20.03.2025).

Несмотря на отдельные достижения вышеуказанных форматов, действовавших в дополнение к официальным дипломатическим трекам, к 2016 году переговорный процесс между Россией и США, в том числе в Женеве, застопорился. Главной причиной послужила невозможность американского государства повлиять на умеренную оппозицию Сирии и, как следствие, провал реализации плана по размежеванию сирийской оппозиции и террористических группировок.

Для выхода из тупика Россия совместно с Турцией и Ираном инициировала запуск нового — Астанинского — переговорного процесса⁵. Весь диалог на площадке выстраивался с учетом принятой в СБ ООН резолюции № 2254, а во главу угла ставились интересы самого сирийского народа. Весомый вклад переговоры в Астане внесли в размежевание умеренной и радикальной оппозиции, формирование четырех зон деэскалации. Эти договоренности создавали условия для дальнейшего процесса политического урегулирования.

Россия неоднократно подчеркивала, что Астанинский формат должен объединить все стороны конфликта — правительство и различные группы оппозиции, которые и будут принимать финальное решение по вопросам политического урегулирования. С этой точки зрения важным этапом переговоров стал созыв в 2018 году в Сочи Конгресса сирийского национального диалога, на котором впервые за одним столом переговоров была представлена эмигрантская (внешняя) и внутренняя сирийская оппозиция. По итогу участники договорились, в том числе о создании конституционного комитета для разработки основного закона Сирии⁶.

Последующее продвижение в урегулировании военно-политического кризиса осложнялось рядом факторов как внутреннего, так и внешнего характера. Обстановка «на земле» остается нестабильной по сей день, сохраняются очаги напряженности в зонах, где широко представлены алавиты (прежде всего, в Латакии), — сторонники свергнутого президента Б. Асада. Помимо американского влияния (в т.ч. попытки решения вопроса силовым путем в 2018 г. специально созданными «силами безопасности»), наблюдаются противоречия по отдельным вопросам и между участниками Астанинского формата. Особенно острым остается «курдский вопрос», затрагивающий интересы Сирии, Турции и Ирана. Негативный фон создает и общая дестабилизация ситуации в регионе из-за реэскалации палестино-израильского конфликта и обострения противостояния Израиля и государств арабского мира в целом.

⁵ Переговоры по Сирии в астанинском формате // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20241111/peregovory-1982732356.html> (дата обращения: 20.03.2025).

⁶ Заключительное заявление Конгресса сирийского национального диалога, Сочи, 30 января 2018 года. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepolitieskoe-dos-e/krizisnoe-uregulirovanie-regionalnye-konflikty-obstanovka-v-sirii-i-perspektivy-vnutrisirijskogo-dialoga/1562196/ (дата обращения: 20.03.2025).

Тем не менее уже сам факт поддержания диалога в инициированном Россией Астанинском формате и российское участие в достижении договоренностей по военно-политической нормализации положения в Сирии и закрепление базовых параметров мирного урегулирования конфликта подтверждают тот факт, что наша страна сегодня пользуется высоким международным авторитетом. Достижения по сирийскому треку продемонстрировали эффективность российского подхода к выстраиванию сотрудничества в сфере безопасности, предусматривающего необходимость учета основополагающих принципов международного права, включая Устав ООН, интересов участников конфликта и содействие принятию политического решения ими самими при поддержке посредников, способных оказать влияние на позиции сторон.

Сетевая дипломатия в противодействии новым вызовам и угрозам

По мере секьюритизации неклассических (не военно-политических) сфер обострения проблематики новых вызовов и угроз в условиях расширения субъектного состава участников мировой политики в 1990-е и 2000-е годы наблюдалось существенное расширение глобальной повестки международного сотрудничества в области безопасности. Помимо задач по содействию урегулированию региональных конфликтов и кризисов, укреплению миротворческой деятельности, особое внимание стало уделяться борьбе с терроризмом, наркотрафиком, организованной преступностью. В 1998 году на глобальном уровне под эгидой ООН был запущен новый трек межгосударственного сотрудничества, связанный с обеспечением международной информационной безопасности.

То, что проблема новых вызовов и угроз не абстрактное явление, а реальность, стало особенно очевидным после теракта 11 сентября 2001 года, последующего развития террористических движений в Афганистане и государствах Ближнего Востока и Северной Африки, а затем — и в других регионах мира. В начале 2000-х годов волна терактов накрыла и российские города. Кроме того, дестабилизация внутривнутриполитической ситуации в отдельных регионах способствовала росту организованной транснациональной преступности, обернулась увеличением незаконной торговли оружием, наркотическими и психотропными веществами. Новым феноменом на международной арене стало использование в противоправных целях информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Доступ недобросовестных акторов мировой политики к новым технологиям привел не только к повышению уязвимости личности и целых государств в Интернете, создавая угрозу технической защищенности их сетей, но и к качественной трансформации других угроз — терроризма и преступности, их гибридизации [11].

С учетом данных тенденций претерпела изменения и сетевая дипломатия в сфере безопасности. Учитывая трансграничный характер угроз нового типа,

важно было привлечь различные государства мирового сообщества, прежде всего, обладающие достаточным потенциалом, для выработки эффективных решений на данном направлении. Специализированные площадки для диалога создавались в рамках ООН и региональных организаций. С середины 2000-х годов повысился уровень востребованности в формировании и укреплении сетевых форматов для борьбы с новыми вызовами и угрозами, которые бы объединяли не только государства, но и другие заинтересованные стороны из числа представителей многосторонних структур (интеграционных объединений и международных организаций) и неправительственного сектора.

Одним из преимуществ сетевой дипломатии выступает высокая степень адаптивности к постоянно меняющимся геополитическим реалиям. Учитывая не только стремительное увеличение случаев проявления новых вызовов и угроз, но и постоянное качественное развитие методов их совершения, беспрецедентную скорость распространения и выхода за пределы национальных границ, именно эта особенность сетевых форматов становится важнейшим элементом построения многоуровневой системы обеспечения безопасности. В такой системе стратегическое планирование и принятие политических решений сохраняются за государствами, которые взаимодействуют в рамках классической дипломатии, а сетевые площадки с участием других акторов мировой политики играют вспомогательную роль в поиске оптимальных средств и механизмов борьбы с угрозами.

Расширение участия неправительственных сторон — узкоспециализированных экспертов по конкретной проблематике, включая технических специалистов, открывает возможность использования их практических навыков и компетенций, привлечения дополнительных финансовых ресурсов для развития инфраструктуры поддержания безопасности. При этом российский подход основан на том, что важно не допустить их уравнивания в правах с национальными правительствами. Инструменты сетевой дипломатии скорее ориентированы на обеспечение согласованности и скоординированности действий на наднациональном, межгосударственном и внутригосударственном уровне, на каждом из которых наращивают активность неправительственные субъекты. Обмен опытом и наилучшими практиками между правительствами и НПО помогает повысить эффективность оперативной реализации политических решений [12, с. 33].

Россия участвует в деятельности сетевых структур по противодействию новым вызовам и угрозам на различных направлениях, причем особое место занимают площадки, функционирующие под эгидой ООН. Они вырабатывают общие рекомендации для стран и регионов, наиболее уязвимых перед лицом того или иного типа угроз, содействуют наращиванию их потенциала путем проведения совместных учений, обучающих семинаров и конференций, подготовки персонала с привлечением узкопрофильных специалистов.

Так, Российская Федерация в индивидуальном статусе и как государство — член ОДКБ, ШОС и СНГ подключается к работе Целевой группы по

осуществлению контртеррористических мероприятий (ЦГОКМ), созданной по инициативе Генерального секретаря ООН в 2005 году. В частности, большое значение уделяется борьбе с террористической угрозой в Центральной Азии. Российские представители регулярно участвуют в Конгрессе по предупреждению организованной преступности, объединяющем высшее руководство соответствующих министерств и иных органов государственной власти, а также экспертов из частного сектора.

Важное значение в России придается купированию афганской наркоугрозы. С этой целью в развитие Парижского пакта от 2006 года российская сторона выступила с инициативой проведения министерской конференции «О путях поставки наркотиков из Афганистана»⁷. Встречу посетили представители 55 государств и 23 международных организаций, отвечающих за безопасность.

Еще один инструмент сетевой дипломатии в области безопасности, активно используемый Россией на данном треке, — это рабочие группы, формируемые при международных (ООН) и региональных организациях (ОДКБ, СНГ, ШОС, АСЕАН). В связи с этим отдельного внимания заслуживает инициированная в 2018 году Российской Федерацией Рабочая группа открытого состава ООН по безопасности в сфере использования ИКТ и самих ИКТ (РГОС)⁸. В долгосрочной перспективе стратегической целью России на данной площадке является принятие юридически обязательной конвенции.

Для международного сотрудничества в сфере информационной безопасности беспрецедентным стало и то, что впервые к переговорам по данной проблеме подключились все государства — члены ООН, и то, что для бизнеса, научно-аналитических и исследовательских центров, гражданского общества были организованы неформальные консультации с участием председателя РГОС. Получившие аккредитацию НПО и частные компании могли присутствовать в качестве слушателей на межправительственных заседаниях группы. Такой подход обеспечил непосредственное вовлечение неправительственных экспертов не только в диалог по вопросам противодействия ИКТ-угрозам, но и в процесс подготовки промежуточных и итоговых докладов. На официальном сайте РГОС регулярно публиковались их доклады в соответствии с мандатом этой организации — рекомендации по совершенствованию системы международной информационной безопасности⁹.

Новаторство РГОС заключается в том, что расширилось участие в переговорах представителей региональных организаций и интеграционных объединений различных регионов мира — Европы, Азии, Латинской Америки

⁷ Парижский пакт от 2006 г. (Справка). URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1742101/ (дата обращения: 20.03.2025).

⁸ Резолюция ГА ООН A/73/PV.45 от 5 декабря 2018 г. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/73/27> (дата обращения: 20.12.2023).

⁹ Open-ended Working Group: официальный сайт. URL: <https://www.un.org/disarmament/open-ended-working-group/> (дата обращения: 20.12.2023).

и Африки. Большинство представителей многосторонних структур, причем как развитых, так и развивающихся государств, делали акцент на необходимости выработки дополнительных мер в сфере наращивания потенциала. Страны ШОС и БРИКС подчеркивали важность предотвращения военно-политических конфликтов в информационном пространстве.

Схожий с точки зрения организации деятельности механизм был запущен в рамках борьбы с информационной преступностью также по инициативе России. В 2019 году была принята резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, положившая начало созданию Специального комитета открытого состава ООН по разработке универсальной конвенции о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях¹⁰. Ключевым достижением данного комитета стала подготовка и согласование к концу 2024 года профильной всеобъемлющей Конвенции.

* * *

Таким образом, сегодня использование инструментов сетевой дипломатии в сфере безопасности становится все более актуальным с учетом новых тенденций на международной арене. Россия, следуя духу времени, с конца 1990-х годов делала ставку на создание и развитие сетевых форматов по урегулированию конфликтов, причем если первоначально внимание было сосредоточено на постсоветском пространстве, то в середине 2000-х годов с учетом смены стратегических внешнеполитических ориентиров их дополнили подобные форматы и в других регионах — на Ближнем Востоке и в Азии. С точки зрения национальных интересов Российской Федерации, подключение к работе таких площадок позволяло укрепить пояс безопасности по периметру российских границ и усилить ее роль как одного из мировых центров силы, ответственного за поддержание международной стабильности и безопасности.

Другим значимым направлением развития отечественной сетевой дипломатии стало участие в рабочих группах по противодействию новым вызовам и угрозам, которые создавались для решения конкретной проблемы — борьбы с террористической угрозой, наркотрафиком, организованной преступностью и ИКТ-угрозами. Важно отметить, что зачастую российская сторона сама инициировала запуск переговорных процессов, объединяющих широкий круг государств и представителей неправительственного сектора при сохранении главенствующей роли национальных правительств. Как показали итоги работы отдельных механизмов, такие площадки не только открывали возможность для обмена опытом и наращивания практикоориентированного сотрудничества на базе политических решений, но и позволяли более детально и с опорой на знания узкоспециализированных экспертов подойти к выработке мер по купированию тех или иных угроз.

¹⁰ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/74/247 от 27 декабря 2019 г. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/247> (дата обращения: 20.12.2023).

Список литературы

1. Лебедева О.В., Морозов В.М., Шебалина Е.О. Network Diplomacy: Theory // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. № 11(85). URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/bf4/Network%20Diplomacy-%20Theory.pdf> (дата обращения: 20.03.2025).
2. Metzl Jamie. Network Diplomacy Carnegie Georgetown Journal of International Affairs. Winter / Spring. 2001. Vol. 2. № 1.
3. Slaughter Anne-Marie. The Chessboard and the Web: Strategies of Connection in a Networked World. New Haven: Yale University Press. 2017.
4. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: a new framework for analysis // Lynne Rienner Publishers. 1998. 239 p.
5. Барановский В.Г. Изменения в глобальном политическом ландшафте // Пути к миру и безопасности. 2017. № 1(52).
6. Donaldson R., Nadkarni V. The foreign policy of Russia: changing systems, enduring interests / Sixth edition. New York: Routledge, 2019. 496 p.
7. Бобров А.К. Концептуальные основы внешней политики России. М.: Аспект Пресс. 2025. 256 с.
8. Дейнего В.Н. Минские соглашения: взгляд через десять лет после подписания базовых документов // Международная жизнь. 2025. № 1.
9. Примаков Е.М. Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы // Международная жизнь. 1996. № 10.
10. Комар Ю.И. Недервин Питерс Я. Глобальное изменение баланса сил: кризис и поворот к Востоку и Югу // Россия и современный мир. 2012. № 2.
11. Стригунов К.С., Манойло А.В., Петренко А.И. Гибридизация международного терроризма и транснациональной преступности на современном этапе // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. № 4. URL: <https://history.jes.su/s207987840020330-2-1/> (дата обращения: 20.03.2025).
12. Столков Д.С. Новые тенденции в российской дипломатии после 24 февраля 2022 года // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2024. Т. 17. № 1.

ДЕМОКРАТИЯ КАК СПЕКТАКЛЬ И КАК ИНСТРУМЕНТ: ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ИГРЫ И ВОСТОЧНОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ВЛАСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются причины несостоятельности либерально-демократических моделей в странах Востока и анализируется формирование альтернативной — авторитарной модели власти, обеспечивающей высокую социальную устойчивость и экономическую результативность. На основе примеров Израиля, Саудовской Аравии, Катара, Вьетнама, Руанды, Казахстана и Беларуси показано, что представительная демократия не всегда обеспечивает универсальность и политическую справедливость, а авторитаризм при правильной институциональной конфигурации может быть более эффективен в управлении, социальной инклюзии и стратегическом развитии. Сделан вывод о необходимости переосмысления универсалистского подхода к демократии в пользу институционального плюрализма.

Ключевые слова: демократия, авторитаризм, электоральная система, политическое представительство, Ближний Восток, фрагментация, управляемость, институциональный плюрализм.

DEMOCRACY AS SPECTACLE AND INSTRUMENT: ELECTORAL GAMES, AND THE EASTERN REINTERPRETATION OF POWER

Abstract. The article explores the failure of liberal-democratic models in Eastern societies and analyzes the emergence of an alternative authoritarian governance structure that ensures high levels of social stability and economic efficiency. Drawing on case studies from Israel, Saudi Arabia, Qatar, Vietnam, Rwanda, Kazakhstan, and Belarus, the author demonstrates that representative democracy does not necessarily guarantee political inclusiveness or universal legitimacy, whereas authoritarian regimes—when institutionally competent—may prove more effective in long-term governance and equitable resource distribution. The study argues for a conceptual shift from democratic universalism to institutional pluralism in global political analysis.

Keywords: democracy, authoritarianism, electoral system, political representation, Middle East, fragmentation, governance, institutional pluralism.

За последние три десятилетия идея либеральной демократии как универсальной модели государственного устройства активно внедряется на глобальном уровне при поддержке западных государств

и международных организаций. Однако с начала 2000-х годов все более очевидной становится неспособность этой модели адаптироваться к политическим и культурным реалиям отдельных регионов мира, особенно стран Ближнего Востока, Центральной Азии и части Африки. Экспорт демократии, сопровождавшийся финансированием неправительственных организаций (НПО), подготовкой наблюдателей и программами избирательной модернизации, во многих случаях привел не к устойчивой демократизации, а к закреплению авторитарных режимов с электоральным фасадом [1, с. 21–27].

Как справедливо отметил профессор Гарвардского университета Стивен Левицкий, «демократии умирают не от военных переворотов, а от манипуляций в рамках самих демократических процедур» [2, с. 56]. Современные авторитарные режимы успешно адаптировали механизмы выборов, парламентской конкуренции и свободы слова, превратив их в инструменты легитимации, а не демократизации. И если в начале XXI века эксперты полагали, что сами по себе процедуры выборов приведут к трансформации систем, то сегодня, как показывают кейсы Египта, Ирака, Туниса, Алжира, наблюдается противоположная тенденция: электоральная демократия используется в авторитарных целях [3, с. 34–37].

Особое место занимает политическая ментальность Востока, где отношения между государством и обществом строятся не на идее представительства, а на патернализме, сакрализации власти и коллективной идентичности. Запад исходит из парадигмы индивидуалистической ответственности и плюрализма, тогда как Восток рассматривает государство как гаранта стабильности и выживания. Это различие приводит к систематическим ошибкам в проектировании демократических реформ и непониманию природы политических предпочтений населения. Как заметил египетский аналитик Хани Аззам, «демократия — это не просто выборы, это прежде всего культура принятия другого. И именно с этим у нас самые большие трудности» [4].

В этой статье предпринимается попытка анализа не только несостоятельности западных электоральных стратегий на Востоке, но и описания формирующейся альтернативной модели власти, в которой авторитаризм сочетается с устойчивостью, материальной обеспеченностью населения и эффективным управлением. На примерах Израиля, Саудовской Аравии, Катара, а также неарабских государств с авторитарными институтами — Руанды, Вьетнама и Казахстана, рассматривается трансформация политического управления в сторону так называемой гибридной автократии нового типа, лишенной плюралистических институтов, но способной обеспечивать высокий уровень лояльности и эффективности.

Псевдodemократизация как стратегический ресурс Востока

Современные авторитарные режимы, особенно на Ближнем Востоке, сумели не просто адаптироваться к западному давлению на демократизацию, но и обратить его в собственный ресурс политического выживания.

Парадоксально, но именно принуждение к выборности, транспарентности и разделению властей сформировало новое поколение псевдodemократий — государств с формально соблюдаемыми процедурами, но авторитарной сутью управления.

В отличие от XX века, когда автократии демонстративно игнорировали западные нормы, в нынешнем столетии доминирует стратегия мимикрии. Политологи называют это явление «электоральным авторитаризмом» — системой, где проводятся выборы, но они не обеспечивают реальной конкуренции и сменяемости власти [5, с. 93–101]. Электоральность становится маской, под которой скрываются контролируемые СМИ, подавление оппозиции и избирательная инженерия.

Хрестоматийный пример — Египет после 2013 года. Генерал Абдель Фаттах ас-Сиси, организовав выборы практически сразу после военного переворота, в качестве кандидата в президенты страны набрал 97 процентов голосов. Формально был соблюден демократический ритуал, но на практике все значимые оппоненты оказались устранены, а гражданское общество подверглось жесткому давлению [6, с. 45–47]. Аналогичная ситуация наблюдается в Иране, где выборы сохраняются как механизм демонстрации народной поддержки, но кандидаты проходят жесткий отбор через Советы стражей, исключая всякую альтернативу курсу власти [7, р. 212–215].

При этом важно отметить, что восточные элиты быстро усвоили логику западных доноров и внешнеполитических институтов: для получения финансовой и дипломатической поддержки реформы необязательны, достаточно их убедительной имитации. Результат — стабилизация авторитарных режимов под прикрытием демократического дискурса. Влиятельный эксперт по ближневосточной политике, профессор Университета Эксетера Тариф Халаф подчеркивает: «Для многих режимов выборы — это всего лишь новая форма внешнеполитического камуфляжа, а не внутреннего реформирования» [8, р. 89].

Данная тенденция особенно ярко проявляется в сфере международного финансирования. Программы Европейского союза и USAID* нередко ставят в приоритет формальные процедуры (участие женщин в выборах, создание электоральных комиссий и т.д.), игнорируя политический контекст, в котором эти меры должны быть реализованы [9, р. 34–35]. Итог — миллионы долларов, вложенные в создание иллюзорных демократических институтов, которые всего лишь усилили легитимность действующих автократий.

Псевдodemократизация стала частью политической технологии восточных режимов, одновременно обеспечивая внешнюю легитимацию и внутренний контроль. Она не отрицает демократию, а использует ее как риторику, экономический актив и инструмент манипуляции. Более того, в глазах части

* 27 января 2025 года официальный правительственный сайт Агентства США по международному развитию (USAID) был закрыт. До конца 2025 года завершатся и все зарубежные миссии агентства (*прим. ред.*).

населения такие режимы выглядят предпочтительнее, чем слабые и раздробленные западные демократии, погрязшие в кризисах легитимности и фрагментации.

Таким образом, выборы на Востоке перестали быть инструментом смены власти и превратились в средство ее укрепления. Это не искажение народовластия, а его функциональная мутация, где внешняя форма используется для достижения противоположных по содержанию целей.

Иллюзия представительства и реальность электоральной сегрегации

Одним из центральных нарративов западной демократии остается тезис о представительстве, то есть об убеждении, что парламент отражает весь спектр общественных интересов, а правительство выступает производной от сбалансированной и интегральной воли народа. Однако в условиях усиливающейся фрагментации политического пространства эта модель всё чаще сталкивается с институциональным тупиком, — распыление голосов между многочисленными партиями, перманентные коалиционные кризисы, неспособность выработать устойчивую программу развития и, как следствие, падение уровня доверия граждан к самой системе [10, с. 118–122].

Современная политология подчеркивает: чем выше степень партийной фрагментации, тем ниже устойчивость и эффективность управления. Правительства, формируемые из десятков разнонаправленных политических сил, в действительности отражают не волю нации, а сложный компромисс между группами давления, каждая из которых стремится конвертировать свое участие в управлении ресурсами для узкого электорального сегмента.

В ряде случаев проявления институционального паралича наблюдаются даже в устойчивых демократиях Западной Европы. Так, в Нидерландах и Бельгии неоднократно фиксировались трудности с формированием коалиционного правительства, затягивавшиеся на месяцы. Эти случаи отражают структурную проблему: партийные системы все чаще оказываются неспособными к продуктивному взаимодействию, а формальные процедуры — к производству дееспособной исполнительной власти [11].

Даже в такой «полноценной демократии», как Германия (13-е место в глобальном рейтинге демократии), коалиционные переговоры нередко затягиваются на многие месяцы: партии, пришедшие к успеху, представляют слишком разные мировоззрения и прежде всего борются за интересы собственных электоральных ниш, а не за общенациональный компромисс, что снижает и управленческую эффективность, и доверие граждан к политическим институтам [12].

Подобная ситуация порождает «представительство без результата»: институты действуют, выборы проходят, но правительство не формируется или оказывается недееспособным. Как отмечает американский политолог Ларри Даймонд, «кризис демократии сегодня заключается не в авторитарных

угрозах, а в неспособности демократических систем отвечать на вызовы времени» [13, с. 58].

Политическая сцена чаще, чем в былые времена, превращается в арену риторических столкновений, где ни одна партия не в состоянии предложить устойчивую стратегию развития. В результате усиливается отчуждение граждан, растет электоральная апатия и поддержка «антисистемных» акторов, что подтверждается данными Eurobarometer и Pew Research [1].

Таким образом, сама идея парламентского представительства переживает трансформацию: от универсального инструмента демократии — к источнику системного дисбаланса. Эта тенденция, характерная для ЕС, формирует фон для дальнейшего анализа израильского кейса, где та же логика фрагментации приводит к иным, но не менее острым институциональным последствиям [14].

Израильский кейс: когда большинство — не для всех

Особенно показателен в этом контексте опыт Израиля, где с начала 2020-х годов наблюдается хронический политический цикл. Здесь электоральная система воспроизводит нестабильность, порождая череду досрочных выборов, вынужденных компромиссов и нестабильных коалиций. Так, выборы в Кнессет 25-го созыва, состоявшиеся 1 ноября 2022 года, стали пятыми по счету за 3,5 года [15]. По израильскому законодательству на формирование правительства отводится до 42 дней (28 дней плюс возможное продление на 14 дней), и в последние годы этот срок используется до последнего момента, часто под угрозой объявления новых выборов.

Сама угроза шестых выборов стала инструментом политического давления. Ради предотвращения электоральной катастрофы многие партии идут на уступки, уменьшая первоначальные требования и отказываясь от ряда ключевых положений в обмен на гарантии участия в коалиции. Это создает иллюзию политического баланса. Однако в реальности новые коалиции формируются в подавляющем большинстве по логике внутригрупповой мобилизации, а реализуемая программа отражает интересы прежде всего победивших электоральных ниш.

Например, коалиция, сформированная по итогам выборов 2022 года, получила 64 мандата из 120, обеспечив тем самым устойчивое парламентское большинство. Явка на выборах составила 70,63 процента. Это означает, что около трети избирателей сознательно или из-за собственной апатии вышли из процесса, лишив себя не только влияния на состав власти, но и права предъявлять к ней политические претензии.

Суммарно партии, вошедшие в коалицию, получили 2 304 964 голоса, что составило 48,38 процента от общего числа проголосовавших (33,95% от 6 788 804 избирателей).

Фактически это означает, что лишь треть израильских граждан, обладающих правом голоса, выразили поддержку нынешней коалиции, тогда как

остальные либо проголосовали за оппозицию, либо выборы проигнорировали. Тем не менее, в соответствии с формальными нормами либеральной демократии, это законно сформированное большинство, обладающее всеми конституционными полномочиями для формирования и проведения государственной политики в течение всего срока каденции.

Возникает парадокс, в котором легитимность правящей коалиции основывается не на консенсусе большинства населения, а на мобилизационном преимуществе активной части ее электората. В результате все протесты оппозиции, направленные против решений правого правительства, наталкиваются на «железную логику победителей»: «мы избраны народом, и мы вправе вести страну туда, куда хочет наш электорат». И правительство ведет — целенаправленно, последовательно, без компромиссов, строго в рамках ожиданий своей политической базы.

В итоге демократическая процедура превращается в инструмент политической монополии. Меньшинство, оказавшееся в большинстве в рамках институциональной системы, получает возможность перераспределять ресурсы, изменять законодательство и формировать стратегический курс государства, не оглядываясь на интересы остальной части общества. Это не нарушает букву закона, но подрывает дух представительства, на котором строится сама идея демократии как управления в интересах всех, а не отдельных фракций.

Израиль: демократия без универсальности

Таким образом, более половины мандатов сконцентрировано в руках партий, представляющих узкоидентифицированные группы, — ультраортодоксов, религиозных сионистов и правоконсервативные круги. Светское, левоцентристское и либеральное население фактически оказалось маргинализировано. При этом новая коалиция, получив формальный мандат, с высокой скоростью приступила к реализации секторальной повестки, — от налоговых льгот религиозным учебным заведениям до прямых субсидий поселенческому сектору на Западном берегу.

Парадокс ситуации в том, что коалиция представляет меньшинство общества, но — большинство от активных избирателей, и именно это обстоятельство позволяет ей осуществлять политику, игнорируя значительную часть населения. Как резюмирует профессор Йоав Пелед, «новая коалиция впервые не маскирует, а прямо реализует интересы своей базы, не претендуя на универсальность» [16, р. 44].

Если рассматривать ситуацию в более широком контексте, израильский случай иллюстрирует системную проблему парламентской демократии с высокой фрагментацией. Формально избиратели голосуют, формируют правительство и получают своих представителей. Однако на практике это приводит к институционализированной несправедливости, когда те, кто

голосует, — получают, а те, кто не участвует, — теряют не только политическое влияние, но и доступ к ресурсам.

Парадокс демократии в том, что она может быть справедливой по процедурному содержанию, но несправедливой по результату. Активный избиратель получает все, пассивный — остается на обочине. В странах с высокой политической поляризацией это ведет к накоплению недовольства, радикализации оппозиции и делегитимации всей политической системы.

Европейская проблема: демократия без результатов

Важно отметить, что проблема коалиционного тупика — не исключительно израильская. В условиях усиливающейся поляризации практически ни в одной европейской стране за последние годы не было сформировано правительство национального единства, а процесс коалиционных переговоров нередко затягивается на месяцы.

Так, в Голландии после выборов 2021 года правительство формировалось 9 месяцев — рекордный срок в истории страны. В Германии переговоры после выборов 2017 года заняли почти полгода. В Бельгии после выборов 2019 года коалиция не могла быть сформирована более 490 дней, в течение которых страной управлял технический кабинет с ограниченными полномочиями [17]. В Болгарии с 2021 по 2023 год прошло пять парламентских выборов, ни одни из которых не привели к стабильному правительству [18].

Все эти примеры указывают на одну и ту же тенденцию: демократическая процедура выборов перестает быть инструментом разрешения конфликтов, а превращается в источник новых кризисов. Многопартийность не способствует консенсусу, а фрагментирует парламент на группы с трудносовместимыми программами. Пока продолжаются переговоры, государственные механизмы функционируют на пониженной мощности, а стратегические реформы блокируются.

Какой смысл в демократии, которая неспособна произвести эффективное правительство? Если после выборов обществу предъявляются одни лишь коалиционные торги и блокировка решений, то сама логика народного волеизъявления обречена на девальвацию. Неслучайно растет уровень абсентеизма и поддержки недемократических решений, в том числе со стороны молодежи.

Авторитаризм с человеческим лицом: благосостояние вместо представительства

Современный дискурс о демократии во многом строится на априорном противопоставлении: демократия — это добро и развитие, авторитаризм — стагнация и подавление. В то же время эмпирические данные последних двух десятилетий размывают подобное сравнение. Страны, лишённые

классических демократических институтов, демонстрируют не только устойчивость, но и высокий уровень социальной инклюзии, доступности базовых благ и гражданской лояльности.

Классические примеры восточного авторитаризма — это Саудовская Аравия, Катар, Объединенные Арабские Эмираты и Кувейт. Все эти страны объединяет ряд общих признаков: отсутствие выборов либо их чисто символическая функция; концентрация власти в руках наследственных монархов или назначаемых сверху технократических структур; а также масштабные государственные социальные программы, субсидии, гарантии и высокий уровень жизни на душу населения.

В той же Саудовской Аравии правительство обеспечивает бесплатное образование вплоть до уровня аспирантуры, полное медицинское обслуживание в государственных клиниках, жилищные субсидии и кредиты с низким процентом для семей, а также высокие пособия на детей, особенно для женщин, находящихся вне рынка труда [29, р. 103–107].

В Катаре каждому гражданину предоставляется ежемесячная денежная поддержка в виде прямых трансфертов, государственные квоты на землю под строительство собственного жилья, налоговые каникулы практически во всех отраслях частного сектора, а также доступ к бесплатным коммунальным услугам или их государственному субсидированию [20].

Во всех этих странах средний доход на душу населения превышает 50 тысяч долларов США, а уровень безработицы среди граждан — менее 5 процентов, что делает их одними из наиболее социально защищенных обществ в мире. Примечательно, что, согласно исследованию Arab Barometer, в 2022 году до 78 процентов граждан Саудовской Аравии и ОАЭ заявили, что полностью доверяют своему правительству, в то время как уровень доверия к парламентам в демократических странах региона (Ирак, Тунис, Ливан) не превышал 24 процентов [21].

Политическая лояльность как следствие, а не причина

Вышеизложенное позволяет говорить о новом типе легитимности. Восточные авторитарные режимы не нуждаются в выборах, — они компенсируют отсутствие политического участия обеспечением социальной стабильности и патерналистским контрактом. Гражданин, получающий все необходимое, лоялен не потому, что его спросили на выборах, а потому что система работает в его интересах ежедневно.

Как подчеркивает ближневосточный экономист Халид аль-Харби, «на Востоке легитимность — это не процесс голосования, а чувство защищенности: дом, еда, безопасность, работа» [22, р. 17–20]. Именно это объясняет феномен высокой лояльности населения к монархиям Персидского залива, несмотря на фактическое отсутствие механизмов демократического контроля.

Авторитаризм как новая модель привлекательности

Еще более примечательна другая тенденция, — иностранные специалисты, работающие в этих странах, все чаще стремятся получить местное гражданство, несмотря на все сложности. Причины очевидны — стабильность, высокий уровень доходов, качественная медицина, безопасная среда и социальные перспективы для детей. Например, по данным опроса HSBC (Expatri Explorer Survey, 2023), ОАЭ, Катар и Саудовская Аравия вошли в топ-5 стран, где экспаты «готовы остаться навсегда», опередив по этому показателю Канаду, Великобританию и Германию [23].

Таким образом, отсутствие формальной демократии не означает отсутствия политического консенсуса. Напротив, в ряде случаев именно авторитарная вертикаль власти становится более справедливой по отношению к обществу, чем фрагментированные парламенты с десятками партий, конкурирующих за узкие электоральные ниши.

За пределами Ближнего Востока: стабильные автократии и рост без демократии

Способность государства обеспечивать базовый уровень благосостояния и социального доверия в значительной степени зависит от экономической базы — наличия природных ресурсов, производственных мощностей, налоговой дисциплины и управляемости. Однако запасы ресурсов не являются гарантией прогресса. В истории существует немало примеров, когда богатые нефтью и газом государства оставались погруженными в бедность, неравенство и стагнацию, притом — вне зависимости от политического строя. Одновременно имеются десятки примеров, где авторитарное управление при ограниченных ресурсах смогло построить устойчивое и даже процветающее общество, в котором институциональная стабильность и рациональная экономическая политика обеспечивают рост и социальную интеграцию.

Если поведение авторитарных монархий Персидского залива может быть объяснено рентным механизмом (нефть, газ, логистика), то примеры Руанды, Вьетнама, Казахстана и Беларуси демонстрируют, что даже в условиях ограниченной ресурсной базы, централизованная власть при правильной управленческой модели может обеспечить устойчивое развитие, модернизацию и снижение социального напряжения.

Руанда: «авторитарная модернизация» после геноцида

После геноцида 1994 года Руанда стала одной из немногих африканских стран, избравших путь жесткой централизации, этнической репрессии и стратегического планирования. Президент Поль Кагаме, находящийся у власти более двух десятилетий, создал властную вертикаль, исключаящую оппозицию, но параллельно обеспечил ежегодный экономический рост выше 6 процентов с 2005 по 2020 год; одну из лучших систем здравоохранения

в регионе; высокий уровень цифровизации государственных услуг и регистрации бизнеса; превращение столицы страны — Кигали — в «восточноафриканский Сингапур» [24]. По данным Всемирного банка, уровень бедности в стране снизился с 77 процентов (в 2001 г.) до менее 55 процентов (в 2020 г.), а охват населения медицинским страхованием превысил 90 процентов [25].

Вьетнам: стабильность вместо многопартийности

Коммунистическая партия Вьетнама остается единственной легальной политической силой с 1976 года. Однако страна демонстрирует исключительные успехи в социально-экономической трансформации. Здесь рост ВВП на душу населения составил 230 долларов в 1985 году и более 3 500 долларов США в 2023 году. Страна вошла в число 20 крупнейших экспортеров мира и за 30 лет добилась радикального снижения уровня бедности с 58 процентов до менее 5 процентов и устойчивого доверия населения к институтам государства. Согласно опросу Pew Research (2022), более 83 процентов вьетнамцев считают курс правительства правильным [26]. Вьетнамская модель доказывает, что отсутствие выборов не мешает планомерной модернизации, а, напротив, снижает популистское давление и дает возможность долгосрочного планирования.

Казахстан: модернизация сверху

После обретения независимости Казахстан пошел по пути персоналистского авторитаризма при первом президенте Нурсултане Назарбаеве, а затем — с элементами трансформации при Касым-Жомарте Токаеве. Несмотря на отсутствие конкурентных выборов, страна обеспечивает инфраструктурное обновление (программа «Нурлы жол»); развитие цифровой экономики; относительную этническую стабильность в многонациональном обществе; высокий уровень социального доверия к институту президентства (по данным Gallup за 2022 г. — 74%) [27]. В Казахстане действует эффективная программа ЕНПФ (единый накопительный пенсионный фонд), а с 2021 года успешно реализуются проекты льготной ипотеки и поддержки молодежного предпринимательства.

Беларусь: контroversивная, но социально устойчивая

Несмотря на политическую изоляцию и протесты 2020 года, Беларусь остается одной из немногих стран постсоветского пространства, где сохраняется полный контроль над стратегическими отраслями. Уровень безработицы остается ниже 4 процентов; жилищная обеспеченность превышает показатели ряда стран ЕС; государство субсидирует тарифы ЖКХ, транспорт и медицину [28]. Хотя международное сообщество критически оценивает отсутствие свободных выборов и репрессии против оппозиции, внутри страны продолжает работать советская модель социального государства,

адаптированная к рыночным реалиям. Согласно опросу института СОЦИС (2023), почти 60 процентов белорусов связывают стабильность именно с текущей политической системой, а не с потенциальной либерализацией [29].

* * *

Таким образом, авторитарные режимы, основанные на экономической дисциплине, персональной ответственности лидера и долгосрочном планировании, в ряде случаев оказываются более результативными и предсказуемыми, чем либеральные демократии, подверженные краткосрочному популизму, электоральному давлению, размыванию и раздроблению политического представительства. Их сила не в универсальности, а в управляемости, не в публичных дебатах, а в способности консолидировать ресурсы и направлять их на достижение коллективного блага.

Если авторитаризм сочетается с заботой о гражданах, эффективным управлением и системой ответственности, то он перестает восприниматься как зло. А в глобальной перспективе такие режимы становятся объектами подражания, особенно в странах, где демократический опыт приводил к распаду государства, конфликтам и социальным провалам.

Заключение: вызов универсализму и формирование альтернативы

Рассмотренные кейсы показывают, что либеральная демократия в своем классическом виде не является универсальной формой политической организации. Попытки экспортировать демократические процедуры без учета культурной, социальной и экономической специфики во многих странах привели не к усилению демократических институтов, а к их инструментализации в целях легитимации авторитарной власти. Выборы, парламенты и партийные системы в свою очередь стали не выражением народного суверенитета, а механизмом перераспределения ресурсов между узкими электоральными группами.

При этом насильственные или директивные методы внедрения демократии — через программы международной технической помощи, внешние НПО, «фонды демократизации», «комитеты поддержки свободных выборов» и другие инструменты «мягкой силы» — продемонстрировали системную неэффективность. На Ближнем Востоке, в Африке, а также в ряде стран Латинской Америки попытки внедрить выборы, многопартийность и формальные свободы извне, без внутреннего социального запроса, обернулись в лучшем случае перманентной нестабильностью, а в худшем — гражданскими войнами, военными переворотами и коллапсом государства. Примеров устойчивого внедрения демократии в XXI веке практически нет. В тех странах, где наблюдался кратковременный демократический прогресс, например, в Тунисе в 2011–2015 годах, или в Киргизии в начале 2000 годов, развитие завершилось либо откатом к авторитаризму, либо политической фрагментацией и утратой контроля над институтами.

Нельзя также не отметить случаи постсоветских стран, в которых импортированные демократии, несмотря на активное западное финансирование и институциональное сопровождение, не стали основой для устойчивого развития. Так, Грузия, Армения, Молдова продолжают сталкиваться с хрупкостью коалиций, уязвимостью институтов и зависимостью от внешнего патронажа. Попытки формирования либерально-демократических государств в этих странах не были подкреплены глубинной институциональной трансформацией и национальным консенсусом. Как следствие, демократия стала восприниматься не как внутреннее достижение, а как навязанное условие, что неизбежно порождает разочарование и антизападные настроения.

На этом фоне авторитарные модели, ориентированные на долгосрочную экономическую стабильность, патернализм и социальную инклюзию, начинают выглядеть не как аномалия, а как реалистическая альтернатива. Страны Персидского залива, Руанда, Вьетнам, Казахстан и Беларусь демонстрируют, что возможна модель власти, при которой легитимность основывается не на сменяемости элит, а на результативности их действий.

Это значит, что речь идет не о возврате к тоталитарным формам, а о становлении гибридной управленческой модели, в которой ключевыми ценностями становятся не политическое многообразие и формальная конкурентность, а целостность, управляемость, равномерность распределения ресурсов и подотчетность власти обществу, — пусть и вне избирательного цикла.

Западной политической науке и международным институтам предстоит осознать, что глобальный политический ландшафт стал плюралистичным не только в идеологическом, но и в институциональном смысле. Очевидно, что универсализм либеральной демократии дал трещину, а сама демократия (как концепт) нуждается в переосмыслении.

Не все общества стремятся к участию в выборах, не все требуют свободы слова в западном понимании, не все видят в разделении властей залог стабильности. В условиях XXI века все чаще главным критерием эффективности системы становится не ее соответствие демократическим стандартам, а способность обеспечивать социальное благополучие, безопасность и предсказуемость. И в этом отношении авторитаризм при всех его издержках предлагает модель, которую больше невозможно игнорировать.

Список литературы

1. Карозерс Т. Конец эпохи демократизации // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 1.
2. Левицкий С., Зиблатт Д. Как умирают демократии. М.: Альпина Паблишер, 2020. 320 с.
3. Брунингс Б. Демократия в арабском мире: миф или реальность? // Middle East Policy. 2021. № 4.
4. Аззам Х. Диалоги о переменах. Каир: Al-Ahram Press, 2019. 208 с.
5. Шмиттер Ф. Демократия и ее альтернативы. М.: РОССПЭН, 2012.
6. International Crisis Group. Egypt's Next Phase // ICG Middle East Report № 198. Brussels: ICG, 2019.

7. Alfoneh A. Iran Unveiled: How the Revolutionary Guards Is Transforming Iran from Theocracy into Military Dictatorship. Washington, DC: AEI Press, 2013.
8. Hallaq T. Authoritarian Learning and Electoral Authoritarianism in the Middle East // Journal of Democracy. 2021. Vol. 32, № 1.
9. Youngs R. The European Union and Democracy Promotion: A Critical Assessment. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2004.
10. Липсет С.М. Политический человек. М.: Весь Мир, 2004.
11. Government Formation in EU States: Trends and Deadlocks // European Policy Centre. Brussels, 2022.
12. Nations in Transit 2023: Germany Country Report // Freedom House*. URL: <https://freedomhouse.org> (дата обращения: 13.04.2025).
13. Electoral Volatility and Institutional Deadlocks in Europe // OECD. Paris: OECD Publishing, 2023.
14. Youth and Democracy in Europe Spring 2023 // Eurobarometer. URL: <https://europa.eu/eurobarometer> (дата обращения: 13.04.2025).
15. Официальные итоги выборов в Кнессет 25-го созыва, 2022 // Центральная избирательная комиссия Израиля. URL: <https://www.bechirot.gov.il> (дата обращения: 13.04.2025).
16. Peled Y. Ethnic Democracy Revisited: Israel as a Model? // Comparative Political Studies. 2023. Vol. 56(3).
17. Government Formation in EU States: Trends and Deadlocks // European Policy Centre. Brussels, 2022.
18. Nations in Transit 2023: Bulgaria Country Report // Freedom House*. URL: <https://freedomhouse.org> (дата обращения: 13.04.2025).
19. IMF Country Report No. 22/315: Saudi Arabia. Washington, DC: IMF, 2022.
20. Qatar Ministry of Development Planning and Statistics. Statistical Abstract, 2023.
21. Public Opinion Survey — MENA Region 2022 // Arab Barometer. URL: <https://www.arabbarometer.org> (дата обращения: 13.04.2025).
22. Al-Harbi K. Social Contract in the Gulf: Beyond Oil Rents // Gulf Affairs. 2023. Issue 1.
23. HSBC Expat Explorer Survey 2023. URL: <https://www.expats.hsb.com> (дата обращения: 13.04.2025).
24. Rwanda Economic Update, 2021 // World Bank. Washington, DC: World Bank Group.
25. Vision 2050: Progress Report // Ministry of Finance and Economic Planning of Rwanda. Kigali, 2022.
26. Public Trust in Government Global Survey 2022 // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org> (дата обращения: 13.04.2025).
27. Gallup World Poll: Kazakhstan 2022 Country Brief. URL: <https://www.gallup.com> (дата обращения: 13.04.2025).
28. Социально-экономическое развитие Республики Беларусь, 2023 // Белстат. Минск, 2024.
29. Общественное мнение в Беларуси. Итоги 2023 года // СОЦИС. Киев, 2024.

* Freedom House, Inc. (США) — международная неправительственная организация, деятельность которой признана нежелательной в Российской Федерации.

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ И МОЛОДЕЖЬ: МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО БЛОКА (на примере Приволжского федерального округа)

Аннотация. Статья посвящена роли публичной власти в формировании гражданско-патриотического воспитания молодежи Приволжского федерального округа. Автор рассматривает ключевые вызовы, с которыми сталкивается регион: географическая протяженность, диспропорции между городскими и сельскими территориями, многонациональный состав населения и ограниченный доступ к ресурсам в удаленных районах. Особое внимание уделяется таким успешным практикам, как форум «iVolga», проект «Молодежь в селе», окружной молодежный форум «Метеор», мобильные библиотеки и межэтнические лагеря, которые демонстрируют эффективность адаптивных подходов. В статье также подчеркивается важность интерактивных форматов, устойчивого финансирования и обратной связи с молодежью для преодоления формализации патриотических программ. Автор приходит к выводу, что дальнейшее развитие гражданско-патриотического блока в ПФО требует интеграции традиционных ценностей и цифровых технологий, а также усиления межрегионального взаимодействия.

Ключевые слова: молодежная политика, публичная власть, патриотическое воспитание, гражданская идентичность, Приволжский федеральный округ.

PUBLIC AUTHORITIES AND YOUTH: MECHANISMS OF FORMATION OF THE CIVIL-PATRIOTIC BLOC (on the example of the Volga Federal District)

Abstract. The article is devoted to the role of public authorities in shaping the civic and patriotic education of young people in the Volga Federal District. The author examines the key challenges faced by the region: geographical extent, disparities between urban and rural areas, multinational population composition and limited access to resources in remote areas. Special attention is paid to successful practices such as the «iVolga» Forum, the «Youth in Rural project», the «Meteor» district youth forum, mobile libraries and interethnic camps, which demonstrate the effectiveness of adaptive approaches. The article also highlights the

importance of interactive formats, sustainable financing, and youth feedback to overcome the formalization of patriotic programs. The author concludes that the further development of the civil-patriotic bloc in the Volga Federal District requires the integration of traditional values and digital technologies, as well as strengthening interregional cooperation.

Keywords: youth policy, public authority, patriotic education, civic identity, Volga Federal District.

Приволжский федеральный округ (ПФО) занимает важное место в социально-экономическом и культурном пространстве России. Здесь проживает около 28 миллионов человек, что составляет более 20 процентов населения страны¹. География округа представляет собой достаточно уникальное образование, объединяющее 14 субъектов Федерации с разнообразными природными, климатическими и социально-экономическими условиями. ПФО занимает огромную территорию в 1,037 млн квадратных километров, что делает его одним из крупнейших в России. Округ характеризуется уникальным сочетанием факторов: многонациональный состав населения, богатое культурно-историческое наследие, высокий уровень промышленного развития в некоторых регионах и значительные диспропорции между городскими и сельскими территориями.

В условиях современной глобализации, информационных войн и трансформационных процессов в ценностном измерении особую значимость приобретает задача формирования у молодежи гражданской идентичности и патриотизма. Особую роль в этом процессе играет молодежный парламентаризм, создающий институциональные условия для участия молодого поколения в обсуждении и решении социально значимых вопросов. В Приволжском федеральном округе развитие молодежного парламентаризма происходит с учетом вышеперечисленных региональных особенностей, включая многонациональный состав, территориальную протяженность и различия в уровне социально-экономического развития. В таких условиях молодежь является основным участником и ресурсом для будущего развития страны, и ее готовность к участию в общественной жизни во многом зависит от качественной работы публичной власти.

Однако реализация программ гражданско-патриотической направленности сталкивается с рядом сложностей, связанных в основном с региональными особенностями ПФО. В подобных условиях требуется разработка специальных подходов, учитывающих географические, этнические, культурные, экономические и социальные аспекты.

¹ Приволжский федеральный округ // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://council.gov.ru/services/reference/10484/> (дата обращения: 23.03.2025).

Географические особенности ПФО создают как возможности, так и проблемы для работы публичной власти в контексте реализации программ гражданско-патриотической направленности для молодежи. Территориальная протяженность округа накладывает отпечаток на доступность ресурсов и возможность равномерного распространения инициатив. Большие расстояния между населенными пунктами затрудняют проведение масштабных мероприятий, особенно в условиях сельской местности, где у молодежи возникают трудности, связанные с ограниченным доступом к образовательным и патриотическим программам.

Молодые люди из удаленных районов Оренбургской или Самарской областей часто не имеют реальной возможности участия в форумах и тренингах, которые проводятся в крупных городах. Поэтому требуется внедрение стратегий на основе децентрализованных подходов: передвижные лектории, выездные мероприятия и региональные филиалы крупных проектов. В таких условиях в Республике Башкортостан успешно работают мобильные библиотеки, которые доставляют не только книги, но и материалы, связанные с гражданским правом и исторической преемственностью региона². Подобная практика позволяет частично решать проблему географической удаленности и обеспечивать доступ к формированию гражданско-патриотического блока в труднодоступных районах.

Территориальные различия в ПФО проявляются не только в размерах и удаленности регионов друг от друга, но и в диспропорциях между городскими и сельскими территориями. Городская молодежь, проживающая в таких мегаполисах, как Казань, Нижний Новгород или Самара, имеет значительно лучший доступ к образовательному контенту, культурным мероприятиям и спортивным объектам. Эти города выступают центрами притяжения для молодых людей. Для них проводятся масштабные акции, форумы и тренинги по лидерству. Например, преимущество ежегодной акции «Диктант Победы», собирающей тысячи участников в Нижнем Новгороде, заключается в том, что мест для нее здесь значительно больше (более 80 организаций), чем на периферии. Организаторы акции создали и успешно применяют опцию «Предложить площадку»³.

В Самарской области успешно работает форум «iВолга», который стал одним из ключевых событий в стране с точки зрения современной молодежной политики⁴. Форум является важной площадкой не только для дискуссий,

² Мобильная библиотека «Туймазинский библиобус». URL: <https://www.culture.ru/institutes/39717/mobilnaya-biblioteka-tuimazinskii-bibliobus> (дата обращения: 24.03.2025).

³ Официальный сайт акции «Диктант Победы». Нижегородская область. URL: <https://диктантпобеды.рф/region/52> (дата обращения: 24.03.2025).

⁴ «iВолга» — движение вверх: новые тенденции масштабного молодежного форума в статусе всероссийского // Правительство Самарской области. URL: https://www.samregion.ru/press_center/news/

но и для практической законотворческой работы. В 2023 году его участники разработали модельный законопроект «О патриотическом воспитании», унифицирующий подходы для регионов ПФО. Форум включает в себя механизмы финансирования, критерии оценки программ и даже VR-реконструкции исторических событий для вовлечения молодежи [1, с. 131].

Параллельно в округе действует Ассоциация студенческих патриотических клубов «Я горжусь», объединяющая 60 организаций и около 1500 активных участников, — такой сетевой подход компенсирует неравный доступ к ресурсам в сельских территориях [2, с. 137]. Таким образом, городская среда предоставляет больше возможностей для самореализации, участия в общественной жизни и развития гражданских качеств, чем малые города и села, где существенно выше риск недостаточной заинтересованности молодежи сохранением культурного наследия в местах своего проживания. Следовательно, здесь требуется работа муниципальных органов власти, направленная на формирование чувства ответственности за родной край.

* * *

В сельской местности молодежь сталкивается с серьезными ограничениями. Отсутствие базовой инфраструктуры, слабый Интернет и ограниченный доступ к образовательным ресурсам существенно снижают возможности для участия в патриотических инициативах. В некоторых районах республик Марий Эл и Мордовия, Ульяновской и Пензенской областей даже участие в онлайн-мероприятиях представляет определенные трудности, так как существуют технические ограничения в силу наименьшего процента использования широкополосного доступа к Интернету [3, с. 330]. Соответственно, важно развивать специальные программы для сельской молодежи. В данном случае примером может послужить программа «Молодежь в селе»⁵, реализация которой направлена на поддержку предпринимательской деятельности, развитие сельского хозяйства и популяризацию традиционных ценностей⁶.

Проблема транспорта также играет значительную роль в обмене позитивным опытом между районами ПФО. В регионах с хорошо развитой инфраструктурой молодежь более мобилизована, активно участвует в мероприятиях. Нужно сказать, что благодаря таким форумам всероссийского уровня, как «iВолга» в Самарской области, развивается с каждым годом и транспортная доступность. Но пока транспортная доступность имеет

ivolga-dvizhenie-vverh-novye-tendenczii-masshtabnogo-molodezhnogo-foruma-v-statuse-vserossijskogo/ (дата обращения: 24.03.2025).

⁵ Официальный сайт «Молодежь села». URL: <https://молодежьсела.рф/> (дата обращения: 24.03.2025).

⁶ Слет сельской молодежи ПФО прошел в Нижегородской области // Комсомольская правда. URL: <https://www.nnovkp.ru/daily/27632/4982984/> (дата обращения: 24.03.2025).

существенные ограничения⁷, публичная власть должна уделять больше внимания продвижению современных форматов взаимодействия: онлайн-платформы, выездные мероприятия, передвижные площадки.

Наконец, нельзя не учитывать влияние природных ресурсов и общий уровень социально-экономического развития территорий ПФО. Регионы с высоким уровнем промышленности (Республика Татарстан, Нижегородская и Самарская области) обладают значительными финансовыми возможностями для реализации гражданско-патриотических программ. Так, Татарстан стал лидером среди субъектов России по реализации проектов молодежной политики. Благодаря усилиям добровольческого движения республика получила федеральную субсидию на его развитие⁸.

Молодежная политика в Кировской области координируется профильным министерством и КОГАУ «Областной дворец молодежи»⁹. Это свидетельствует о том, что регион выстраивает молодежную политику за довольно скромные собственные средства. В то же время в Ульяновской области, несмотря на то, что областные бюджетные средства на развитие в этой области также были выделены, работа с молодыми людьми оказалась не столь эффективной, не говоря об отдельных нарушениях в соответствующей отчетности¹⁰.

Региональные особенности Приволжского федерального округа оказывают значительное влияние на работу публичной власти в контексте формирования гражданско-патриотического блока. Большая территория, разрыв между городскими и сельскими районами, различия в транспортной доступности и уровень экономического развития требуют разработки гибких и адаптивных подходов. Успешные примеры (форум «iВолга», программа «Молодежь в селе») демонстрируют, что при правильной организации публичная власть может действовать эффективно, учитывать указанные особенности и формировать активного гражданина.

* * *

При разработке программ гражданско-патриотического направления публичной власти необходимо принять во внимание тот фактор, что на территории ПФО проживает более 100 этнических групп. Каждая из них имеет свои национальные традиции, языки и исторические ценности.

⁷ Счетная палата оценила состояние транспортной инфраструктуры Приволжского федерального округа // Счетная палата Российской Федерации. 22.12.2022. URL: <https://ach.gov.ru/checks/transportnaya-infrastruktura-privolzhskogo-federalnogo-okruga> (дата обращения: 25.03.2025).

⁸ Татарстан — флагман молодежной политики в России // Татарстан — Республика достижений. URL: <https://tatarstan.top/achievement/tatarstan-flagman-molodezhnoy-politiki-v-rossii/> (дата обращения: 25.03.2025).

⁹ Молодежная политика в Кировской области // Правительство Кировской области. URL: <https://www.kirovreg.ru/social/youth/> (дата обращения: 25.03.2025).

¹⁰ Ульяновская счетная палата нашла нарушения в финансировании молодежной политики // Комсомольская правда. URL: <https://www.ul.kp.ru/online/news/5226544/> (дата обращения: 25.03.2025).

В Республике Марий Эл каждый год проходит фестиваль исторической реконструкции «Наследие»¹¹, где через события прошлого формируется глубокое понимание исторических процессов, а также уделяется особое внимание сохранению народного достояния, что, конечно же, способствует укреплению региональной идентичности.

В многонациональных регионах, в частности в Республике Удмуртия, считают важным развивать программы, направленные как на формирование лояльности к государству, так и на сбережение культурного наследия. Молодежный центр Удмуртии — значимая площадка по реализации молодежной политики в республике, где применяются современные формы работы с подрастающим поколением¹². Здесь располагаются различные творческие студии и мастерские, используются образовательные программы, проходят конкурсы и проекты по развитию лидерских качеств.

Межэтнический диалог также становится важным инструментом для предотвращения конфликтов и укрепления единства. В 2023 году в Республике Чувашия проходил Всероссийский молодежный межнациональный медиафорум «Диалог культур», ориентированный на развитие и цифровизацию проектов по сохранению этнической идентичности регионов, устранению причин возникновения межнациональных конфликтов, а также сохранению языков и культур местных народностей¹³.

В августе 2024 года в Мордовии прошел Всероссийский молодежный марафон творчества национальных коллективов «Мы вместе!» с презентацией традиционных промыслов, ремесел и интерактивных музейных экспозиций¹⁴.

Студенческая молодежь округа демонстрирует высокий уровень толерантности: 74 процента опрошенных в Мордовии и 80 процентов респондентов в Чувашии положительно оценивают уровень межнациональных отношений в своих регионах, — это на 20 пунктов выше, чем в среднем по России. При этом, соответственно, 49 процентов и 54 процента респондентов видят риски обострений из-за миграции или провокаций в СМИ, а 14 процентов фиксируют реальные конфликтные случаи [4, с. 558].

В рамках проведения мероприятий гражданско-патриотического характера могут возникнуть трудности в случае неправильного подхода к организации межэтнического диалога. Ярко выраженный акцент на одной

¹¹ Фестиваль исторической реконструкции «Наследие» // Культура Марий Эл. URL: <https://visitmariel.ru/projects/festival-istoricheskoy-rekonstruktsii-nasledie/> (дата обращения: 26.03.2025).

¹² Патриотическое воспитание // Молодежный центр Республики Удмуртия. URL: <https://molcentr18.ru/patriotic> (дата обращения: 26.03.2025).

¹³ В Чувашской Республике стартовал Всероссийский молодежный межнациональный лагерь «Диалог культур» // ФАДН России. URL: <https://fadn.gov.ru/press-centr/news/v-respublike-chuvashiya-startoval-vserossijskij-molodezhnyij-mezhnacjonalnyij-lager-«dialog-kultur»> (дата обращения: 26.03.2025).

¹⁴ В Саранске проходит Всероссийский молодежный марафон творчества национальных коллективов «Мы вместе!» // Министерство культуры, национальной политики и архивного дела Республики Мордовия. URL: <https://mktrm.ru/news/4543> (дата обращения: 26.03.2025).

культуре может вызвать недовольство у представителей других народов. Также немаловажно содержательное наполнение соответствующего контента с учетом потребностей целевой аудитории.

Еще одной проблемой может стать недостаточная вовлеченность сельской молодежи в программы гражданско-патриотического воспитания. Эффективность работы различных проектов и форумов зависит и от обратной связи, отсутствие которой способно привести к коммуникационному разрыву между ожиданиями молодого поколения и реальным содержанием программ, хотя при разработке новых молодежных программ посредством опросов, фокус-групп, анкетирования и других исследовательских средств несложно зафиксировать и учесть важнейшие факторы.

В качестве промежуточного вывода можно отметить, что эффективная молодежная политика ПФО в условиях культурного многообразия требует тонкого баланса между укреплением общероссийской гражданской идентичности и сохранением этнокультурной специфики регионов. Однако существуют системные риски, связанные с асимметрией в представленности этнических групп, формализацией межкультурного диалога, а также в диспропорциях развития инфраструктуры для молодежи в городе и селе. Ключевым условием успеха является разработка дифференцированных программ с обязательным учетом обратной связи от целевых групп. Только так можно обеспечить подлинную, а не декларативную интеграцию многонациональной молодежи в общее гражданское пространство России.

* * *

В рамках реализации молодежной политики на территории Приволжского федерального округа значительное внимание уделяется общественным инициативам по формированию гражданской идентичности и сохранению исторической памяти. Такие проекты, как «Герои Отечества», слет поисковых отрядов «Никто не забыт», «Гвардеец», «Метеор» и программы развития кадетского образования, играют огромную роль в формировании патриотического сознания у подрастающего поколения. Однако при реализации на практике проекты сталкиваются с рядом системных трудностей, требующих решения со стороны публичной власти.

Проект «Герои Отечества», который активно развивается в Удмуртии, Татарстане и ряде других регионов¹⁵, ориентирован на популяризацию подвигов земляков — участников Великой Отечественной войны, локальных конфликтов и специальной военной операции. Через уроки мужества, выставки и встречи с ветеранами молодежь знакомится с примерами личного героизма, что способствует формированию позитивной эмоциональной

¹⁵ Официальный сайт общественного проекта ПФО «Герои Отечества». URL: <https://героипфо.рф/> (дата обращения: 27.03.2025).

связи с историей страны. Надо отметить, что с учетом проблем формализации, — мероприятия могут проводиться без какого-либо интерактива, что приводит к снижению вовлеченности аудитории — необходимо способствовать внедрению интерактивных форматов (VR-реконструкции, квесты) и подключать подрастающее поколение к созданию нужных нарративов.

Слет поисковых отрядов «Никто не забыт», проводимый в Нижегородской области, Республике Марий Эл и других регионах¹⁶, объединяет ту часть молодых людей, которая занимается поисковой работой на местах прошедших боев. Проект направлен не только на сохранение исторической памяти погибших, но и на воспитание у участников чувства личной ответственности за историческое наследие страны. Реализация подобного проекта требует определенной финансовой поддержки, а так как она зависит от логистики, то масштабы деятельности добровольных поисковиков ограничены, — многие отряды из сельских районов вообще не могут позволить себе относительно дорогостоящие экспедиции. В решении подобных проблем могла бы оказать существенную помощь система грантовой поддержки. Возможно, стоит подумать и о создании единого цифрового архива находок.

* * *

Военно-патриотическая программа «Гвардеец», реализуемая на территориях Самарской области, Башкортостана и других субъектов Федерации ПФО, ориентирована на допризывную подготовку юношества посредством сборов, спортивных соревнований и курсов выживания¹⁷. Она демонстрирует успехи в подготовке молодежи и приобщении к получению базовых военных навыков. Однако за внешней эффективностью этой деятельности скрываются определенные риски, в число которых входят проблемы устаревания методической базы (вероятность отставания от современных требований военной подготовки); профессиональной деформации (необходимо привлекать реальных участников современных военных операций); инфраструктурных ограничений (дефицит специализированных площадок для проведения мероприятий).

* * *

Окружной форум «Метеор» Приволжского федерального округа¹⁸ представляет собой значимое событие в сфере молодежной политики, сочетающее образовательные, культурные и социальные аспекты. Его важной

¹⁶ Слет поисковых отрядов «Никто не забыт» // Общественные проекты Приволжского федерального округа. URL: <https://proektypfo.ru/projects/nikto-ne-zabyt> (дата обращения: 27.03.2025).

¹⁷ Юнармейские военно-патриотические сборы «Гвардеец» // Общественные проекты Приволжского федерального округа. URL: <https://proektypfo.ru/projects/gvardeec> (дата обращения: 27.03.2025).

¹⁸ Официальный сайт окружного молодежного форума «Метеор». URL: <https://meteor-forum.ru/> (дата обращения: 28.03.2025).

особенностью является ориентация на молодежную культуру как на сквозную тематику, подчеркивающую стремление к созданию коммуникационной среды для поддержки инициатив молодых людей. Форум выделяется разнообразием образовательных треков, охватывающих такие направления, как волонтерство, медиа, наука, предпринимательство и творчество. А это позволяет его участникам развивать компетенции в выбранных сферах.

Важным элементом форума выступает интеграция актуальных тем (Год семьи, Год защитника Отечества, укрепление патриотизма), отражающих связь форума с национальными приоритетами.

В Приволжском федеральном округе, в частности, в таких регионах, как Татарстан и Башкортостан, сложилась уникальная система кадетского образования, ставшая важным элементом воспитания подрастающего поколения. Это феномен, который содержит в себе лучшие традиции российского военного образования с многоуровневой структурой, углубленным изучением истории государства, учитывающий региональную специфику (межконфессиональный аспект и казачьи традиции)¹⁹. Возможной опасностью для масштабной организации кадетского образования на территории округа может стать социальный риск, заключающийся в создании образовательного неравенства между городскими и сельскими территориями (опасность формирования «закрытой» социальной среды), а в рамках многонационального аспекта — вероятность упущения из виду этнокультурных особенностей. Возможным решением вышеперечисленных рисков для кадетского образования может стать развитие сетевой модели, введение адаптивных программ и квот для сельских территорий.

* * *

В заключение нужно отметить, что, несмотря на обилие молодежных проектов, в ПФО сохраняется определенного рода противоречие. Если судить по результатам опросов, то 60 процентов студентов и 63 процента родителей избегают участия в патриотических мероприятиях, а 75 процентов молодежи ставит личный успех выше коллективных ценностей [5, с. 177]. Это объясняет, почему даже успешные инициативы вроде проекта «Герои Отечества» иногда остаются формальными — без «живых» форматов (квестов, встреч с ветеранами СВО) они не преодолевают барьер недоверия между поколениями. И все же патриотические инициативы Приволжского федерального округа представляют собой важный инструмент формирования гражданской идентичности и сохранения исторической памяти среди молодежи. Названные выше проекты демонстрируют значительный

¹⁹ Развитие кадетского образования // Общественные проекты Приволжского федерального округа. URL: <https://proektypfo.ru/project/kadet.pfo> (дата обращения: 28.03.2025).

потенциал, хотя и их эффективность зависит от решения ряда системных вопросов.

Ключевыми направлениями совершенствования должны стать переход от формальных мероприятий к «живым» интерактивным форматам, обеспечение устойчивого финансирования и материально-технической базы, а также создание механизмов обратной связи с участниками. Особое значение приобретает учет региональной специфики и обеспечение равных возможностей для молодежи из разных территорий. Перспективы развития патриотического воспитания в округе связаны с гармоничным сочетанием традиционных подходов и современных технологий, созданием единого образовательного пространства и развитием социального партнерства. Реализация этих задач требует консолидации усилий органов власти, образовательных учреждений, бизнеса и общественных организаций, что позволит вывести работу с молодежью на качественно новый уровень.

Анализ роли публичной власти Приволжского федерального округа в формировании гражданско-патриотического воспитания молодежи показывает, что данный процесс требует комплексного подхода, учитывающего региональную специфику. Обладая уникальным сочетанием многонациональности, богатого культурного наследия и социально-экономических диспропорций, округ сталкивается с рядом вызовов: географическая удаленность, неравенство между городскими и сельскими территориями, цифровой разрыв и необходимость баланса между общероссийской идентичностью и этнокультурным разнообразием. Успешные практики демонстрируют, что адаптивные и децентрализованные решения способны повысить вовлеченность молодежи.

Однако принципиальными условиями эффективности остаются устойчивое финансирование, интерактивные форматы работы и учет обратной связи от целевых групп. Дальнейшее развитие патриотического воспитания в ПФО должно опираться на интеграцию традиционных ценностей и современных технологий, а также на межведомственное взаимодействие, что позволит создать единое гражданское пространство, устойчивое к внешним вызовам.

Список литературы

1. Москаленко В.А. Молодежное парламентское движение как инновационная практика формирования гражданской идентичности: опыт форума «iВолга-2023» / В.А. Москаленко // KANT: Social Sciences & Humanities. 2024. № 2(18). DOI: 10.24923/2305-8757.2024-18.17. EDN: LICLPV.
2. Грачев С.И. Формы и механизмы формирования гражданской идентичности молодежи: инновационные практики Приволжского федерального округа / С.И. Грачев, В.А. Москаленко // KANT: Social Sciences & Humanities. 2023. № 4(16). DOI: 10.24923/2305-8757.2023-16.18. EDN: WMSFIA.

3. Ахметьянова А.И. Использование широкополосного доступа к сети Интернет в организациях Приволжского федерального округа / А.И. Ахметьянова, А.И. Кузнецов // Уфимский гуманитарный научный форум. 2023. № 4(16). DOI: 10.47309/2713-2358-2023-4-325-333. EDN: NSROJY.
4. Бойко И.И. Межнациональные отношения в оценках студенческой молодежи Мордовии и Чувашии (по данным социологических опросов) / И.И. Бойко, А.В. Мартыненко // Ежегодник финно-угорских исследований. 2024. Т. 18, № 4. DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-4-557-561. EDN: ESNBTL.
5. Семенов О.Ю. Гражданский аспект патриотического воспитания молодежи: актуальные тренды и опыт вузов / О.Ю. Семенов, А.В. Аносов // KANT: Social Sciences & Humanities. 2024. № 3(19). DOI: 10.24923/2305-8757.2024-19.23. EDN: XHBFCC.

ТЕМА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА — АБСЕНТЕИЗМ И ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье подводятся итоги проведенного в 2024 году социологического опроса, связанного с участием молодежи в выборах и всероссийском голосовании по поправкам в Конституцию. Проанализированы ответы респондентов — молодых людей в возрасте от 18 до 35 лет. Опрос проводился в основном среди студентов вузов и учащихся колледжей, техникумов и училищ. Сделаны выводы и сравнения, отмечена зависимость между различными событиями, влияющими на электоральное поведение и абсентеизм молодежи.

Ключевые слова: молодежь, выборы, всероссийское голосование, электоральная активность, патриотизм, абсентеизм.

THE TOPIC OF THE SOCIOLOGICAL SURVEY IS ABSENTEEISM AND ELECTORAL ACTIVITY OF YOUNG PEOPLE

Abstract. The article summarizes the results of a sociological survey conducted in 2024 related to the participation of young people in elections and the all-Russian vote on amendments to the Constitution. The answers of young people aged 18 to 35 who took part in the survey were analyzed. The sociological survey was conducted mainly among university students and students of colleges and technical schools. Conclusions are made, the dependence between various events affecting the electoral behavior and absenteeism of young people is noted.

Keywords: youth, election, All-Russian voting, electoral activity, patriotism, absenteeism.

В целях получения информации «от первого лица» в процессе подготовки диссертационного исследования на тему электоральной активности и абсентеизма молодежи осуществлено анкетирование молодежи в возрасте от 18 до 35 лет в онлайн-режиме. Данное эмпирическое исследование стало результатом анализа ответов на 14 сформулированных автором вопросов/утверждений. Респонденты были опрошены по следующей проблематике:

1. Я знаю, что Конституция Российской Федерации обладает высшей юридической силой.
2. Я знаю свои конституционные права и обязанности.

3. Я знаю, что носителем суверенитета и единственным источником власти в России является ее многонациональный народ.

4. Я знаю, что такое референдум.

5. Я голосовал на выборах депутатов Государственной Думы в сентябре 2021 года.

6. Я голосовал на выборах Президента в марте 2024 года.

7. Доверяете ли Вы выборам в России?

8. Нужна ли ответственность за предвыборные обещания?

9. Я готов отстаивать свои права на митингах и пикетах.

10. Я принимаю участие в общественной деятельности.

11. Я ходил голосовать по поправкам в Конституцию Российской Федерации в 2020 году.

12. Исполнение предвыборных обещаний нужно контролировать.

13. В органах власти должна быть квота для молодежи.

14. Я считаю себя патриотом.

В анкетировании участвовали 474 респондента в возрасте от 18 до 35 лет. Участники анкетирования были представлены 35 вузами и 5 средними профессиональными учебными заведениями (колледжами, техникумами, училищами)¹.

Были получены следующие результаты анкетирования:

По вопросу «Я знаю, что Конституция Российской Федерации обладает высшей юридической силой» — «Да» — 94,1 процента (446); «Нет» — 3 процента (14); «Затрудняюсь ответить» — 3 процента (14).

¹ Самарский государственный технический университет, Московский авиационный институт, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, МИРЭА — Российский технологический университет, Российский государственный гуманитарный университет, Московский педагогический государственный университет, Самарский государственный технологический колледж, Самарский университет государственного управления «Международный институт рынка», Государственный университет управления, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Московский городской открытый колледж, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Поволжский государственный университет сервиса, Самарский медицинский колледж им. Нины Ляпиной, Самарский государственный экономический университет, Самарский государственный университет, Саратовский государственный аграрный университет, Саратовская государственная юридическая академия, Российский государственный университет правосудия, Московский политехнический университет, Московский архитектурный институт, Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Московский университет им. С.Ю. Витте, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, Государственный университет по землеустройству, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Уральский промышленно-экономический техникум, Российский государственный социальный университет, Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Российский университет дружбы народов, Санкт-Петербургский государственный химико-фармацевтический университет, Брянский строительно-технологический техникум им. Л.Я. Кучеева, Уральский федеральный университет, Московский государственный университет пищевых производств, Кубанский государственный университет, Московский государственный университет геодезии и картографии, Московский государственный институт культуры.

О значении Конституции знают почти 100 процентов опрошенных респондентов. По утверждению «Я знаю свои конституционные права и обязанности» ответили: «Да» — 80,6 процента (382); «Нет» — 5,5 процента (26), «Затрудняюсь ответить» — 13,9 процента (66).

На более конкретный вопрос о знании своих конституционных прав и обязанностей только 4/5 респондентов ответили утвердительно. Необходимо понимать, что знания отвечавших по данному вопросу, вероятнее всего, являются поверхностными.

В отношении тезиса «Я знаю, что носителем суверенитета и единственным источником власти в России является ее многонациональный народ» ответы респондентов были в основном однозначны: «Да» — 85,2 процента (404), «Нет» — 4,6 процента (22), «Затрудняюсь ответить» — 10,1 процента (48). На наш взгляд, здесь высокий процент утвердительных ответов связан с тем, что молодежь активно пользуется Интернетом, читает независимые информационные каналы, которые используют данное положение Конституции в своих публикациях. И, конечно, перед голосованием за внесение поправок в Конституцию в 2020 году эта информация всячески транслировалась в официальных СМИ, об этом говорили представители власти.

По поводу довода «Я знаю, что такое референдум», ответы были примерно такими же, как по предыдущему утверждению: «Да» — 85,7 процента (406), «Нет» — 7,2 процента (34), «Затрудняюсь ответить» — 7,2 процента (34). В данном случае реакция опрашиваемых связана с предыдущим вопросом и обосновывается аналогичными фактами.

Несмотря на понимание важности конституционных принципов, больше половины респондентов проигнорировали свое право избирать власть, особенно это касалось выборов парламента. Теме «Я голосовал на выборах депутатов Государственной Думы в сентябре 2021 года» соответствуют следующие ответы: «Да» (на участке) — 33,8 процента (160), «Да» (электронно) — 8 процентов (38), «Нет» — 58,2 процента.

В отношении выборов главы государства ситуация принципиально иная. Утверждение «Я голосовал на выборах Президента Российской Федерации в марте 2024 года» привело к получению следующих ответов: «Да» — 73,1 процента, «Нет» — 26,9 процента.

Следует отметить, что на выборах Президента наблюдается традиционно высокая явка избирателей, — гораздо выше, чем на выборах депутатов всех уровней. А на президентских выборах в марте 2024 года наблюдалась рекордно высокая явка за последнюю четверть века — 77,49 процента², причины которой и, в частности, высокий подъем патриотизма объясняет Н.А. Боброва [1]. Заметим, что чуть меньший процент проголосовавшей молодежи по сравнению с участием всего электората также традиционен.

² На президентских выборах в 2018 году явка составила 67,54%, в 2012 году — 65,34%, в 2008 году — 69,81%, в 2004 году — 64,39%, в 2000 году — 69,02%. См. подробнее: URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/03/21/1027134-v-tsik-podveli> (дата обращения: 28.03.2025).

На вопрос «Доверяете ли Вы выборам в России?» респонденты ответили так: «Да» — 30,8 процента (146), «Нет» — 41,1 процента (196), «Затрудняюсь ответить» — 27,8 процента (132).

По нашему мнению, доверие к выборам напрямую коррелирует с участием в них молодого избирателя. Также видно, что при участии в голосовании около 41 процента респондентов, только 30,8 процента доверяют выборам, то есть 10 процентов респондентов, даже сходя на выборы, этому институту не доверяют.

Причина данного противоречия могла бы содержаться в ответах на вопрос «Нужна ли ответственность за предвыборные обещания?». Но ответы «Да» — 91,1 процента (432), «Нет» — 2,5 процента (12), «Не знаю» — 6,3 процента (30) еще больше усугубляют ситуацию.

Более 90 процентов респондентов считают, что за данные предвыборные обещания кандидаты должны отвечать, что, впрочем, ожидаемо, так как респонденты вряд ли оценивали вопрос с точки зрения юриспруденции. Споры о введении ответственности за предвыборные обещания идут не первое десятилетие, но решиться на это сложно по различным причинам практического и теоретического свойства (кто и как проводит мониторинг предвыборных обещаний, как определить меру ответственности и т.п.).

Ответы на вопрос анкеты «Я готов отстаивать свои права на митингах и пикетах» разнились лишь в определенных пределах: «Да» — 20,7 процента (98), «Нет» — 28,7 процента (136), «Затрудняюсь ответить» — 50,6 процента (240). Эти результаты, вероятно, можно трактовать таким образом, что 70 процентов респондентов потенциально склоняются к возможности выйти на улицу и отстаивать свои права. Опрос показывает, что лидеры, которые способны показать конкретный путь развития, могут рассчитывать на 20 процентов молодых граждан и 50 процентов сомневающихся.

На позицию «Я принимаю участие в общественной деятельности» были даны следующие ответы: «Да» — 59,5 процента (282), «Нет» — 38,8 процента (184), «Никогда» — 1,7 процента (8). Интересно, что почти 60 процентов респондентов принимают участие в общественной деятельности, что может коррелировать с предыдущим вопросом, то есть 50 процентов сомневающихся — это и есть преимущественно те самые молодые общественные активисты, которые готовы выступать за свои права в конструктивном русле.

В ответ на вопрос «Я ходил голосовать по поправкам в Конституцию в 2020 году» респонденты заявили: «Да» — 37,6 процента (178), «Нет» — 62,4 процента (296). По официальной статистике за поправки к Конституции проголосовало 52,95 процента россиян [2]. Можно сделать вывод, что среди молодежи данный показатель фактически на треть ниже.

Многие из опрошенных молодых людей согласны с тем, что «Исполнение предвыборных обещаний нужно контролировать»: «Да» — 91,6 процента (434), «Нет» — 1,7 процента (8), «Не знаю» — 6,8 процента (32). Получается, что более 90 процентов респондентов поддерживают данное утверждение.

То есть налицо явная усталость молодого избирателя от безнаказанности за предвыборные обещания. Молодежь хочет не просто избирать власть, но и почувствовать ответственность власти за слова, которые произносятся в период предвыборной гонки.

Большинство согласно с тем, что «В органах власти должна быть квота для молодежи»: «Да» — 75,5 процента (358), «Нет» — 6,8 процента (32), «Не знаю» — 17,7 процента (84). Здесь есть смысл обратить внимание на одну особенность. Если предыдущее утверждение вызывает фактически единодушие, то квота для молодежи в органах власти кажется правильной только для 3/4 респондентов, что может объясняться, во-первых, недоверием к системе власти; во-вторых, осознанием сложности работы выборных лиц, требующей большого жизненного и профессионального опыта; в-третьих, неприятием каких бы то ни было квот.

Примерно такие ответы были даны в отношении утверждения «Я считаю себя патриотом». Здесь мнения разделились следующим образом: «Да» — 67,9 процента (322), «Нет» — 13,1 процента (62), «Не знаю» — 19 процентов (82). Респондентов можно понять. Утверждение довольно сложное для оценки, так как понятие «патриот» для каждого человека может быть индивидуальным. В то же время с точки зрения сухих цифр можно сказать, что, несмотря на высокий процент недоверия к власти, молодежь продолжает оставаться патриотично нацеленной. В данном ответе логично было бы ответы «да» и «не знаю» засчитывать за ответ «я — патриот, так как я люблю свою страну и хочу здесь жить, но у меня есть вопросы к действующей власти» (тогда получился бы результат 86,9%).

* * *

В рамках анкетирования нами было проведено несколько дополнительных теоретических сравнительных анализов. Для *первого анализа*, на основе которого составлен график 1, выборка взята из результатов ответов, полученных на вопросы/утверждения № 1, 2, 4, 5, 6, 7, 10, 11, 14.

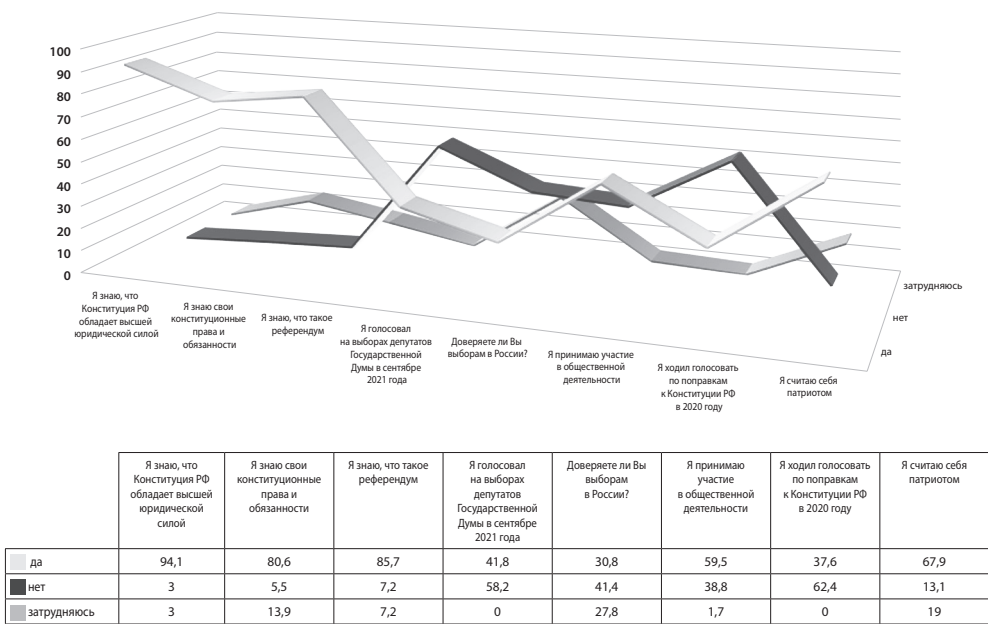
На графике прослеживаются следующие тенденции:

- высокий уровень знаний о конституционных правах не является прямым показателем патриотичности молодежи;
- уровень протеста и недовольства нарушением прав человека равно возрастает в просвещенных обществах;
- внутренняя убежденность молодежи в том, что «я — патриот» не стерта чередой некоторых «сомнительных выборов» на протяжении последних десятилетий. Молодежь очень терпима и пока в определенной степени перешла в разряд «сомневающих».

Таким образом, запас «прочности» молодого населения в России еще довольно большой.

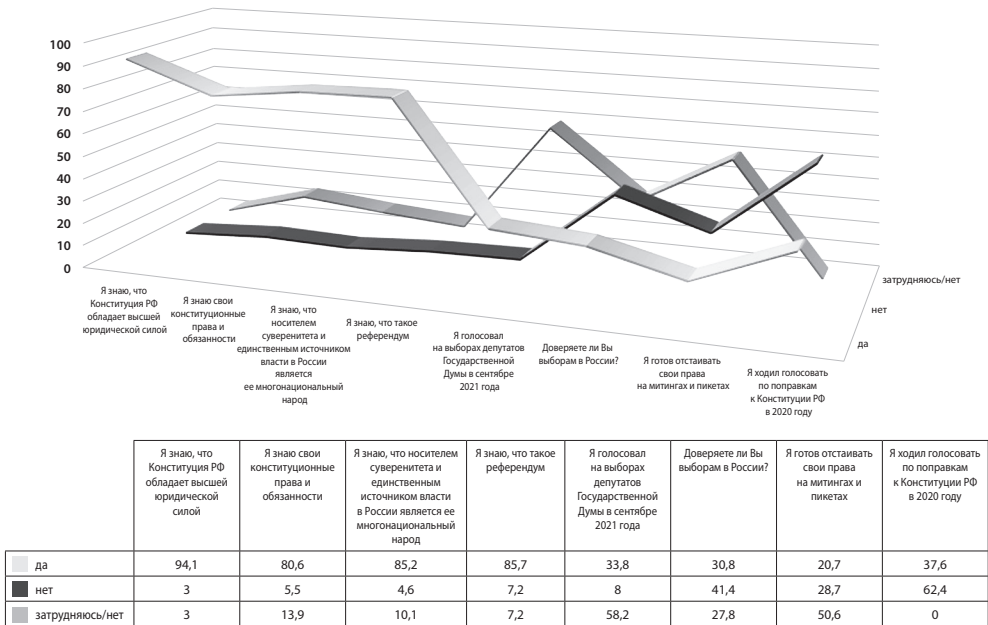
График 1

Пространство молодого ученого

Для второго анализа взята выборка из результатов ответов, полученных на вопросы/утверждения № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 11.

График 2

На графике 2 прослеживаются склонности респондентов, подтверждающие серьезность сложившейся ситуации электорального абсентеизма современной молодежи. Здесь процент участия в выборах прямо пропорционален уровню понимания молодым избирателем своих прав и ситуации с избирательными нарушениями. Явка на голосование за поправки к Конституции в 2020 году при огромной пиар-кампании с участием первых лиц страны и значительном потоке рекламы составила 37,6 процента от числа респондентов, а явка на выборах депутатов Государственной Думы — 33,8 процента. Нужно отметить, что это была самая «тихая» предвыборная гонка за последние годы.

По результатам исследования вывод напрашивается сам собой — а важно ли то, насколько серьезно молодежь информирована о предстоящих выборах, если результат остается неизменным? Какова погрешность официальной статистики в таком случае?

Можно сослаться на возможную погрешность и малую выборку, но реальность электоральной активности молодежи на уровне 30 процентов видится правдоподобной и соответствующей мировым тенденциям.

Обратим внимание на научную статью Е.В. Бродовской, В.А. Лукшина и М.А. Давыдовой ввиду необычности методов, использованных ими при анализе проблемы. Авторы опубликовали результаты своего «прикладного исследования электоральных установок российской молодежи с использованием новой для общественных наук методики, основанной на принципах когнитивной инструментальной диагностики. Используя комбинацию методов прикладного исследования песочного игрового моделирования и метафорических ассоциативных карт» [3, с. 82], авторы получили отдельные выводы, позволяющие лучше понять специфику абсентеизма отечественной молодежи, и дополняют некоторые аспекты данного исследования.

Надо сказать, что анкетирование заинтересовало молодых респондентов, которые в личном общении отмечали важность того факта, что их мнением интересуются, тем более по таким серьезным вопросам. Это вызывает у них чувство «нужности», что дополнительно подчеркивает важность и необходимость выстраивания прямого диалога и непосредственной коммуникации с молодежью. Лично пообщаться с каждым молодым человеком физически невозможно, но опросы и другие формы обратной связи являются работающими инструментами для взаимодействия. Безусловно, общественные настроения должны совпадать и в том, чтобы желание высказаться соответствовало готовности власти услышать. Этому может способствовать практика взаимоотношений общества и государства, в частности, в ходе выборов.

Подводя итоги эмпирического исследования, целесообразно отметить, что российская молодежь в целом осведомлена о своих правах и настроена на конструктивный диалог с государством.

Список литературы

1. Боброва Н.А. Еще раз о конституционной ценности активного избирательного права // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 5.
2. Хабриева Т.Я. Поправки в Конституцию укрепят стабильность власти // Российская газета. Федеральный выпуск. 2020. 31 янв. № 20(8074). URL: <https://rg.ru/2020/01/30/talii-habrieva-popravki-v-konstituciiu-ukrepiat-stabilnost-vlasti.html> (дата обращения: 23.06.2021).
3. Бродовская Е.В., Лукушин В.А., Давыдова М.А. Векторы развития электоральных установок российской молодежи: результаты когнитивной инструментальной диагностики // Власть. 2022. № 3.

ВЗГЛЯД АКТОРОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ СФЕРЫ НА ПАРТИСИПАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

Аннотация. В рамках исследования предпринята попытка выявить отношение акторов законодательной сферы к партисипативным технологиям принятия публичных решений. Было проведено социологическое исследование в виде анкетирования с открытыми вопросами, в котором приняло участие 70 человек: депутаты различных уровней власти, помощники депутатов, сотрудники аппаратов законодательных органов власти, партийные функционеры, эксперты в области законотворчества и функционирования законодательных органов власти, исследователи законодательной власти.

Ключевые слова: партисипативность, партисипативное управление, государственное управление, публичное управление, гражданское общество, политические мотивы, законодательные органы власти, принятие решений.

THE VIEW OF LEGISLATIVE ACTORS ON PARTICIPATIVE DECISION-MAKING TECHNOLOGIES

Abstract. The study attempted to identify the attitude of legislative actors to participatory technologies of public decision-making. A sociological study was conducted in the form of a survey with open questions, in which 70 people took part: deputies of various levels of government, assistants to deputies, employees of the apparatus of legislative bodies, party functionaries, experts in the field of lawmaking and the functioning of legislative bodies, researchers of legislative power.

Keywords: participation, participatory management, public administration, civil society, political motives, legislative bodies, decision making.

Многочисленные научные исследования направлены на изучение различных аспектов функционирования партисипативных технологий в деятельности органов законодательной власти и их восприятия гражданами. Однако можно заметить выраженную немногочисленность исследований, направленных на выявление отношения депутатов и их помощников, сотрудников аппаратов законодательных органов, партийных функционеров,

отраслевых экспертов и исследователей к партисипативным технологиям, применяемым или не применяемым законодательной ветвью власти. При таком подходе обычно формируется неполная картина функционирования технологий вовлечения граждан в процессы принятия публичных решений, что может привести к некорректному формированию практик демократии участия при обращении ответственных лиц к научной литературе и экспертным оценкам.

Несмотря на недостаточное количество соответствующих исследований, партисипативность стала важным трендом в современном публичном управлении [1, с. 40]. Данная управленческая технология является следствием глубоких трансформаций общественных отношений [2, с. 66–77], которые привели к высвобождению у людей ресурсов для участия в политических процессах [3, с. 176–177].

Она предполагает вовлечение граждан в разработку и реализацию публичных решений [4, р. 2024–2033], что во многих ситуациях позитивным образом отражается на итоговых результатах деятельности органов власти [5]. Кроме того, партисипативные практики положительно влияют на прозрачность принимаемых решений [6, р. 675–696], уровень доверия к органам власти [7], ускоренную реализацию реформ [8, р. 168–186] и качество жизни граждан [9, р. 327–341], выступая в роли эффективного механизма формирования согласия и консолидации в обществе [10].

Материалы и методы исследования

С целью изучения отношения акторов законодательной сферы к технологиям гражданского участия в период со 2 по 23 сентября 2024 года было проведено социологическое исследование. В нем приняли участие 70 акторов законодательной сферы: депутаты различных уровней власти; помощники депутатов, сотрудники аппаратов законодательных органов власти, партийные функционеры, эксперты в области законотворчества и функционирования законодательных органов власти, исследователи законодательной власти. Гендерный состав респондентов определился в следующем порядке: мужчины — 40 процентов, женщины — 60 процентов.

Таблица 1

Профессиональное сегментирование респондентов

Род деятельности	Количество респондентов (человек)	Процент от общего числа респондентов (%)	Средний стаж работы в законодательной сфере (лет)
1	2	3	4
Депутаты	13	18,5	18
Помощники депутатов	16	22,9	6

1	2	3	4
Сотрудники аппаратов законодательных органов власти	21	30	7
Партийные функционеры	10	14,3	22
Эксперты законотворческой сферы	6	8,6	13
Исследователи законодательной власти	4	5,7	15

В таблице 1 приведены данные о профессиональном сегментировании респондентов и их разделении на отдельные группы. Самой многочисленной стала группа респондентов «помощники депутатов» — 22,857 процента, а самой малочисленной — группа «исследователи законодательной власти» — 5,714 процента. С целью подтверждения экспертизы респондентов была введена такая категория как «средний стаж работы в законодательной сфере», информация о которой записана со слов опрашиваемых и округлена до единицы (такое решение принято по причине того, что большинство интервьюируемых затруднялось предоставить точные сведения по данному вопросу). При учете среднего стажа по всем категориям респондентов было получено значение — 13,5 лет, что говорит о значительном опыте опрашиваемых.

Тематические блоки исследования были подобраны исходя из его направленности и подробно раскрывают тему. К задачам исследования можно отнести: выявление отношения акторов законодательной сферы к партисипативному управлению и отдельным партисипативным технологиям; выявление предпочтений акторов в части реализации партисипативных технологий; сбор данных об эффективности или неэффективности отдельных партисипативных технологий; выявление уровня поддержки практик, реализуемых в онлайн- и офлайн-форматах; получение и систематизация практического опыта относительно функционирования партисипативных технологий.

Ниже представлены вопросы, которые были использованы в рамках исследования:

1. Готово ли сегодня общество к активному внедрению партисипативных практик в деятельность законодательных органов власти? Чем мотивирован Ваш ответ?

2. Считаете ли Вы, что сегодня партисипативные технологии доступны всем группам населения? Почему?

3. Какие группы населения, по вашему мнению, недостаточно представлены в партисипативных процессах? С чем это связано?

4. Назовите три положительных аспекта партисипативного управления. С чем Вы их связываете?

5. Назовите три негативных аспекта партисипативного управления. С чем Вы их связываете?

6. Какую партисипативную технологию Вы считаете наиболее предпочтительной в рамках деятельности законодательного органа власти? Почему?

7. Есть ли партисипативные технологии, которые, на Ваш взгляд, могут иметь негативные последствия при реализации законодательным органом власти? С чем это связано?

8. Наиболее эффективные партисипативные практики, реализуемые онлайн или офлайн? С чем это связано?

Результаты исследования

Данные, полученные в ходе анкетирования, были обработаны, систематизированы и проанализированы. В первую очередь, они представлены по каждому вопросу в отдельности, а затем уже по ним сформулированы краткие выводы.

Материалы по вопросу № 1: «Готово ли сегодня общество к активному внедрению партисипативных практик в деятельность законодательных органов власти? Чем мотивирован Ваш ответ?». 72,8 процента респондентов считают, что общественность готова к внедрению партисипативных практик в деятельность законодательных органов власти. Аргументы в пользу внедрения партисипативных практик можно разделить на пять больших групп (здесь и далее группы указаны по мере убывания частоты упоминания ответа):

- интерес со стороны молодежи;
- запрос со стороны граждан на повышение осведомленности;
- повышение политической культуры населения;
- достижение обществом определенного уровня развития;
- необходимость отчетности перед гражданами и запрос на открытость деятельности органов власти со стороны общественности.

Следует отметить, что большинство опрошенных указывает на то, что партисипативность становится трендовым явлением, в рамках которого *«модно участвовать в принятии решений»* (26 лет, женщина, помощник депутата), кроме того, такая активность связывается с повышением уровня жизни граждан — *«жизнь стала лучше, комфортнее, зарплаты выше, когда все хорошо, люди тянутся к политике»* (37 лет, женщина, партийный функционер).

Можно отметить и то, что, по мнению участников опроса, государство и общество сами формируют почву для вовлечения граждан в процессы принятия решений через создание различных партисипативных практик: *«молодежь хочет быть в молодежном парламенте, общественники хотят входить в советы при думе»* (25 лет, мужчина, помощник депутата);

«как-то приходили пенсионеры, которые видели в Интернете статью про общественные обсуждения в одном из регионов; они так впечатлились, что начали требовать того же и у нас» (31 год, мужчина, сотрудник аппарата законодательного органа власти); «избиратели хотят все знать, и мы им даем возможности, ведем социальные сети, рассказываем о работе в СМИ и на телевидении» (44 года, мужчина, депутат).

В свою очередь, 27,2 процента респондентов считают, что общественность не готова к внедрению партисипативных практик в деятельность законодательных органов власти. В данном случае их аргументы можно разделить на пять больших групп: неосознанное участие; высокий уровень подверженности влиянию третьих лиц; ограниченность ресурсной базы для реализации принятых гражданами решений; неготовность общества к получению рычагов политического влияния; консервативность.

Анкетированные часто указывают на отсутствие политической культуры или ее низкий уровень у граждан, что формирует их подверженность манипуляциям со стороны различных заинтересованных сторон: *«многие, особенно в малых населенных пунктах, деревнях, селах не готовы ни к какой партисипативности; люди там доверчивые, они даже не представляют, как ими могут манипулировать» (31 год, мужчина, эксперт законотворческой сферы).*

Некоторые заостряли внимание на том моменте, что многие граждане принимают участие в партисипативных практиках исключительно из чувства любопытства, а их неосознанный выбор может исказить реальное положение дел: *«заходят в опросник, на первые вопросы отвечают искренне, затем в полях ответов появляются наборы букв и символов; очевидно, что человек отвечал по инерции, чтобы дойти до конца» (25 лет, женщина, сотрудник аппарата законодательного органа власти); «с петициями всегда всё сложно, доверчивые люди ставят подписи, а органы власти затем обязаны заниматься вместо реальной работы рассмотрением петиций с настоящими, но неосознанными подписями» (57 лет, женщина, депутат).*

Практика показывает, что можно найти случаи коллективного вмешательства в партисипативные процедуры с целью их осознанного или неосознанного срыва: *«я слышала про случай, когда на онлайн-голосовании по выбору общественного пространства, студенты решили поиграться и организовали массовое голосование за один из вариантов, который был наименее интересным и примечательным из всех. Да и вся загвоздка в том, что голосование проходило в другом регионе. Побаловались студенты.» (63 года, женщина, исследователь законодательной власти).*

Как правило, на ограниченность ресурсной базы для реализации принятых гражданами решений указывают законодатели, которые по итогам партисипативных процедур обязаны работать с рекомендованными гражданами решениями: *«надо иметь специальные знания или хотя бы образование, чтобы принимать решения, влияющие на бюджетные отношения» (34 года, мужчина,*

депутат); *«люди обсуждают что-то, озвучивают свои пожелания, но денег на это нет, не предусмотрено бюджетом»* (45 лет, мужчина, депутат); *«для нас проблема всегда заключалась в быстром разочаровании избирателей от отсутствия конкретных действий на их запросы»* (57 лет, женщина, депутат); *«в отсутствие необходимых ресурсов люди просто не верят»* (31 год, мужчина, эксперт законотворческой сферы).

* * *

Материалы по вопросу № 2: «Считаете ли Вы, что сегодня партисипативные технологии доступны всем группам населения? Почему?». 32,85 процента респондентов полагают, что сегодня партисипативные технологии доступны широкому кругу граждан. Суждения опрошенных, считающих, что все группы населения имеют возможность принимать участие в партисипативных практиках, мы разделили на следующие группы:

- информационная доступность;
- высокий уровень цифровизации;
- клиентоцентричность органов власти;
- разнообразие партисипативных практик;
- отсутствие политических барьеров.

Люди в целом настаивают на развитии институтов современного публичного управления, которые имеют высокий уровень клиентоцентричности, выражающийся в создании условий для комфортного участия граждан в процессах принятия решений. Подавляющее большинство респондентов указывает на информационную открытость органов власти, своевременное наполнение сайтов, социальных сетей и мессенджеров парламентов: *«мы анонсы мероприятий и на сайт даем, и в Telegram выкладываем, кто хочет, смотрит»* (45 лет, мужчина, депутат); *«соцсети — это святое, сейчас все информацию получают именно там»* (63 года, женщина, исследователь законодательной власти); *«каждый шаг депутата выкладывается на сайте ВКонтакте, дума также освещает свою деятельность по всем доступным каналам»* (43 года, мужчина, эксперт законотворческой сферы).

При этом участники анкетирования также ссылаются на высокий уровень цифровизации как деятельности органов власти: *«без цифровизации сейчас никуда»* (44 года, мужчина, депутат), так и присутствия граждан на всех возможных платформах: *«граждане предпочитают регистрироваться везде, где это только можно сделать»* (25 лет, женщина, сотрудник аппарата законодательного органа власти).

Интересно, что часть респондентов связывает разнообразие партисипативных практик с отсутствием политических барьеров, указывая на то, что законодательные органы готовы к гражданскому участию и создают для этого различные условия, следовательно, власть хочет слушать граждан и никак не ограничивает демократию участия: *«у избирателя много возможностей высказаться, его всегда выслушают, обязаны выслушать»* (28 лет, женщина,

эксперт законотворческой сферы); *«депутатский корпус положительно относится к инициативам граждан, не вижу преград, которые мешали бы их озвучивать»* (31 год, женщина, помощник депутата); *«нельзя ограничивать избирателей в возможности высказаться. Я всегда руководствовалась этим в работе, знаю, что этот принцип важен и для депутатов»* (49 лет, женщина, партийный функционер).

В свою очередь, 67,15 процента опрошиваемых считают, что партисипативные технологии сегодня не доступны широкому кругу граждан. Аргументацию респондентов, считающих, что не все группы населения имеют возможность принимать участие в партисипативных практиках, можно сгруппировать следующим образом:

- недостаточный уровень информационного освещения деятельности органов власти и депутатов;
- цифровое неравенство;
- сложности с вовлечением людей с ограниченными возможностями;
- лимитированное количество участников отдельных практик;
- ограничения географического характера.

В рамках данного вопроса складывается довольно интересная картина в части самокритики акторов законодательной сферы. Многие респонденты связывают недостаточный уровень информационного освещения деятельности органов власти с пробелами в работе как органов власти, так и депутатов, их помощников и политических партий. Ответы респондентов можно объединить в несколько групп:

- отсутствие интереса со стороны депутатов к ведению социальных сетей и мессенджеров;
- нехватка профильных отделов и сотрудников в аппаратах органов власти, партий и у самих депутатов;
- большой уровень нагрузки помощников депутатов;
- нехватка бюджетных ресурсов на дизайн, продвижение, таргетинг и качественное сопровождение социальных сетей;
- дефицит знаний и компетенций в информационной сфере у депутатов и их помощников;
- большая формализованность каналов коммуникации органов власти, влекущая к отторжению со стороны граждан;
- низкий уровень интереса со стороны СМИ и лидеров мнений к повестке социальных сетей и мессенджеров органов власти.

Стоит отметить, что в экспертной среде относительно этого вопроса бытует идея, что проблема может быть решена через более активное привлечение депутатского корпуса к ведению личных социальных сетей. На сегодняшний день не все парламентарии склонны к освещению своей работы, а часть из них не имеет для этого специальных навыков, что приводит к недостаточности распространения информации или низкому качеству ее подачи: *«людям важна искренность»* (31 год, мужчина, эксперт законотворческой

сферы); *«контент низкого качества в соцсетях парламентария приводит к отпискам подписчиков, они предпочитают читать про условного Трампа, нежели изучать скучный отчет о работе своего депутата»* (28 лет, женщина, эксперт законотворческой сферы); *«если процентов 50–70 депутатов вели бы собственные социальные сети качественнее, то мы не наблюдали бы такого информационного голода со стороны граждан»* (57 лет, женщина, исследователь законодательной власти).

Респонденты также указали на то, что несмотря на высокий уровень цифровизации и стремительное развитие информационных сетей, сегодня можно наблюдать некоторое цифровое неравенство, которое более всего относится к нескольким группам населения: пенсионерам, жителям отдаленных населенных пунктов, некоторым национальным меньшинствам, гражданам с низким уровнем доходов.

В частности, отмечается, что цифровое неравенство затормаживает развитие и распространение цифровых сервисов и платформ: *«мы не можем полностью уходить в цифру, люди еще не готовы»* (44 года, мужчина, депутат).

Интервьюируемые отмечают, что отдельные партисипативные практики закрыты для широкого круга граждан и направлены на вовлечение в управленческие процессы определенных групп населения или экспертного сообщества: *«консультативные советы нельзя сильно раздувать, есть риск превратить их из экспертного органа в площадку общественных обсуждений»* (31 год, мужчина, эксперт законотворческой сферы); *«есть объективные причины для существования узконаправленных партисипативных практик, объять необъятное невозможно»* (57 лет, женщина, депутат); *«каждый должен быть экспертом в своем направлении»* (63 года, женщина, исследователь законодательной власти).

По поводу ограничений географического характера, то есть, сложности вовлечения в партисипативные практики жителей отдаленных населенных пунктов мнения респондентов разделились. Некоторые участники исследования высказывали мнение, что жители отдаленных населенных пунктов еще не обладают достаточной политической культурой для вовлечения в партисипацию *«им там вовсе не интересно, что происходит сейчас в областном центре»* (26 лет, женщина, помощник депутата), другие же отмечали, что вся проблема в отсутствии у власти инструментов вовлечения граждан *«мы не научились слушать глубину и вовлекать ее в политическую работу»* (64 года, мужчина, депутат).

* * *

Материалы по вопросу № 3: «Какие группы населения, по вашему мнению, недостаточно представлены в партисипативных процессах? С чем это связано?». Здесь варианты ответов оказались довольно многочисленными, респонденты приводили в пример от двух до шести категорий граждан. Полученные результаты были обработаны, кластеризованы и проанализированы.

Таблица 2

**Группы граждан с низким уровнем участия
в партисипативных практиках**

№	Группа населения	Частота упоминания (раз)	Обобщенная аргументация
1	2	3	4
1	Граждане с ограниченными возможностями	32	Респонденты обращали внимание на сложности в части мобильности данной группы граждан и их мотивации к участию в процессах принятия решений. Отмечается, что органы власти систематически проводят работу для повышения инклюзивности, однако такая работа встречает объективные сложности, связанные с ограничениями физического характера. Граждане из этой категории, которые обладают соответствующими возможностями, предпочитают онлайн-форматы партисипации.
2	Граждане с низким уровнем доходов	30	Респонденты считают, что к участию в партисипативных практиках, как правило, готовы граждане, которые имеют стабильные доходы. Вовлечение малоимущих людей осложняется отсутствием с их стороны заинтересованности в процессах совместного принятия решений. Кроме того, некоторые респонденты отмечают, что у этой категории граждан часто формируется аполитичность и недоверие к государственным институтам.
3	Жители отдаленных населенных пунктов	27	Часть респондентов склонна полагать, что низкий уровень вовлеченности этой категории связан с низким уровнем политической культуры в отдаленных населенных пунктах. Другая часть считает, что проблемы находятся в плоскости мобильности граждан и их неготовности создавать сложные или дорогостоящие логистические цепочки ради участия в партисипативных практиках. Кроме того, присутствует мнение, что есть сложности в части цифрового неравенства среди этой категории граждан.

1	2	3	4
4	Пенсионеры	24	Респонденты аргументировали свои ответы тем, что граждане пенсионного возраста часто имеют ограничения физического характера, которые осложняют вовлечение в процессы принятия решений. Ряд респондентов акцентировал внимание на том, что обычно граждане из этой группы испытывают сложности при использовании органами власти онлайн-практик. Среди респондентов существует мнение, что пенсионеры часто стереотипизируют работу органов власти, что негативно сказывается на их участии в партисипативных практиках.
5	Некоторые национальные и религиозные меньшинства	15	Сложности с вовлечением этой категории граждан связаны с поддержанием ими традиционного уклада жизни, который минимизирует или вовсе отвергает участие в публичных политических процессах.
6	Молодежь	12	Респонденты отмечают, что вовлекаемость молодежи часто находится на низком уровне, так как органы власти не могут заинтересовать молодых людей. И что основная причина заключается в низком уровне подготовки контента, размещаемого в социальных сетях и мессенджерах органов власти. Также предполагается, что некоторых молодых людей отталкивают бюрократические процедуры и стереотипизация деятельности органов власти.
7	Представители различных субкультур	10	Многими респондентами отмечается, что представители субкультур не заинтересованы в участии в партисипативных практиках, исходя из личных предубеждений или правил, сложившихся в рамках конкретной субкультуры.

В таблице 2 приведены группы граждан, которые чаще всего упоминались респондентами как имеющие наименьшую представленность в партисипативных процессах. Описаны данные по 7 категориям граждан, которые набрали более 10 упоминаний в рамках опроса.

* * *

Материалы по вопросу № 4: «Назовите три положительных аспекта партисипативного управления. С чем Вы их связываете?». В рамках этого вопроса было озвучено 240 характеристик, которые были обработаны, кластеризованы и проанализированы. Полученные ответы были объединены в 11 различных групп.

Таблица 3

Положительные аспекты партисипативного управления

№	Характеристика	Частота упоминания (раз)	Обобщенная аргументация
1	2	3	4
1	Повышение уровня доверия к органу власти	51	Участвуя в принятии решений, граждане более доверительно относятся к деятельности органов власти.
2	Увеличение вовлеченности граждан в политические процессы	40	Партисипативные практики часто геймифицируются, что создает дополнительный интерес для граждан. Кроме того, граждан мотивирует чувство собственной нужности, полезности и возможность некоего влияния на принятие решений.
3	Повышение уровня одобрения гражданами решений органов власти	38	Граждане лучше относятся к решениям, принятым с учетом мнения населения и при его активном вовлечении в принятие этих решений.
4	Повышение качества решений	25	Привлечение представителей экспертного сообщества к работе консультативных органов положительно влияет на качество принимаемых решений. Отмечается, что граждане часто инициируют интересные и креативные решения.
5	Увеличение прозрачности и открытости деятельности органов власти	20	Использование партисипативных практик приводит к большей информационной открытости органов власти вследствие активного ведения их социальных сетей и мессенджеров. Повышение внимания к деятельности органов власти ведет к формированию такой среды, где представители власти инициируют процессы, которые формируют более прозрачную деятельность.

1	2	3	4
6	Инклюзивность принимаемых решений	17	При принятии решений учитываются мнение и инициативы широкого круга лиц, представляющих различные группы населения.
7	Принятие решений осуществляется исходя из общественных запросов	14	Органы власти лучше понимают запросы общества и его отношение к различным вопросам, так как находятся в прямой коммуникации с гражданами.
8	Формирование гражданского общества	11	Привлечение широкого круга граждан к реализации партисипативных практик улучшает уровень политической культуры населения и положительно влияет на формирование гражданского общества.
9	Формирование сообществ гражданских активистов	10	При систематическом участии в партисипативных практиках общение граждан часто переходит в личностную плоскость, создаются дружеские связи, которые постепенно формируют сообщества гражданских активистов.
10	Дебюрократизация органов власти	8	Необходимость вовлечения граждан в партисипативные практики требует снижения уровня бюрократии в органах власти.
11	Повышение политической культуры граждан	6	При участии в некоторых партисипативных практиках граждане обязаны заранее ознакомиться с соответствующими нормативными правовыми актами, изучить обсуждаемые вопросы.

В таблице 3 приведены положительные аспекты партисипативного управления, собранные в 11 групп. По совокупному количеству ответов лидируют три характеристики: повышение уровня доверия к органу власти; усиление вовлеченности граждан в политические процессы; рост одобрения гражданами решений органов власти. Исходя из полученных результатов можно сделать вывод, что респонденты преимущественно апеллировали к аспектам, являющимся положительными в первую очередь для органов власти, нежели для граждан.

* * *

Материалы по вопросу № 5: «Назовите три негативных аспекта партисипативного управления. С чем Вы их связываете?». На этот вопрос было получено 240 ответов, которые были обработаны, кластеризованы, проанализированы и объединены в 12 различных групп.

Таблица 4

Негативные аспекты партисипативного управления

№	Характеристика	Частота упоминания (раз)	Обобщенная аргументация
1	2	3	4
1	Низкая вовлеченность граждан	39	Несмотря на растущую популярность партисипативных практик, широкая общественность еще не вовлечена в процессы принятия решений. Нет единых подходов и механизмов, которые обеспечивали бы широкую представленность большого количества групп населения и инклюзивность принимаемых решений.
2	Подверженность граждан манипуляциям	34	Участники партисипативных практик часто подвергаются внешнему воздействию со стороны различных заинтересованных лиц, пытающихся решить вопрос в свою пользу.
3	Невозможность реализации предлагаемых гражданами решений и инициатив	28	Граждане предлагают инициативы, исходя из собственного видения вопросов, мировосприятия и знаний, в то время как принятие решения требует специальных знаний и навыков.
4	Склонность граждан к стереотипизации органов власти	25	Некоторые группы населения имеют шаблонное представление об органах власти и их деятельности, что негативно влияет на процесс партисипации.

1	2	3	4
5	Ограниченность ресурсов	22	Инициативы граждан не соотносятся с реально имеющимися финансовыми, административными или политическими ресурсами органов власти.
6	Отсутствие специальных знаний и навыков у граждан	19	Участники партисипативного процесса могут не обладать знаниями, необходимыми для обсуждения и принятия решений, что приводит к конфликтным ситуациям между гражданами, а также между гражданами и органами власти.
7	Неравномерность представленности граждан	18	Некоторые группы населения не могут принимать активного участия в партисипативных практиках, следовательно, падает качество партисипативной процедуры и уровень удовлетворенности населения принимаемыми решениями.
8	Делегирование ответственности за принятое решение исключительно на орган власти	14	Граждане в процессе партисипативного управления не разделяют ответственность за принимаемые решения с органом власти. По этой причине представители власти могут настороженно относиться к партисипативности, а граждане, не чувствуя ответственности, предлагать нереалистичные решения.
9	Сложность достижения консенсуса среди участников партисипативного процесса (взаимодействие гражданин-гражданин)	12	В отличие от акторов, представляющих политическую среду и органы власти, граждане не связаны друг с другом обязательствами или необходимостью соблюдения политического баланса. По этой причине наблюдается низкий уровень договороспособности и сложности принятия консенсуальных решений.

1	2	3	4
10	Гиперпредставленность гражданских активистов	10	В партисипативной практике может сформироваться ситуация, где большинство ее участников являются гражданскими активистами, что негативно повлияет на инклюзивность, а решение не будет учитывать мнения широкой общественности. Кроме того, может сформироваться ситуация, когда гражданские активисты, преследующие единые цели, мобилизуются с целью обеспечения перевеса в голосованиях.
11	Демотивация граждан и разочарованность при недостижении консенсуса с органом власти (взаимодействие гражданин-орган власти)	10	Отсутствие специальных знаний у граждан может привести к некорректному восприятию обсуждаемого вопроса и инициированию недостижимых решений. В данном случае органы власти по объективным причинам отказываются от решений, предлагаемых гражданами, что негативно отражается на отношении граждан к институтам власти.
12	Риск формирования псевдопартисипативной среды	9	Органы власти и их отдельные представители могут реализовывать деятельность, направленную на формирование образа властного института, принимающего решения с использованием партисипативных технологий, но не быть таковым. Такие практики являются лишь формальностью, никак не влияют на принятие реальных решений, могут приводить к разочарованию граждан деятельностью органов власти.

В таблице 4 приведены негативные аспекты партисипативного управления, собранные в 12 групп. По совокупному количеству ответов лидируют: низкая вовлеченность граждан; подверженность граждан манипуляциям; невозможность реализации предлагаемых гражданами решений и инициатив.

Исходя из полученных результатов можно сделать следующий вывод: респонденты склонны считать, что уровень политической культуры у граждан находится на довольно низком уровне. Интересным результатом исследования является выявление такой группы ответов как «риск формирования псевдопартиципативной среды». Эта категория получила наименьшее значение, однако, проблематика данного аспекта практически не обсуждается в общественном или научном дискурсе, что создает предпосылки для дальнейшего его изучения.

* * *

Материалы по вопросу № 6: «Какую партиципативную технологию Вы считаете наиболее предпочтительной в рамках деятельности законодательного органа власти? Почему?». На этот вопрос было получено 70 ответов. Они, так же как и ответы на предыдущие вопросы, обработаны, кластеризованы, проанализированы и сгруппированы.

Таблица 5

**Наиболее предпочтительные партиципативные технологии
(по мнению представителей законодательной сферы)**

№	Характеристика	Частота упоминания
1	Экспертно-консультативные (совещательные) органы при органах власти	20
2	Общественные обсуждения	15
3	Социальные сети и мессенджеры органов власти	12
4	Опросы	11
5	Право законодательной инициативы граждан	7
6	Петиции	4

Участники опроса чаще всего отмечали, что экспертно-консультативные (совещательные) структуры при органах власти являются самой предпочтительной партиципативной технологией, обосновывая это тем, что в работе совещательных организаций принимают участие *«состоявшиеся эксперты»* (25 лет, мужчина, помощник депутата), *«люди с подготовкой»* (57 лет, женщина, депутат), *«отобранные люди»* (43 года, мужчина, эксперт законотворческой сферы), *«качественные участники»* (49 лет, женщина, партийный функционер). Здесь важно отметить и то, как респонденты характеризовали данную технологию: *«самая эффективная из всех, на нее не жалко потратить время»* (64 года, мужчина, депутат), *«часто слышу там полезные и правильные рассуждения»* (57 лет, женщина, депутат).

Общественные обсуждения характеризовались респондентами довольно интересным образом: некоторые полагают, что это — место, где можно сформулировать конструктивные решения: *«в спорах рождается истина»* (37 лет, женщина, партийный функционер), *«бывают хорошие предложения, которые не стыдно взять в работу»* (44 года, мужчина, депутат), а другие отмечают, что их основная функция сводится к подавлению гражданского недовольства: *«недовольные придут, выскажутся, им станет легче, что были услышаны»* (26 лет, женщина, помощник депутата) и протестного потенциала: *«вот если было бы обсуждений больше, то протестов было бы меньше; надо нам научиться предоставлять людям площадки для диалога»* (28 лет, женщина, эксперт законотворческой сферы).

Респонденты исходили из того, что коммуникация с гражданами через социальные сети и мессенджеры органов власти является одним из приоритетов для большинства государственных институтов: *«сейчас везде говорят про необходимость вести социальные сети»* (21 год, женщина, помощник депутата); *«информации вокруг очень много, избиратель должен видеть и нашу работу»* (34 года, мужчина, депутат); *«надо быть на одной волне с гражданами, это тренд»* (31 год, мужчина, сотрудник аппарата законодательного органа власти).

Однако существует и такое мнение, что органам власти только предстоит овладеть этой технологией: *«мы еще не научились делать так, как нравится людям»* (34 года, мужчина, депутат), а существующий уровень информационной политики для большинства населения недостаточен: *«гражданам интересны другие форматы получения информации, но мы учимся»* (38 лет, женщина, помощник депутата).

Относительно опросов респонденты высказывались так: это хороший способ получения *«быстрой социологии»* (49 лет, женщина, сотрудник аппарата законодательного органа власти); они позволяют *«держать руку на пульсе»* (31 год, мужчина, эксперт законотворческой сферы); и *«чувствовать колебания общественного мнения»* (46 лет, мужчина, исследователь законодательной власти). Отмечалось, что использование данной технологии через каналы коммуникации органа власти позволяет сэкономить финансовые ресурсы: *«мы начали тратить меньше денег, чем раньше»* (49 лет, женщина, сотрудник аппарата законодательного органа власти).

Право законодательной инициативы граждан оказалось одной из наименее предпочитаемых партисипативных технологий. Наряду с этим, респонденты отмечали, что эта технология является *«началом всех начал»* (39 лет, женщина, депутат) и отражением *«чистой демократии»* (29 лет, мужчина, партийный функционер). Присутствует мнение, что эта технология может быть *«серьезным шагом к становлению гражданского общества»* (57 лет, женщина, исследователь законодательной власти) и *«мотивирующим фактором для участия в работе органа власти»* (35 лет, женщина, сотрудник аппарата законодательного органа власти).

По мнению опрошенных, петиции — это наименее востребованная партисипативная технология. Позитивной характеристикой оказалось то, что петиции *«создают общественный резонанс»* (25 лет, женщина, сотрудник аппарата законодательного органа власти) и *«могут обратить внимание на важные и чувствительные для общества вещи»* (63 года, женщина, исследователь законодательной власти).

* * *

Материалы по вопросу № 7: «Есть ли партисипативные технологии, которые, на Ваш взгляд, могут иметь негативные последствия при реализации законодательным органом власти? С чем это связано?».

Около 80 процентов респондентов высказали мнение, что партисипативные технологии не могут нанести вреда работе органов власти: *«итоговое слово все равно за парламентом»* (44 года, мужчина, депутат); *«процессуально всё это контролируется со стороны депутатского корпуса и аппарата»* (31 год, женщина, помощник депутата); *«обычно проблем не возникает, бывают конфликтные граждане, но это, скорее, исключение, нежели правило»* (63 года, женщина, исследователь законодательной власти).

Примерно 17 процентов участников опроса сочли, что негативные последствия может иметь такая партисипативная технология, как право законодательной инициативы граждан. Это мнение аргументировалось тем, что граждане часто могут подвергаться различным манипуляциям: *«люди у нас доверчивые»* (31 год, мужчина, сотрудник аппарата законодательного органа власти), подписывать инициативы ради получения тех или иных благ: *«на улице подошел с подписным листом, дал денег или подарочный набор; вот и все, подпись получена»* (28 лет, женщина, эксперт законотворческой сферы) или без погружения в проблематику вопроса: *«не вникая подписывают»* (64 года, мужчина, депутат). Именно поэтому такая технология может стать довольно опасным инструментом в руках лоббистов или заинтересованных лиц. Респонденты указывали на то, что законотворческий процесс требует специальных знаний, которых, как правило, нет у рядовых граждан, а предоставление такой возможности гражданам может *«заблокировать работу аппарата, который будет обязан все это рассматривать»* (37 лет, женщина, партийный функционер).

Отдельные респонденты (около 3%) отметили, что негативные последствия могут быть от использования такой технологии как петиции. Обоснование по этой группе ответов было практически идентичным тому, что было озвучено относительно права законодательной инициативы граждан: *«люди часто не знают, что поддерживают»* (49 лет, женщина, сотрудник аппарата законодательного органа власти); *«сомневаюсь, что это рабочий инструмент, гражданами манипулируют через создание образов и качественный текст»* (57 лет, женщина, депутат).

* * *

Материалы по вопросу № 8: «Наиболее эффективны партисипативные практики, реализуемые онлайн или офлайн? С чем это связано?».

Почти 63 процента респондентов считают, что офлайн-практики эффективнее своих онлайн-аналогов. Они указывают на то, что *«люди устали от Интернета, они хотят живого общения»* (37 лет, женщина, партийный функционер), кроме того, есть мнение, что такой эффект наблюдается в постпандемийный период: *«после коронавируса граждане начали резко тяготеть к общению лицом к лицу»* (63 года, женщина, исследователь законодательной власти). Ответы аргументировались тем, что офлайн-практики имеют *«наиболее качественную проработку»* (43 года, мужчина, эксперт законотворческой сферы), а также, что они *«эффективнее онлайн-аналогов; есть дискуссия, можно увидеть эмоции и реальных людей»* (49 лет, женщина, партийный функционер).

В то же время около 37 процентов респондентов высказали мнение, что онлайн-практики эффективнее очных. Этот ответ был мотивирован следующими фактами: *«они обходятся дешевле, нет смысла тратить лишние бюджетные деньги»* (49 лет, женщина, сотрудник аппарата законодательного органа власти); *«организационно, конечно, выигрывает онлайн-формат, это удобнее и проще»* (31 год, мужчина, эксперт законотворческой сферы); *«нам так легче собрать граждан в одном месте, никто не хочет лишний раз тратить время и куда-то идти»* (45 лет, мужчина, депутат); *«больше людей сможет принять участие в обсуждениях; к примеру, те же жители районов точно не стали бы приезжать»* (44 года, мужчина, депутат).

Выводы

В рамках исследования удалось выявить отношение представителей законодательной сферы к партисипативным практикам. Хотя нужно принять во внимание то, что приведенные в исследовании суждения отражают мнение отдельных респондентов.

Результаты опроса говорят о том, что опрашиваемые, как правило, предпочитают использовать в своей деятельности партисипативные практики, реализуемые в офлайн-формате. Они склонны считать, что большей эффективностью обладают те технологии, где в процессы принятия решений вовлекается небольшая группа граждан, обладающая экспертными или специальными знаниями. А такие партисипативные технологии, как законотворческая гражданская инициатива и петиции, могут иметь негативные последствия и нуждаются в контроле со стороны законодателей. Большинство респондентов склонны считать, что партисипативные практики не могут иметь негативных последствий, так как общественность не обладает нормативно закрепленными инструментами давления на законодателей, которым принадлежит итоговое слово при принятии решений.

Список литературы

1. Лаврикова А.А. Партиципативный тренд в публичной политике: факторы реализации // Вестник Пермского университета. ПОЛИТОЛОГИЯ. 2020. Т. 14. № 2.
2. Мартынова С.Э. Рациональность актора постиндустриального общества: истоки и следствия для конструирования социальных технологий управления // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 3.
3. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития М.: Новое издательство, 2011.
4. Gonzalez R., Llopis J., Gasco J. Innovation in public services: The case of Spanish local government. Journal of Business Research. 2013. № 66.
5. Weymouth R., Hartz-Karp J., Marinova D. Repairing Political Trust for Practical Sustainability // Sustainability. 2020. № 17. Article № 7055.
6. Theesfeld I., Dufhues T., Buchenrieder G. The effects of rules on local political decisionmaking processes: How can rules facilitate participation? Policy Science. 2017. № 50. DOI 10.1007/s11077-017-9284-2.
7. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества: Пер. с польск. С.М. Червонной. М.: Логос. 2005.
8. Fox C. Political Authority, Practical Identity, and Binding Citizens. International Journal of Philosophical Studies. 2015. Vol. 23, № 2.
9. Pirralha A. Political Participation and Wellbeing in the Netherlands: Exploring the Causal Links. Applied Research Quality Life. 2017. № 12. DOI 10.1007/s11482-016-9463-x.
10. Cantoni F., Mori E., Veneziani R., Zuffada E. Strengthening Resilience Through Participatory Development of «Life and Social Skills» In Flood Management // City Cult Soc. 2020. Article № 100358.

Всероссийский конкурс «Атмосфера» среди студентов, аспирантов и молодых преподавателей по вопросам избирательного права и избирательного процесса ежегодно проводится ЦИК России совместно с Минобрнауки России, Минпросвещения России, Росмолодежью, РЦОИТ при ЦИК России, избирательными комиссиями субъектов Российской Федерации, Российским фондом свободных выборов и образовательными организациями. Вниманию читателей предлагаем работы победителей и финалистов конкурса в номинации «Научный фронт».

А.Д. УФИМЦЕВ

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕДОСТОВЕРНЫХ И НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ПОДПИСЕЙ

Аннотация. Работа посвящена анализу проблемы разграничения недостоверных и недействительных подписей на примере требования о признании одной из подписей в обнаруженной «цепочке» достоверной. Автор обращает внимание на невозможность реализации избирательных конституционных прав всех участников выборов при современных законодательных и правоприменительных подходах. В работе анализируются основания признания подписей достоверными, недостоверными и недействительными, неопровержимый характер презумпции добросовестности кандидатов при заполнении подписных листов, а также правовой статус заключения специалиста-почерковеда. Предлагается несколько способов решения названной проблемы. Особое внимание уделяется институту электронного сбора подписей.

Ключевые слова: избирательный процесс, проверка подписных листов, недействительные подписи, недостоверные подписи, электронный сбор подписей.

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF UNRELIABLE AND INVALID SIGNATURES

Abstract. The paper is devoted to the analysis of the problem in distinguishing unreliable and invalid signatures using the example of the requirement to recognize one of the signatures in the discovered «chain» as reliable. The author draws attention to the impossibility of exercising the electoral constitutional rights of all participants in the electoral process with the current legislative and law enforcement approaches. The scientific work analyzes the grounds for recognizing signatures as reliable, unreliable and invalid, the irrefutable

УФИМЦЕВ Антон Дмитриевич — студент Института государственного и международного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, г. Екатеринбург

nature of the presumption of candidates' integrity when filling out signature lists and the legal status of the conclusion of a handwriting expert. There are several ways to solve this problem. Special attention is paid to the institution of electronic signature collection.

Keywords: *electoral process, verification of signature lists, invalid signatures, unreliable signatures, electronic signature collection.*

Избирательный процесс представляет собой сложный механизм, включающий множество этапов, каждый из которых играет важную роль в обеспечении законности и прозрачности выборов. Одним из ключевых элементов этого процесса является сбор подписей избирателей и проверка подписных листов кандидатов, необходимых для их регистрации. Подписные листы выступают важным инструментом подтверждения поддержки кандидата со стороны общества.

Несмотря на это, в российской юридической науке проблемам правового регулирования проверки подписных листов уделяется относительно мало внимания. Итак, согласно федеральному законодательству, по результатам проверки достоверности данных, содержащихся в подписных листах, при помощи заключения специалиста-почерковеда [1, с. 194–195], подпись избирателя может быть признана достоверной, недостоверной, действительной или недействительной.

Недостоверные подписи. По смыслу пункта 6.3 статьи 38 и пункта 11 статьи 37 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее — Закон об основных гарантиях) подпись избирателя в подписном листе признается недостоверной только в случае, если она выполнена от имени избирателя другим лицом. В этом и заключается ее главное отличие от недействительной [2, с. 91–95]. Необходимо отметить, что для признания подписи недостоверной обязательно заключение эксперта-почерковеда.

Недействительные подписи. Во всех остальных случаях подпись избирателя в подписном листе может признаваться только недействительной.

Недействительной признается подпись, которая была собрана с нарушением порядка сбора подписей избирателей и оформления подписного листа. Перечень оснований предусмотрен пунктом 6.4 статьи 38 Закона об основных гарантиях, — все они сводятся к формальным или процессуальным нарушениям. Комиссия может самостоятельно или с помощью экспертов-почерковедов из органов внутренних дел (и иных органов) выявить большую их часть путем простого анализа сведений, содержащихся в подписных листах и документах.

Однако особое внимание следует уделить подпункту «а» указанного пункта: «повторяющаяся подпись одного и того же избирателя». Он касается

так называемых «цепочек» (нескольких подписей, сделанных одним избирателем, что подтверждено заключением эксперта).

Совместно с данным пунктом подлежат применению пункт 6.2 статьи 38 Закона об основных гарантиях и пункта 3.2.3.1. Постановления ЦИК России от 09.06.2021 № 9/75-8 «О Методических рекомендациях по приему и проверке подписных листов с подписями избирателей в поддержку выдвижения списков кандидатов, выдвижения (самовыдвижения) кандидатов на выборах, проводимых в субъектах Российской Федерации» (далее — Методические рекомендации по приему и проверке подписных листов), которые требуют оставить одну подпись избирателя достоверной в случае обнаружения повторяющейся подписи одного и того же избирателя.

Сразу обратим внимание, что, исходя из буквального толкования нормы, подпись должна принадлежать именно избирателю, обладающему активным избирательным правом на данных выборах. Так, в случае констатации факта наличия нескольких подписей, сделанных одним избирателем, комиссия вынуждена выбрать одну, которую необходимо признать достоверной. Никаких проблем не возникает, если вместе с подписью совпадает и Ф.И.О. избирателя, то есть Ф.И.О. избирателя повторяется в нескольких строках.

Однако в случае если одно и то же лицо внесло записи о дате проставления подписи (пп. «е» п. 6.4 ст. 38 Закона об основных гарантиях) или Ф.И.О. избирателя (пп. «л» того же пункта) в нескольких графах с разными Ф.И.О. избирателей, то есть возникает ситуация, когда эксперт установил, что записи, сделанные одним лицом, находятся в строках с разными Ф.И.О. избирателей, становится неясной дальнейшая последовательность действий избирательной комиссии. Возникает правовая неопределенность в вопросе о том, описывает ли диспозиция нормы, закрепленной в пункте 6.2 вышеуказанной статьи, ситуацию с внесением данных за избирателей другим лицом, поскольку у Комиссии нет подтверждений, что хоть одна из указанных подписей была сделана именно избирателем.

Анализ подходов ЦИК России и судов Российской Федерации, не разграничивающих случаи повторения Ф.И.О. одного избирателя и случаи повторяющихся подписей при указании разных Ф.И.О. избирателей. Существующий подход указанных органов не проводит различий между описываемыми случаями и также предполагает оставление одной подписи действительной, применяя по аналогии подход, изложенный в отношении достоверности одной подписи избирателя в ситуации внесения своих же данных избирателем несколько раз.

Текущая судебная практика, разрешая вышеназванную проблему, указывает на применение данного требования ко всем случаям выявления «цепочек», опираясь на Методические рекомендации по приему и проверке

подписных листов. Примером правоприменительной практики может послужить ситуация, с которой столкнулась Кировская районная территориальная избирательная комиссия города Екатеринбурга. Кандидат обжаловал отказ в регистрации кандидатом в депутаты в органы местного самоуправления, принятый комиссией по результатам проверки подписных листов кандидатов-самовыдвиженцев.

По результатам проверки подписных листов избирательной комиссией были признаны недействительными 22 подписи по основаниям, предусмотренным частью 4 статьи 52 Избирательного кодекса Свердловской области¹ и подпунктами «е» и «л» пункта 6.4 статьи 38 Закона об основных гарантиях, а именно — внесение сведений об избирателях в подписной лист не самими избирателями, ставящими подписи, не лицом, осуществлявшим сбор подписей избирателей, а также не собственноручное указание избирателем Ф.И.О. Законодательство указывает, что признание подписей недействительными по такому основанию может происходить только на основании заключения эксперта.

Кандидатом данное решение было обжаловано со ссылкой на применение нормы о признании одной подписи из нескольких, собранных с нарушением, действительной. Суд согласился с кандидатом и указал, что в случае выявления «цепочки», недействительными признаются все подписи избирателей с фамилиями, именами, отчествами, датами, выполненными одним лицом, за исключением одной². Данный вывод судом был обоснован тем, что избиратель вправе поставить свою подпись в поддержку выдвижения списка кандидатов, выдвижения (самовыдвижения) кандидата только один раз.

Апелляционная инстанция³ с такими доводами не согласилась, указав, что данные о фамилии, имени, отчестве избирателей должны быть внесены собственноручно. Также суд обратил внимание на то, что экспертом не подтвержден факт того, что подпись сделана избирателем. Кассационная инстанция поддержала суд второй инстанции в его выводах. Однако Верховный суд Российской Федерации (далее — Верховный суд) в своем определении⁴ указал, что отсутствие в заключении эксперта выводов о том,

¹ Закон Свердловской области от 29.04.2003 № 10-ОЗ «Избирательный кодекс Свердловской области» (принят Областной Думой Законодательного Собрания Свердловской области 23.04.2003) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Решение Кировского районного суда города Екатеринбурга от 31 июля 2023 года // URL: https://kirovsky-svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=383172669&case_uid=8ed89041-589c-403f-abda-0280e517e216&delo_id=41&new=0 (дата обращения: 14.11.2024).

³ Апелляционное определение судебной коллегии по административным делам Свердловского областного суда от 4 августа 2023 года // URL: https://oblsud-svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=12313682&case_uid=0bb3020b-07c2-42e8-ba91-ff4d8275cfb0&delo_id=42&new=0 (дата обращения: 14.11.2024).

⁴ Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 11.09.2023 № 45-ИКАД23-1-К7 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

что подпись сделана не самим избирателем, не может служить основанием для неприменения пункта 3.2.3.10 Методических рекомендаций по приему и проверке подписных листов.

Рассмотрение судебного подхода. Таким образом, мы можем увидеть определенную степень доверия судов кандидатам. В логике судов фактически презюмируется, что подпись была сделана именно избирателем, а не любым третьим лицом. Чтобы опровергнуть данную презумпцию, необходимо доказать (заключением эксперта), что подпись сделана не избирателем. Это в свою очередь предъявляет к деятельности избирательной комиссии ряд невыполнимых требований, так как Методические рекомендации по приему и проверке подписных листов не предполагают взятие свободных образцов почерка у избирателей. А это означает, что комиссия не сможет доказать факт заполнения подписного листа не самими избирателями.

В условиях невозможности привлечения избирателей на стадии проверки подписных листов в комиссии (п. 3, 6.1, 6.3 ст. 38 Закона об основных гарантиях) проверить — расписывалось ли какое-либо из указанных лиц в подписном листе, а значит, опровергнуть презумпцию, попросту невозможно. Остается непонятным, каким образом эксперт в своем заключении может подтвердить, что подпись сделана именно избирателем.

На данном этапе гораздо важнее рассмотреть вопрос — какую подпись следует признать достоверной. В отсутствие указания в законе у комиссии есть несколько вариантов: выбрать первую, вторую, третью, случайную подпись, наконец, поверить кандидату и оставить ту подпись, которую он укажет. К сожалению, ни один из вариантов не выглядит как правомерное поведение органа государственной власти, направленное на обеспечение интересов не только кандидатов, но и избирателей. Все они так или иначе имеют произвольный характер.

Проблема правового регулирования

В текущем правовом регулировании существует довольно серьезная проблема, которая является основной темой данной работы.

Наблюдается недостаточное разграничение оснований признания подписей недостоверными и недействительными, что приводит к утрате правового содержания данных понятий и нивелирует ценность их разграничения законодателем. Стороной обходятся вопросы, кто именно сделал повторяющуюся подпись: избиратель или просто случайное лицо; какую именно подпись необходимо признать достоверной (как определить Ф.И.О. избирателя, поставившего подпись).

Представляется, что пункт 3.2.3.10 Методических рекомендаций направлен на применение в отношении первого описываемого ранее случая (несколько строк с одинаковыми данными в графе Ф.И.О.), так как в этом

варианте подписи на самом деле являются недействительными (повторяющаяся подпись одного и того же избирателя).

Однако во втором случае, когда эксперт установил, что подписи, сделанные одним лицом, находятся в строках с разными Ф.И.О. избирателей, данные подписи, по сути, являются недостоверными, так как очевидно, что все они выполнены не лицом, указанным в графе Ф.И.О. (лишь одна из них потенциально могла быть сделана реальным избирателем). Однако ни судебная практика, ни разъяснения ЦИК России данный факт не учитывают.

Таким образом, проблему и тезис можно сформулировать следующим образом: требование о безусловном признании одной подписи в «цепочке» достоверной, даже в случае несовпадения данных графы Ф.И.О. в строках, является нарушением избирательных прав участников избирательного процесса.

Анализ проблемы регулирования

Сформировавшаяся презумпция добросовестности кандидата. Проанализировав нормативное регулирование и судебное толкование вопроса о признании одной подписи в «цепочке» действительной, можно сделать вывод о сложившейся неопровержимой презумпции добросовестности кандидата. Так, каждый считается действующим добросовестно, пока не доказано обратное. Данная общеправовая презумпция — элемент уважения к человеку со стороны государства и общества, имеющий важное идеологическое и политическое значение [3, с. 148]. В публично-правовых отраслях она находит свое выражение, прежде всего, в презумпции невиновности.

Несмотря на то что Конституция Российской Федерации (далее — Конституция, Основной Закон) раскрывает презумпцию невиновности в контексте уголовного права, нельзя не отметить, что конституционное содержание права на судебную защиту предполагает и конкретные гарантии эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости⁵, куда безусловно включается презумпция невиновности гражданина во взаимодействии с государственными органами. При этом конституционно-правовое содержание этого принципа, по сути, имеет общий характер [4, с. 520–527]⁶.

Применительно к рассматриваемому случаю избирательные комиссии и суды изначально исходят из того, что «цепочка» подписей была сделана именно избирателем, а не случайным лицом; и из того, что одна из фамилий действительно принадлежит избирателю, обладающему активным избирательным правом на данных выборах.

⁵ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.03.1998 № 9-П // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28.05.1999 № 9-П // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Само наличие такой презумпции нормально. Любой правопорядок в соответствии с принципами равенства и правового государства склонен доверять своим гражданам. Во многом это связано и с неравным положением граждан и государства и возложением бремени доказывания. У государства, как у более сильного субъекта, объективно гораздо больше средств для доказывания своей позиции.

Презумпция добросовестности кандидатов наделяет их значительными преимуществами. В случае необходимости именно избирательная комиссия будет вынуждена доказывать нарушение со стороны кандидата. При этом закон считает, что рассматриваемое нарушение вполне можно списать на формальную ошибку, связанную со сложностью сбора подписей для кандидатов (а не на целенаправленный обман комиссии). В таком случае комиссия легко примет решение и признает достоверной только более раннюю подпись (однако это не имеет принципиального значения, поскольку строки идентичны друг другу).

Но ситуация осложняется, когда в графы Ф.И.О. вписаны разные избиратели. В таком случае «цепочка» представляет собой несколько строк, заполненных одним лицом. Суды исходят из того, что даже в данном случае необходимо применение пункта 3.2.3.10 Методических рекомендаций по приему и проверке подписных листов.

Первая проблема — принцип определения подписи, которая будет признана достоверной. По какому принципу комиссия должна осуществить выбор? На данный момент выбор не имеет под собой никакой рациональной основы, осуществляется без учета избирательных прав избирателей и иных кандидатов. При этом возможна ситуация, когда лицо, поставившее подписи, вообще не является избирателем. И значит, на избирательную комиссию накладывается обязанность — доказать это.

Очевидно, что избирательная комиссия не может проигнорировать данный факт. Это — больше не формальная ошибка, а целенаправленная деятельность по фальсификации подписных листов и обману избирательной комиссии. Такое нарушение кандидатом избирательного законодательства является весьма серьезным.

Видится логичным, что законодатель при формировании законодательства о выборах исходил из конституционно-правовых принципов законности, равенства, правового государства и не мог подразумевать ситуации, в которых лица, нарушающие нормы права, ведущие себя недобросовестно, пользуются защитой государства.

Соответственно, законодатель должен был предоставить избирательной комиссии средства по опровержению данной презумпции. Однако в условиях текущего регулирования таких средств нет. Следовательно, возложение бремени доказывания на эти органы фактически делает невозможным

выявление и устранение правонарушений, что автоматически приводит к потенциальному нарушению законодательства, прав избирателей и других кандидатов.

На наш взгляд, одним из эффективных решений проблемы в данной области окажется прекращение действия презумпции в момент выявления ошибок в оформлении подписных листов, явно свидетельствующих о недобросовестности кандидата (к таким случаям относится, в том числе, рассматриваемая сейчас ситуация с «цепочками»), и возложение на кандидата обязанности доказать свою невиновность или указать на лицо, которое поставило подписи (доказать, что лицо является избирателем, и принести в комиссию образцы его почерка). Стоит рассмотреть и вариант прямого исключения из диспозиции пункта Методических рекомендаций по приему и проверке подписных листов, требующего признавать одну подпись из «цепочки» действительной; а также внести в подпункты «е» и «л» пункта 6.4 статьи 38 Закона об основных гарантиях уточнение: «все подписи», в которых даты и Ф.И.О. выполнены не собственноручно.

Иначе, презумпция добросовестности в системе действующего регулирования защищает лиц, которые с помощью пробелов в законодательном регулировании пытаются обмануть избирательную комиссию и зарегистрировать себя в качестве кандидатов, не имеющих на то законных оснований. Правопорядок ни при каких обстоятельствах не должен поощрять незаконное поведение. Распространение презумпций, призванных защищать добросовестных граждан, на ситуации, где потенциальное правонарушение очевидно, и избирательная комиссия не имеет средств по его выявлению, противоречит принципам справедливости, равенства, законности.

Привлечение избирателей для проверки подписных листов. В соответствии с пунктами 3, 6.1 и 6.3 статьи 38 вышеуказанного закона проверка избирательной комиссией осуществляется только на основании заключения эксперта. Вызов и опрос избирателей возможны исключительно в судебном разбирательстве. Об этом говорит и Верховный суд, указывая, что суд выносит решение на основании совокупности всех собранных по делу доказательств⁷.

С одной стороны, полномочия избирательной комиссии — это ее возможности по выявлению и пресечению правонарушений, с другой — процессуальные гарантии кандидатам, которые очерчивают пределы вмешательства государства в избирательный процесс и воздействия на кандидатов. Законодатель ограничивает методы и средства проверки подписных листов во избежание злоупотреблений со стороны избирательных комиссий, что формирует у граждан законные ожидания о ее деятельности.

⁷ Пункт 64 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2023 № 24 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Таким образом, положение о рассмотрении судами всех собранных доказательств (в том числе возможен вызов свидетелей-избирателей), по сути, противоречит логике действующего законодательства. Если допускается суждение о необходимости привлечения свидетелей-избирателей для полного рассмотрения дела в суде, то каким образом должна быть произведена полноценная проверка подписных листов избирательной комиссией? А в случае выявления нарушений (которые будут доказаны с помощью свидетельских показаний), решение избирательной комиссии может быть отменено на основании тех доказательств, которыми комиссия не располагала и не могла располагать. Или обратная ситуация, при которой формально незаконное решение избирательной комиссии может быть признано законным, потому что необходимые факты подтверждают те доказательства, которые избирательная комиссия не имеет права использовать.

Ни тот, ни другой подход не является допустимым. Внутренние противоречия законодательства фактически порождают правовую неопределенность в применении данных норм и непредсказуемость правового поведения, ведь даже незаконные решения комиссии в дальнейшем могут стать законными, и реализация избирательных прав ставится в зависимость от конкретной избирательной комиссии и судьи.

Проблемы толкования заключения специалиста. Вопросы, разрешаемые в заключении эксперта-почерковеда, имеют предел. Таким образом, единственным способом проверки подписных листов и поиска «цепочек» для избирательной комиссии становится заключение данного специалиста. Однако даже такой, казалось бы, надежный способ проверки, имеет ряд естественных ограничений.

Необходимо отметить, что почерковед работает исключительно с предоставленным ему материалом и вопросами, заданными избирательной комиссией [5, с. 143–150], и может установить лишь следующую информацию: одно и то же лицо заполняло графы в пределах одной строки; заполнены ли некоторые графы в строке лицом, собиравшим подписи; заполнены ли некоторые графы в пределах разных строк одним и тем же лицом.

Однако для того, чтобы заключение специалиста стало основанием для правильного применения пункта 3.2.3.10 Методических рекомендаций по приему и проверке подписных листов, вывод эксперта должен выглядеть следующим образом: все Ф.И.О. и даты в соответствующих этим Ф.И.О. строках должны быть выполнены одним и тем же лицом, являющимся избирателем (имеющим на данных выборах активное избирательное право).

Но определить данное обстоятельство не представляется возможным. Комиссия не располагает образцами почерков избирателей, а создание базы данных с ними крайне затруднено. Таким образом, заключение эксперта само по себе не может быть пригодным средством и основанием для констатации

наличия необходимых условий и применения вышеозначенного пункта. Более того, из-за невозможности привлечения избирателей и определения пределов заключения эксперта возникает ситуация, при которой утрачивается правовое содержание понятия недостоверной подписи.

Невозможность применения пункта 6.3 статьи 38 Закона об основных гарантиях. С учетом доступных избирательной комиссии средств, недостоверной будет являться подпись, в которой графы Ф.И.О., дата и подпись в пределах одной статьи заполнены разными лицами. Такая формулировка по своему содержанию частично совпадает с основанием признания подписи недействительной, предусмотренным подпунктом «л» пункта 6.4 статьи 38 указанного закона. При невозможности избирательной комиссии проверить, была ли подпись сделана именно избирателем, пропадает конструктивно-разграничительный критерий признания подписей недействительными и недостоверными.

Недобросовестное поведение кандидатов. Текущая система правового регулирования допускает возможность целого ряда злоупотреблений избирательными правами. Презумпция добросовестности и отсутствие объективной возможности проверки некоторых фактов обуславливает потенциальные нарушения следующего характера: кандидат, воспользовавшись незаконно полученной базой данных избирателей, обладающих активным избирательным правом на данных выборах, с помощью ограниченного количества пособников заполняет подписные листы.

При этом эксперт не всегда может найти сходство в старательно измененных почерках, а в найденных в подписных листах «цепочках» избирательная комиссия вынуждена оставить одну подпись даже в тех случаях, когда в подписных листах не будет ни одной настоящей подписи избирателя, а избиратели даже не будут знать о том, что их имена числятся в подписных листах.

Вопрос нарушения избирательных прав. Рассматриваемая ситуация потенциальным образом нарушает права граждан. Процедура сбора подписей, особенно для муниципальных выборов, является серьезным испытанием для кандидатов. Безосновательное ужесточение законодательства и повышение уделяемого проверке подписных листов внимания недопустимо. Законодатель должен всячески поощрять гражданские и политические инициативы и удерживать баланс между формализмом и здравым смыслом. Но только пока это действительно касается формальных аспектов.

Знаменитая латинская фраза «*Qui suo jure utitur, nemini facit injuriam*» [6, с. 46] гласит, что никто из тех, кто пользуется своим правом, не причиняет вред другим. Этот принцип отражен и в части 3 статьи 17 Конституции. А в силу статей 1, 15 и 19 Основного закона в Российской Федерации провозглашается принцип равенства, который раскрывается в статьях 5 и 39 Закона об основных гарантиях.

В данном контексте необходимо ответить на следующий вопрос: с какой целью действует избирательная комиссия? В чьих интересах она следит за законностью выборов и референдумов?

По смыслу статей 2, 18, 21 Конституции и самой сущности свободных выборов основным бенефициаром от деятельности избирательной комиссии безусловно являются граждане (избиратели) и кандидаты, имеющие право на проведение честных и справедливых выборов, на которых каждый кандидат будет поставлен в равные условия.

Текущее правовое регулирование не позволяет комиссиям надлежащим образом проверить подписные листы, вынуждая их игнорировать ряд потенциальных злоупотреблений. Кандидаты, недобросовестным способом собравшие достаточное количество подписей в подписных листах, получают преимущество перед теми кандидатами, которые добросовестно исполнили свои обязанности. В данном случае речь идет не только об указанных нарушениях, но и о крайне странной позиции государства, по которой нарушителям предоставляется повышенная правовая защита. По сути, активное и пассивное избирательное право граждан утрачивает свое конституционно-правовое содержание и требования, предъявляемые к участникам выборов, становятся лишь формальностью, которую нужно просто соблюсти. Следовательно, действующее регулирование не обеспечивает надлежащей защиты активного и пассивного избирательного права граждан, что говорит о конституционно значимом пробеле, требующем мер реагирования со стороны законодателя⁸.

Способы разрешения анализируемой проблемы

Изменение правового статуса заключения специалиста. Как уже было указано ранее, заключение эксперта отражает результаты анализа информации, содержащейся в подписном листе, а потому может сообщить лишь о процессуальных нарушениях, то есть исключительно о наличии оснований для признания подписи недействительной, но не достоверной. Такое ограничение делает данное средство крайне неэффективным.

В подобных условиях видится следующий вариант устранения проблемы: разрешение избирательной комиссии привлекать в процессе проверки подписных листов избирателей в случае, если заключение специалиста фиксирует, что подпись в строках с разными Ф.И.О. граждан сделана одним человеком. Это — единственный способ подтвердить лицо, поставившее подпись и, соответственно, определить подпись, которую необходимо признать достоверной. При этом вопрос может быть сформулирован иначе:

⁸ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10.01.2023 № 1-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 09.04.2018, № 15 (Часть V), ст. 2237.

необходимо ли в случае наличия веских обстоятельств, свидетельствующих о реальной возможности допущения нарушений кандидатом, подтвержденных заключением эксперта, отказаться от презумпции добросовестности кандидата и переложить на него бремя доказывания достоверности подписей.

Данный вопрос рано или поздно будет разрешен законодателем, однако необходимо предусмотреть как минимум обязанность кандидата пригласить избирателей, поставивших подписи.

Заключение эксперта как основание судебной проверки подписных листов. Выше по тексту был сделан вывод о том, что осуществить опрос избирателей и получить образцы их почерков, а значит, и установить наличие оснований для признания подписей недостоверными вправе только суд. Если законодатель решит придерживаться данной концепции, то необходимо пересмотреть процесс проведения проверки подписей, а именно предусмотреть судебную стадию в качестве ординарной, а не только при возникновении споров.

В порядке главы 28 (установление фактов, имеющих юридическое значение) Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации⁹ можно установить факт оставления подписи избирателем. Основанием для возбуждения производства должно являться заключение эксперта, которое выявило ряд подписей, сделанных одним лицом, при одном условии: если имеются основания для сомнения в том, что подпись была сделана избирателем или какое именно лицо из обнаруженной «цепочки» оставило данную подпись.

Толкование нормативных актов в соответствии с принципом добросовестности органа, их принявшего. Презумпция добросовестности законодателя и его приверженности общим правовым принципам косвенно закреплена в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 2 апреля 2002 года № 7-П¹⁰. В ее основе лежит «высокая вероятность того, что, создавая правовую норму, законодатель стремился к тому, чтобы она не противоречила Конституции. Цель презумпции, если подходить к ней с точки зрения телеологии, — достижение стабильности правового регулирования» [7, с. 10–15].

С учетом всего сказанного, внесения изменений в федеральные законы и акты ЦИК России можно избежать при условии смены подхода к толкованию данных норм. Рассматриваемые нормы уже содержат требования, что подпись должна быть сделана именно избирателем, отсутствует лишь возможность проверки данного факта избирательной комиссией.

⁹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 02.04.2002 № 7-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации, № 3, 2002.

Соответственно, для защиты прав граждан должен быть предусмотрен механизм проверки, а если такого механизма нет, то толкование нормы должно быть наименее ущемляющим права граждан. В данном случае друг другу противостоят интересы двух групп: интерес кандидата, который был уличен в потенциальном недобросовестном поведении, и интерес избирателей и других кандидатов на проведенные в соответствии с законом выборы. По нашему мнению, наиболее справедливым будет толкование нормы в пользу последних. Осталось лишь определить как именно должны быть истолкованы данные нормы.

Точно известно одно: признание подписей достоверными возможно только при условии подтверждения избирательной комиссией факта, что она была осуществлена именно избирателем, имеющим активное избирательное право на конкретных выборах.

При условии, что избирательная комиссия лишена необходимых проверочных средств, обязанность доказать данный факт перенаправляется кандидату, поскольку сомнения в его добросовестности, возникающие у комиссии (когда обнаруживается, что в нескольких строках с разными Ф.И.О. расписалось одно и то же лицо), более чем обоснованы.

Электронный сбор подписей. Решение данной проблемы может содержаться не в правовых, а в организационных изменениях. Так, предлагается рассмотреть практику сбора подписей избирателей с использованием федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)»¹¹.

В 2020 году в Закон об основных гарантиях были внесены изменения, которые предусмотрели возможность использования такой системы для сбора подписей избирателей (п. 16.1–16.9 ст. 37). В соответствии с данной нормой было издано Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 4 июня 2020 г. № 251/1852-7 «О Порядке сбора подписей избирателей с использованием федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)»¹².

На данный момент для использования на выборах такой системы требуется ряд условий, в частности: указание на такую возможность в законе субъекта Российской Федерации; законом субъекта Федерации должно быть установлено количество подписей избирателей, которое может быть собрано

¹¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 24.10.2011 № 861 «О федеральных государственных информационных системах, обеспечивающих предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг (осуществление функций)» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.11.2024).

¹² Постановление ЦИК России от 04.06.2020 № 251/1852-7 «О Порядке сбора подписей избирателей с использованием федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

с использованием указанной системы и которое не может превышать половину количества подписей избирателей, необходимого для регистрации кандидата, списка кандидатов; должно быть обеспечено информирование избирателей о кандидатах, списках кандидатов в объеме сведений, предусмотренных формами подписных листов.

При этом не совсем понятна цель законодательного ограничения в 50 процентов от общего числа необходимых подписей. Само существование такой дифференциации не может быть обусловлено соображениями предотвращения противоправных действий, — законодатель должен устанавливать только те способы проверки подписных листов, которые обеспечивают возможность установления достоверности каждой подписи. А значит, отказ от полного перехода на цифровой способ сбора подписей или от предоставления кандидату возможности собрать более половины подписей посредством единого портала может иметь своей целью либо заставить кандидата работать непосредственно с избирателями и бумагами, чтобы оценить его организационные способности, либо выражает опасения законодателя по поводу введения нового способа проверки подписных листов.

Волю законодателя истолковать сложно. Ни пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в статьи 37 и 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (законопроект № 912249-7)¹³, ни официальный отзыв Правительства Российской Федерации, ни Заключение Правового управления Государственной Думы, ни Заключение Правового управления и комитетов Совета Федерации не содержат никаких пояснений, комментариев или обсуждений данного положения.

Но при обсуждении законопроекта в первом чтении содокладчики указали, что «данная мера вводится для апробации нового способа, но способ эффективного, способа бесспорного, способа, который позволит уйти от спорных моментов именно в анализе подписи» и, что новеллы будут способствовать обеспечению прав граждан, препятствию неправомерным действиям, упрощению порядка сбора и проверки подписей, повышению доверия к результатам их проверки¹⁴.

Думается, что у данного способа имеются и преимущества, и недостатки. Преимуществами безусловно являются упрощение сбора подписей (изначально непростого для кандидатов этапа), отсутствие необходимости печатать подписные листы и в дальнейшем хранить их, получение возможности оставить свою подпись избирателями, не имеющими возможности прийти

¹³ Система обеспечения законодательной деятельности. Законопроект № 912249-7 // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/912249-7> (дата обращения: 15.11.2024).

¹⁴ Стенограмма заседаний 14 апреля 2020 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/5452/> (дата обращения: 20.10.2024).

лично (маломобильные граждане; лица, находящиеся на стационарном лечении; в самоизоляции; на карантине; за пределами субъекта или муниципального образования), невозможность фальсифицировать подпись.

С учетом специфики регистрации и использования этой платформы (Постановление Правительства РФ от 24.10.2011 № 861¹⁵), которые фактически исключают возможность повторной регистрации или регистрации под ложным именем, голосование с ее применением позволяет квалифицировать все предоставленные подписи как достоверные и сделанные избирателями. Это также снижает нагрузку на избирательные комиссии.

Однако у кандидатов остается возможность совершения правонарушений в отношении оставшихся 50 процентов подписей, что не позволяет исключить риск фальсификаций.

К недостаткам получения подписей электронным способом можно отнести также резкое понижение требований к поддержке кандидата среди населения. Особенностью электронного сбора подписей является возможность осуществления массовых рассылок среди электората, что снижает организационную нагрузку на кандидата.

Кроме того, такие рассылки потенциально могут стать способом саботирования выборов путем регистрации большого количества кандидатов и «распыления» подписей среди них. Каждый избиратель может оставить только одну подпись в поддержку одного кандидата. По результатам таких действий есть риск неполучения достаточного количества подписей минимальным количеством кандидатов для формирования коллегиального органа.

Несмотря на заявленную цель, российский электорат не имеет высокой степени доверия к цифровым технологиям в сфере избирательного права. Лишь 30 процентов опрошенных заявили о своей готовности использовать ДЭГ; 63 процента респондентов предпочитают голосование на бумажных бюллетенях. Многие отмечали, что считают бумажную форму более честной и то, что они не умеют пользоваться Интернетом¹⁶.

Некоторые кандидаты могут заявлять, что государственные службы специально или из-за технических ошибок не учли ряд отправленных избирателями подписей. Это, безусловно, вызовет определенные волнения в обществе и СМИ. Однако с учетом опыта проведения выборов с помощью ДЭГ данный недостаток не кажется существенным.

В целом практика применения единого государственного портала для сбора подписей кандидатов показывает весьма противоречивые результаты.

¹⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 24.10.2011 № 861 «О федеральных государственных информационных системах, обеспечивающих предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг (осуществление функций)» // Доступ из СПС «Гарант».

¹⁶ ДЭГу нет доверия // Московская городская организация КИРПФ. URL: <https://msk.kprf.ru/2024/09/03/256900/> (дата обращения: 20.10.2024).

Сбор подписей с помощью «Единого портала государственных и муниципальных услуг (функций)» осуществлялся на выборах в Московскую городскую думу в 2024 году. Несмотря на кажущуюся простоту данного способа, кандидаты собрали не так много подписей (Максим Круглов — 650; Кирилл Гончаров и Сергей Митрохин — по 250 подписей)¹⁷ с учетом того, что всего им необходимо было получить порядка 5500–6000 подписей. В итоге кандидат М. Круглов не был допущен избирательной комиссией к выборам из-за выявленных нарушений в подписных листах.

Это все говорит о том, что текущее регулирование электронного сбора подписей не обеспечивает решение проблемы, рассматриваемой в данной работе. Для полного исключения возможности злоупотреблений кандидатов при заполнении подписных листов с помощью «Единого портала государственных и муниципальных услуг (функций)» необходим пересмотр действующего подхода. Ограничение сбора подписей таким образом половиной от необходимого количества не несет практической пользы.

Во-первых, такое ограничение должно устанавливаться субъектом Федерации в зависимости от внутренней ситуации. Во-вторых, видится полный переход на электронный сбор подписей с установлением обязательной доли подписей, которые должны быть собраны посредством государственного портала. Такая доля должна быть установлена Законом субъекта Федерации в зависимости от степени цифровизации региона. В перспективе с продолжением тенденций цифровизации государства такой подход позволит полностью отказаться от бумажных подписных листов и свести к минимуму риск любых злоупотреблений и нарушений.

Заключение

По итогам наших рассуждений можно сделать выводы о существенных недостатках правового регулирования в области проверки подписных листов кандидатов, которые вызывают ряд проблем, связанных с квалификацией недостоверных подписей и процедурой исключения их из подписных листов кандидата. Возможно, это связано с тем, что долгое время российское законодательство не содержало дефиниции недостоверной подписи. Понятие было введено лишь в 2011 году Федеральным законом от 23.07.2011 № 259-ФЗ¹⁸. Однако вопрос проверки и квалификации подписи, как недостоверной, с точки зрения реализации рассмотрен не был, что и вызвало правовую неопределенность.

¹⁷ Электронный сбор подписей у кандидатов «Яблока» в Мосгордуму — ни шатко ни валко // Телеграм-канал «Выборы, всем ЦИК!». 1 июля 2024. URL: <https://t.me/cikrf/11284> (дата обращения: 20.10.2024).

¹⁸ Федеральный закон от 23.07.2011 № 259-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 25.07.2011, № 30 (ч. 1), ст. 4607.

Несмотря на то что внесение изменений в существующее правовое регулирование на уровне федеральных законов или правоприменительной практики всегда сопряжено с различными проблемами организационного и правового характера, они необходимы для повышения гарантий реализации избирательных прав всех граждан и повышения стабильности во время проведения выборов, так как существующая правовая неопределенность часто служит причиной длительных судебных споров, а в последствии — отменой результатов выборов.

Список литературы

1. Избирательное право Российской Федерации: учебник и практикум для вузов / И.В. Захаров [и др.]; под редакцией И.В. Захарова, А.Н. Кокотова. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2024. 334 с. Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. 324 с. URL: <https://urait.ru/bcode/535568/p.194> (дата обращения: 14.11.2024).
2. Турищев С.В. Федеральные стандарты и региональные нормы проведения муниципальных выборов: необходимость совершенствования законодательной регламентации // Государство и право. 2009. № 10.
3. Кузнецова О.А. Презумпции в гражданском праве. СПб., 2004. 347 с.
4. Старовойтова Е.И. Правовые презумпции в избирательном праве Российской Федерации // Юридическая техника. 2010. № 4.
5. Макарецев А.А. Подписной лист как средство отражения воли избирателей // Вестник Сибирского университета потребительской кооперации. 2016. № 1(16).
6. Гримм Д.Д. Полный переводъ Латинскихъ словъ и цитатъ изъ Догмы Римскаго права // С.-Петербургъ: Издательство «Освобождение». 1908. 97 с.
7. Гаджиев Г.А. Конституционный принцип самостоятельности судебной власти в Российской Федерации // Журнал российского права. 2003. № 1.

Ю.С. ГАЛИНА
О.Ю. ГОРЛАТЫХ

РЕАЛИЗАЦИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА И ПРАВА НА УЧАСТИЕ В РЕФЕРЕНДУМЕ ВО ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЯ ОСОБЫХ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ

Аннотация. Статья посвящена вопросам реализации избирательного права и права на участие в референдуме в условиях действия особых правовых режимов в Российской Федерации. Авторы анализируют конституционные основы народовластия, теоретические подходы к определению категории особого правового режима, рассматривают современную правовую действительность относительно сопоставления реализации избирательных прав и необходимости обеспечения безопасности страны. Исследуется история правового регулирования выборов при введении названных особых правовых режимов. В статье отмечается, что в обозначенной сфере законодательство за последние годы существенно усовершенствовано, однако в целях дополнительной проработки и глубины регулирования правовой сферы предлагается ряд изменений в нормативные документы.

Ключевые слова: избирательное право, избирательный процесс, выборы, референдум, народовластие, угрозы безопасности.

IMPLEMENTATION OF THE ELECTORAL RIGHT AND THE RIGHT TO PARTICIPATE IN A REFERENDUM DURING THE PERIOD OF SPECIAL LEGAL REGIMES

Abstract. The article is devoted to the issues of implementation of the electoral right and the right to participate in a referendum under the conditions of special legal regimes in the Russian Federation. The authors analyze the constitutional foundations of democracy, theoretical approaches to defining the category of a special legal regime, analyze the current legal reality of the Russian Federation regarding the comparison of the implementation of electoral rights and the need to ensure security. The history of legal regulation of elections during the introduction of the above-mentioned special legal regimes is examined. The article notes that the legislation in this area has been significantly supplemented in recent years,

ГАЛИНА Юрий Сергеевич — студент юридического факультета Курского государственного университета, г. Курск
ГОРЛАТЫХ Ольга Юрьевна — студент юридического факультета Курского государственного университета, г. Курск

however, for the purpose of additional elaboration and depth of regulation, a number of changes to regulatory documents are proposed.

Keywords: *electoral law, electoral process, elections, referendum, democracy, security threats.*

Переломные события последних лет в мировой и российской действительности вызвали к активному применению ранее редко использовавшихся особых средств правового регулирования. Так, помимо локальных террористических угроз, неблагоприятных природных явлений (ураганов, наводнений, землетрясений), на национальную, государственную и общественную безопасность стали воздействовать угрозы пандемии новой коронавирусной инфекции, а затем и организованной террористической деятельности со стороны украинского государства, и боевых действий, связанных с проведением специальной военной операции.

В таких условиях получили широкое распространение особые правовые режимы: повышенной готовности (сначала на территории отдельных субъектов, а впоследствии и по всей стране), военного положения, а также корреспондирующие уровни реагирования, введенные Указом Президента Российской Федерации, чрезвычайная ситуация федерального характера, наконец, режим контртеррористической операции.

Тем не менее, принимая во внимание положения Конституции Российской Федерации¹ (далее — Конституция), развивающие предусмотренные ее первой статьей характеристики России как демократического и правового государства, представляется обоснованной неразрывная связь обеспечения всех видов безопасности, а также непосредственной разработки и применения мер защиты населения от разного рода неблагоприятных явлений, как деятельности органов публичной власти, связанной с процессом формирования таких органов на демократических началах и в рамках свободных выборов.

Между тем, законодатель, определяя набор прав и свобод, не подлежащих ограничению даже во время действия особых правовых режимов, исключает из этого перечня право избирать и быть избранным наравне с иными политическими правами. В свою очередь, избирательная система, опосредующая волю народа на выбор своих представителей, в силу своей природы действует циклично. Следовательно, чрезвычайные обстоятельства, предполагающие введение в действие уполномоченными субъектами особых правовых режимов, могут объективно влиять на процесс избрания таких субъектов (лиц на соответствующие должности) в очередном электоральном цикле.

Таким образом, имеющиеся и вновь возникающие угрозы безопасности раз за разом ставят перед публичной властью, а также и функционирующим

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года; с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 декабря. № 237.

вместе с ней гражданским обществом вопрос соотношения реализации пассивного и активного избирательного права с действием особых правовых режимов, в том числе со следующими из сущности такого режима ограничениями. Тем не менее, несмотря на возрастающую применимость в современной (прежде всего российской) правовой действительности, данный вопрос до настоящего времени не получил должного разрешения в отечественной юридической науке и относится к категории мало разработанных.

Народовластие: основные положения конституционно-правового регулирования

В Конституции, выступающей «жесткой» по порядку изменений и дополнений [1, с. 148], прямо устанавливается, что носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является многонациональный народ, а высшее непосредственное выражение власти народа — это референдум и свободные выборы (статья 3). В научной среде отмечается, что именно в процессе выборов происходит непосредственная легитимация государственной власти при демократическом правовом режиме [2, с. 10].

Принимая во внимание отсутствие в законодательстве определения понятия «легитимность», а также в целом неюридический характер категории [3, с. 9], отметим, что для целей настоящего исследования под легитимностью понимается свойство публичной власти, выражающееся в добровольном принятии обществом осуществляющих властные полномочия субъектов, а также наличии у общества доверия к этим субъектам, согласия с процессом наделения такими полномочиями. В свою очередь, неотъемлемой частью института выборов выступают субъекты избирательного процесса, наделенные соответствующими правами в силу статьи 32 Конституции.

15 января 2020 года в ходе представления Федеральному Собранию ежегодного послания Президент Российской Федерации В.В. Путин предложил обсудить «ряд конституционных поправок», важных для развития России «как правового социального государства»², подчеркнув, что, несмотря на возможность их утверждения Федеральным Собранием, с учетом существенности изменений предлагается «провести голосование граждан страны по всему пакету предложенных поправок». Принятый Закон Российской Федерации о поправке к Конституции от 14.03.2020 № 1-ФКЗ³ предполагал отдельную процедуру общероссийского голосования по поправкам, порядок реализации которой устанавливался самим Законом.

² Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации (2020) / Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102668119> (дата обращения: 01.11.2024).

³ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. № 11. 16.03.2020. Ст. 1416.

Во исполнение положений названного Закона ЦИК России уже 20 марта 2020 года Постановлением № 244/1804-7 утвердила Порядок общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию⁴. Между тем, к этому времени режим повышенной готовности, введенный ввиду распространения коронавирусной инфекции, действовал во всех субъектах Российской Федерации⁵.

Уже 25 марта глава государства выпустил обращение к гражданам России, в котором подчеркнул, что абсолютным приоритетом должны считаться здоровье, жизнь и безопасность людей, а значит, голосование подлежит отложению на более позднюю дату⁶. В тот же день был подписан президентский Указ № 205, согласно которому дата проведения голосования подлежала назначению отдельным указом⁷. 27 марта в связи с изданием данного Указа ЦИК России своим Постановлением приостановила действия по подготовке и проведению общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию на неопределенный срок⁸.

Кроме того, Федеральным законом от 01.04.2020 № 98-ФЗ⁹ в Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»¹⁰ (далее — Закон об основных гарантиях) вводилась новая статья 10.1, предусматривавшая возможность отложения выборов, референдума при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации, а в Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» — корреспондирующая статья 11.2.

Таким образом, в 2020 году впервые за современную российскую историю на общефедеральном уровне возникли непредвиденные обстоятельства, воспрепятствовавшие осуществлению установленного законом процесса осуществления народовластия.

⁴ Постановление ЦИК России от 20.03.2020 № 244/1804-7 «О Порядке общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации» // ЦИК России. URL: <http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/45910/> (дата обращения: 01.11.2024).

⁵ По всей России ввели режим повышенной готовности из-за коронавируса / РИА Новости. 2020. 20 марта. URL: <https://ria.ru/20200320/1568916103.html> (дата обращения: 01.11.2024).

⁶ Обращение к гражданам России 25.03.2020 // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/63061> (дата обращения: 01.11.2024).

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 25.03.2020 № 205 «О переносе даты общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 30.03.2020. № 13. Ст. 1897.

⁸ Постановление ЦИК России от 27.03.2020 г. № 245/1815-7 «О действиях по подготовке общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации в связи с переносом его даты» // ЦИК России. URL: <http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/45960/> (дата обращения: 01.11.2024).

⁹ Федеральный закон от 01.04.2020 № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» // Собрание законодательства Российской Федерации. 06.04.2020. № 14 (часть I). Ст. 2028.

¹⁰ Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. № 24. 17.06.2002. Ст. 2253.

Особые правовые режимы как способ правового регулирования общественных отношений в условиях наличия угроз безопасности

Возникновение в общественной и политической жизни государства ситуаций, явно отступающих от обычных, планомерных условий деятельности и развития, — явление неизбежное и характерное для института государственной власти со времен ее зарождения [4, с. 14]. Само понятие «правовой режим», используемое как в теоретической, так и практической юриспруденции [5, с. 16], представляет собой категорию комплексного характера, способную вмещать в себя различное содержание в зависимости от цели применения [6, с. 14–15], а также тесно связанную с понятием «политический режим».

Так, А.Е. Епифанов разрабатывает понятие «особого государственно-правового режима» как одного из правовых средств регулирования общественных отношений в чрезвычайных ситуациях [5, с. 25]. В соответствии с вероятно наиболее полным международным актом в этой сфере — разработанными в 1984 году на Парижской конференции Международной ассоциации юристов «Минимальными стандартами норм об основных правах человека при исключительном положении», в условиях чрезвычайной ситуации выборы могут переноситься до восстановления порядка [7, с. 34], что и получило отражение в правовой системе России в связи с принятием вышеуказанного Федерального закона от 01.04.2020 № 98-ФЗ.

Несмотря на широко распространенную позицию об искусственном характере категории «национальная безопасность», влекущем необходимость ее замены на категорию «государственная безопасность» [8, с. 25–28], видится укорененным как в нормативном регулировании, так и в совокупности теоретических знаний понимание Р.В. Пузиковым и Д.В. Ирошниковым [9, с. 280–286] государственной безопасности, как «состояния защищенности государственного строя, государственных органов, территориальной целостности государства, а также суверенитета государства от внутренних и внешних угроз». Для целей исследования представляется возможным использовать выдвинутую А.В. Мелехиным формулировку правового режима [4, с. 16].

С учетом вышеуказанных конституционных положений и теоретических выводов под особым правовым режимом предлагается понимать предусмотренную федеральным законодательством совокупность специальных средств правового регулирования, особого порядка функционирования органов публичной власти, общественных объединений, а также жизнедеятельности населения на всей территории Российской Федерации или в ее отдельных местностях, применяемую в особых (чрезвычайных) ситуациях или обстоятельствах, создающих реальную угрозу основам конституционного строя,

национальной, государственной и общественной безопасности, а также безопасности иных видов.

Основным признаком особого правового режима здесь выступает именно наличие чрезвычайных и угрожающих обстоятельств, что также проистекает из связи особых правовых режимов с чрезвычайным законодательством. Следовательно, к предмету изучения не может относиться специальное регулирование в виде экспериментальных правовых режимов, особого правового режима осуществления предпринимательской и иной деятельности на территории опережающего развития, а также иных особых правовых режимов, не связанных с наличием угроз для различных видов безопасности.

Дальнейшее исследование будет основываться на выделении четырех видов особого правового режима: режимы, предусмотренные в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций (режим повышенной готовности и режим чрезвычайной ситуации); режим военного положения; режим чрезвычайного положения; режим контртеррористической операции. Представляется, что подход о невозможности отнесения режимов, предусмотренных в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, к особым правовым режимам (разделяемый в том числе А.В. Мелехиным [4, с. 25–26]), следует признать излишне ограничительным с учетом опыта правового регулирования во время относительно недавней пандемии.

Аналогично неверной видится позиция В.Н. Григорьева о механической связи режима чрезвычайной ситуации и чрезвычайного положения (введение одного режима должно влечь введение второго) [10, с. 24], что подтверждается и правоприменительной практикой последних лет. Так, даже придерживающиеся позиции о наличии строгой связи между чрезвычайной ситуацией и чрезвычайным положением М.Е. Волочкова и Е.А. Медведев признают, что в современной России объявление чрезвычайной ситуации ни разу не влекло за собой введение режима чрезвычайного положения [11, с. 17].

Тем не менее следует отметить, что регулирование в области особых правовых режимов по-прежнему выступает неоднородным, носит несистемный характер, что в свою очередь отрицательно влияет и на вторичное регулирование, в том числе в части порядка реализации избирательного права и права на участие в референдуме.

Соотношение избирательного права и права на участие в референдуме с действием особых правовых режимов

После проведения общероссийского голосования примененные там новеллы стали использоваться и в рамках избирательных кампаний, прямо регулирующих законодательством Российской Федерации о выборах и референдумах, — в ходе единого дня голосования, назначенного в 2020 году на 13 сентября.

Федеральным законом от 31.07.2020 № 267-ФЗ¹¹ в Закон об основных гарантиях вводилась статья 63.1 с наименованием «Дни голосования на выборах, референдумах», определившая возможность принятия избирательной комиссией, организующей выборы, референдум, решения о голосовании на выборах, референдумах в течение нескольких дней подряд, но не более трех дней, а также порядок принятия такого решения.

19 октября 2022 года Президент издал Указ № 756 о введении военного положения на территориях ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей¹², а следующим Указом (№ 757¹³) от того же дня постановил ввести на территории субъектов Российской Федерации четыре режима: максимальный уровень реагирования; средний уровень реагирования; уровень повышенной готовности; уровень базовой готовности, предполагавшие особый порядок деятельности органов публичной власти, а также отдельные ограничения прав и свобод граждан (за исключением базовых).

В свою очередь, проведение избирательных кампаний в ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областях с действующим военным положением стало возможным после принятия Федерального закона от 29.05.2023 № 184-ФЗ¹⁴, внесшего изменения в ряд законодательных актов одновременно в сфере регулирования действия особых правовых режимов и избирательного права и процесса.

Именно в соответствии с нормами данного Федерального закона статья 10.1 Закона об основных гарантиях получила наименование «Проведение выборов, референдума при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации, военного положения», а также дополнилась порядком проведения выборов, референдума при введении военного положения.

Примечательно, что аналогичная норма Федерального конституционного закона от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении»¹⁵, предусматривающая безусловный запрет на проведение выборов и референдума на территории, на которой введено чрезвычайное положение, изменений не получила.

¹¹ Федеральный закон от 31.07.2020 № 267-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 03.08.2020. № 31 (ч. I). Ст. 5026.

¹² Указ Президента Российской Федерации от 19.10.2022 № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей» // Собрание законодательства Российской Федерации. № 43. 24.10.2022. Ст. 7381.

¹³ Указ Президента Российской Федерации от 19.10.2022 № 757 «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19.10.2022 г. № 756» // Собрание законодательства Российской Федерации. № 43. 24.10.2022. Ст. 7382.

¹⁴ Федеральный закон от 29.05.2023 № 184-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. № 23 (ч. I). 05.06.2023. Ст. 4004.

¹⁵ Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» // Собрание законодательства Российской Федерации. 04.06.2001. № 23. Ст. 2277.

До начала избирательных кампаний в силу вступили законы названных субъектов Российской Федерации о порядке проведения выборов в законодательные (представительные) органы субъектов, в качестве заключительных положений предусматривавшие отдельное регулирование для выборов во второе воскресенье сентября 2023 года¹⁶. Такие казуальные по существу нормы (объединенные статьёй 68 с наименованием «заключительные положения») буквально совпадали в законах всех четырех субъектов, что указывает на единый подход, обеспеченный, предположительно, юридико-технической помощью со стороны федеральной власти.

Поименованное регулирование, направленное на обеспечение безопасности участников избирательного процесса, включало следующие меры, часть из которых подлежала применению только в особых обстоятельствах:

а) использование для реализации активного избирательного права иных документов помимо паспорта;

б) ограничение перечня сведений об избирателях, включаемых в список избирателей;

в) установление в отдельных местностях упрощенного порядка создания участковых избирательных комиссий, увеличения максимального числа членов с правом решающего голоса, назначения новых членов вместо выбывших;

г) запрет публикации списков избирательных участков, участковых избирательных комиссий;

д) возможность не публиковать сведения о членах избирательных комиссий;

е) ограничение фото- и (или) видеосъемки при проведении голосования, установлении итогов голосования, определении результатов выборов;

ж) запрет публикации сведений о доходах и имуществе кандидатов, включенных в список кандидатов;

з) возможность изготовления избирательной документации непосредственно участковой избирательной комиссией;

и) возможность сокращать продолжительность голосования;

к) возможность передачи данных об итогах голосования по техническим каналам связи (в случае возникновения угрозы безопасности);

л) возможность приостановления подсчета голосов, установления итогов голосования и составления протокола об итогах голосования (в случае возникновения угрозы безопасности).

¹⁶ Закон ДНР от 29.05.2023 № 451-ІІНС «О выборах депутатов Народного Совета Донецкой Народной Республики» // Народный совет ДНР. URL: <https://dnrsovet.gov.ru/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-vyborah-deputatov-narodnogo-soveta-donetskoj-narodnoj-respubliki-2/> (дата обращения: 01.11.2024).

Такие же особенности проведения голосования на выборах 2023 года включались в законы тех же четырех субъектов о выборах депутатов представительных органов муниципальных образований первого созыва¹⁷.

Положениями ранее названного Федерального закона от 29.05.2023 № 184-ФЗ в статью 19 Закона об основных гарантиях вводилась часть 5.1, предусматривающая возможность образовывать избирательные участки за пределами территории субъекта. Для практической реализации этой нормы ЦИК России Постановлением от 28.06.2023 № 120/950-8¹⁸ утвердила Положение об особенностях подготовки и проведения голосования на избирательных участках за пределами территории субъекта Российской Федерации, где избиратели обладают активным избирательным правом.

Уже в соответствии с Федеральным законом от 14.11.2023 № 531-ФЗ¹⁹ порядок голосования на выборах в условиях военного положения дополнился нормами относительно выборов Президента Российской Федерации.

9 августа 2024 года Национальный антитеррористический комитет своим решением ввел на территории Курской области (а также Белгородской и Брянской областей) режим контртеррористической операции²⁰, а Правительственная комиссия по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности — режим чрезвычайной ситуации федерального уровня реагирования²¹.

Действующий Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»²², определяющий правовые основы режима контртеррористической операции, не предусматривает ограничений на проведение выборов и референдума во время действия этого режима. Ввиду этого

¹⁷ Закон ДНР от 29.05.2023 № 452-ПНС «О выборах депутатов представительных органов муниципальных образований первого созыва в Донецкой Народной Республике» // Народный совет ДНР. URL: <https://dnrsovet.gov.ru/zakonodatel'naya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-vyborah-deputatov-predstavitelnyh-organov-munitsipalnyh-obrazovanij-pervogo-sozyva-v-donetskoj-narodnoj-respublike/> (дата обращения: 01.11.2024).

¹⁸ Постановление ЦИК России от 28.06.2023 № 120/950-8 «Об особенностях подготовки и проведения голосования на избирательных участках за пределами территории субъекта Российской Федерации, где избиратели обладают активным избирательным правом» // ЦИК России. URL: <http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/53405/> (дата обращения: 01.11.2024).

¹⁹ Федеральный закон от 14.11.2023 № 531-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации“ и статью 1 Федерального закона „О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд“» // Собрание законодательства Российской Федерации. № 47. 20.11.2023. Ст. 8308.

²⁰ Режим контртеррористической операции действует в Курской, Брянской и Белгородской областях // Российская газета. 2024. 11 авг. URL: <https://rg.ru/2024/08/11/pristupit-k-likvidacii.html> (дата обращения: 01.11.2024).

²¹ МЧС: Обстановка в Курской области отнесена к ЧС федерального характера // Российская газета. 2024. 9 авг. URL: <https://rg.ru/2024/08/09/mchs-obstanovka-v-kurskoj-oblasti-otnesena-k-chs-federalnogo-haraktera.html> (дата обращения: 01.11.2024).

²² Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства Российской Федерации. № 11. 13.03.2006. Ст. 1146.

Постановлением от 21.08.2024 № 180/1437-8²³ ЦИК России отложила голосование на выборах, назначенных на 8 сентября 2024 года, на территориях ряда муниципальных образований Курской области, приостановив работу по подготовке и проведению указанных выборов на основании действия режима чрезвычайной ситуации федерального характера. Кроме того, постановлением ЦИК России от 14.08.2024 № 179/1431-8²⁴ утверждались дополнительные меры по обеспечению избирательных прав граждан в субъектах Российской Федерации, на территориях которых введен средний уровень реагирования (в число которых входила и Курская область), большей частью совпадающие с вышеупомянутыми мерами из законов ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей.

Наконец, решением от 3 сентября 2024 года № 74/576-7 Избирательная комиссия Курской области²⁵, ссылаясь на пункт 12 статьи 10.1 Закона об основных гарантиях, а также рекомендации оперативного штаба по реализации в Курской области Указа Президента Российской Федерации от 19.10.2022 № 757, запретила фото- и (или) видеосъемку в здании и перед зданием, в котором располагается помещение для голосования, а также при установлении итогов голосования для всех лиц, кроме аккредитованных представителей средств массовой информации. Тем не менее при явно неблагоприятных внешних условиях итоговая явка на выборах Губернатора Курской области достигла 61,56 процента²⁶.

В то же время законодательной основой всех упомянутых мер по обеспечению безопасности во время проведения выборов выступает бланкетная норма пункта 12 статьи 10.1 Закона об основных гарантиях, в соответствии с которой законодательством Российской Федерации о выборах и референдумах могут предусматриваться иные особенности подготовки и проведения выборов, референдума в период действия военного положения.

²³ Постановление ЦИК России от 14.08.2024 № 180/1437-8 «Об отложении голосования на выборах, назначенных на 8 сентября 2024 года, на территориях ряда муниципальных образований Курской области» // ЦИК России. URL: <http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/55409/> (дата обращения: 01.11.2024).

²⁴ Постановление ЦИК России от 21.08.2024 № 179/1431-8 «О дополнительных мерах по обеспечению избирательных прав граждан на территориях отдельных субъектов Российской Федерации» // ЦИК России. URL: <http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/55392/> (дата обращения: 01.11.2024).

²⁵ Решение Избирательной комиссии Курской области от 03.09.2024 № 74/576-7 «Об особенностях осуществления фото- и (или) видеосъемки на территории Курской области при проведении выборов Губернатора Курской области и выборов в органы местного самоуправления, назначенных на 8 сентября 2024 года» // Избирательная комиссия Курской области. URL: <http://www.kursk.izbirkom.ru/dokumenty-izbiratelnoy-komissii/resheniya-izbiratelnoy-komissii-kurskoy-oblasti/2024-god/3-sentyabrya-2024-goda/74-576-7/ob-osobennostyakh-osushchestvleniya-foto-i-ili-videosemki-na-territorii-kurskoy-oblasti-pri-proveden.php> (дата обращения: 01.11.2024).

²⁶ Решение Избирательной комиссии Курской области от 09.09.2024 № 76/585-7 «Об определении результатов выборов Губернатора Курской области» // Избирательная комиссия Курской области. URL: <http://www.kursk.izbirkom.ru/dokumenty-izbiratelnoy-komissii/resheniya-izbiratelnoy-komissii-kurskoy-oblasti/2024-god/9-sentyabrya-2024-goda/76-585-7/ob-opredelenii-rezultatov-vyborov-gubernatora-kurskoy-oblasti.php> (дата обращения: 01.11.2024).

При введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации единственной предусмотренной законодательством возможностью выступает отложение выборов, а для случаев применения чрезвычайного положения и контртеррористической операции регулирование вовсе отсутствует.

Следовательно, в целях обеспечения системности и глубины проработки нормативного регулирования представляется целесообразным внесение в текст статьи 10.1 указанного Федерального закона ограниченных по объему изменений, предусматривающих полномочия ЦИК России по введению на выборах и референдуме во время действия военного положения, чрезвычайного положения, а также контртеррористической операции ранее упомянутых мер, связанных с обеспечением реализации избирательных прав, а также безопасности избирателей, кандидатов, работников избирательной системы (прежде всего, в части запрета фото- и видеосъемки).

Вторым вариантом выступает широкая переработка названных положений — к примеру, с утратой силы статьи 10.1 и одновременным включением в Закон об основных гарантиях главы I.1 «Проведение выборов, референдума во время действия особых правовых режимов», объединяющей статью с определением понятия «особый правовой режим» для целей законодательства о выборах и референдуме, отдельных статей для особенностей проведения выборов и референдума (в том числе относительно полномочий ЦИК России) во время действия режимов, предусмотренных в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, режимов военного положения, чрезвычайного положения, контртеррористической операции, а также с приведением в соответствие текста корреспондирующих нормативных правовых актов (в первую очередь, федеральных и федеральных конституционных законов), устанавливающих правовые основы действия тех или иных особых правовых режимов.

Правовое регулирование порядка реализации избирательного права и права на участие в референдуме в условиях действия особых правовых режимов — явление для российской правовой системы относительно недавнее и возникшее ввиду объективной необходимости применения соответствующих норм — чрезвычайные обстоятельства 1990-го и начала 2000-х годов прямого отражения в регулировании порядка реализации избирательного права и права на участие в референдуме фактически не имели.

В краткий по историческим меркам период 2020–2024 годов законодательство в исследуемой области дополнялось своевременно, позволяя с каждой новой избирательной кампанией совершенствовать правовое обеспечение выборов (и всероссийского голосования 2020 года, как дополнительной формы непосредственной демократии), несмотря на возникновение неблагоприятных и даже представляющих угрозу безопасности обстоятельств.

В то же время часть правового регулирования в области обеспечения избирательных прав, безопасности участвующих субъектов во время проведения выборов и референдума, имеющая актуальный и подходящий для

неоднократного применения характер, либо включалась в акты отдельных субъектов Российской Федерации, действуя исключительно в отношении определенных избирательных кампаний, либо содержалась в подзаконных актах ЦИК России, когда как внесение таких новелл в федеральное законодательство позволило бы дополнительно обеспечить системность, стабильность и глубину проработки правовой основы форм реализации народовластия в России.

Заключение

Обстоятельства последних лет повлекли за собой первое за долгое время применение в Российской Федерации специального правового регулирования, связанного с необходимостью обеспечения безопасности и устранения последствий таких угроз. На территории страны был введен и длительное время действовал режим повышенной готовности, затем получил действие режим военного положения и связанные с ним уровни реагирования, а в 2024 году — режимы чрезвычайной ситуации федерального характера и контртеррористической операции.

В свою очередь, в соответствии с неизменяемыми положениями Конституции условием легитимности власти, развития России как правового и демократического государства проведение свободных выборов и референдума признается как форма осуществления народовластия.

Организация и проведение таких действий, предусматривающих участие значительного количества людей, всегда связаны с известной степенью угрозы охраняемым законом ценностям, в том числе для жизни и здоровья людей (как избирателей и кандидатов, так и организаторов).

Конституционная реформа 2020 года впервые предусматривала участие граждан в изменении конституционного текста посредством выражения своего мнения на всероссийском голосовании (приближенном по своей сущности к референдуму). В том же году распространилась коронавирусная инфекция, вызывавшая явные риски для жизни и здоровья всех категорий лиц и распространявшаяся в местах массового пребывания людей.

Возникновение в общественной и политической жизни государства непредвиденных, чрезвычайных обстоятельств неизбежно для человеческого общества и института государственной власти и требует принятия соответствующих мер в наиболее короткие сроки.

Ограничение части прав и свобод, в том числе избирательного права и права на участие в референдуме как политических прав в интересах обеспечения безопасности, защиты основ конституционного строя, здоровья, прав и законных интересов прямо предусмотрено Конституцией Российской Федерации и соответствует выработанным международным юридическим сообществом критериям.

Вместе с тем обеспечение безопасности как состояния защищенности государственного строя, государственных органов, территориальной

целостности государства, а также суверенитета государства от внутренних и внешних угроз осуществляется в том числе посредством введения в действие особых правовых режимов.

С учетом практики правового регулирования во время пандемии можно сделать вывод об обоснованности выделения особого правового режима. В то же время законодательство в области действия особых правовых режимов до настоящего времени не получило должной разработки в части обеспечения единообразия и системности; понятие «особый правовой режим» в действующих нормативных правовых актах не установлено, их регулирование содержится в разных федеральных и федеральных конституционных законах, а уровни реагирования, введенные Указом Президента в связи с объявлением военного положения на территории отдельных субъектов, не имеют прямой юридической связи с нормами федеральных законов.

Между тем, начиная с 2020 года, российский законодатель (как федеральный, так и законодатели субъектов), а также ЦИК России, как орган, уполномоченный принимать подзаконные нормативные акты в сфере своей деятельности, последовательно и своевременно совершенствовали и расширяли правовое регулирование в сфере реализации избирательного права и права на участие в референдуме в период действия особых правовых режимов. Законодательство о выборах и референдумах сначала дополнилось положениями о проведении выборов и референдумов в период действия режимов, предусмотренных в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, а затем — в условиях военного положения.

Применительно к избирательным кампаниям и голосованиям — все-российскому голосованию 2020 года, выборам 2020–2021 годов во время пандемии, выборам 2023–2024 годов (в том числе выборам Президента) в условиях действия военного положения, предусмотренных Указом Президента уровней реагирования, чрезвычайной ситуации федерального характера, режима контртеррористической операции, ЦИК России, а также законодатели принятых в состав Российской Федерации субъектов (при поддержке федеральных властей) оперативно принимали и дополняли законы и подзаконные акты, определяющие порядки совершения отдельных избирательных действий, мероприятий, что позволяло в должной мере обеспечивать реализацию избирательных прав, а также защиту законных интересов граждан.

Наконец, именно в неблагоприятной внешней обстановке законодатель и ЦИК России создавали и развивали новые организационно-технические формы осуществления избирательного права и права на участие в референдуме (дистанционное электронное голосование, многодневное голосование, голосование за пределами территории субъекта, жители которого наделены активным избирательным правом, голосование вне помещения для голосования), что в условиях постоянно наличествующих угроз безопасности жизни и здоровью избирателей, участников референдума (голосования), а также членов избирательных комиссий позволило успешно достигать главной

цели деятельности избирательной системы Российской Федерации — наиболее полного осуществления народовластия, в том числе посредством преодоления формальных (юридических) и фактических препятствий для осуществления представителями народа как единственного носителя власти своих политических прав, что отражалось как в явке избирателей на выборы, так и в тематических опросах населения.

Для целей обеспечения системности, стабильности, глубины проработки правовой основы проведения выборов и референдума представляется возможной инкорпорация результатов подзаконной правотворческой деятельности ЦИК России, а также законодателей субъектов Федерации, в нормы федерального законодательства, рассчитанные на неоднократное применение в условиях возникновения чрезвычайных обстоятельств и применения соответствующих особых правовых режимов.

Список литературы

1. Сафина С.В. К вопросу о «жесткости» конституций республик в составе Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 3.
2. Иванов Р.Л. Легитимность государственной власти // Вестник ОмГУ. Серия «Право». 2012. № 1(30).
3. Полянский В.В. Легитимность и легальность публичной власти в конституционных параметрах // Юридический вестник Самарского университета. 2018. № 4.
4. Мелехин А.В. Особые правовые режимы Российской Федерации: монография. М., 2008. 143 с.
5. Епифанов А.Е., Джамбалаев Я.Р. Институт особого государственно-правового режима. История и правовое регулирование. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. 456 с.
6. Вопленко Н.Н. Социалистическая законность и применение права. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1983. 184 с.
7. Ухов В.Ю. Институт чрезвычайного положения с позиции норм международного права // Человек: преступление и наказание. 2014. № 2(85).
8. Бобровникова О.В. Категории «государственная безопасность» и «национальная безопасность»: теоретико-правовой анализ // Вестник экономической безопасности. 2022. № 2.
9. Пузиков Р.В., Ирошников Д.В. Понятие государственной безопасности Российской Федерации // Вестник Тамбовского университета. 2011. Вып. 4(96).
10. Григорьев В.Н. Особые правовые режимы: вопросы соответствия Конституции // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 4(18).
11. Волочкова М.Е., Медведев Е.А. Зарождение института ограничения прав и свобод граждан в России и его дальнейшее развитие в условиях чрезвычайного положения на современном этапе развития общества // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 7.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ OUR AUTHORS

БАХТИЗИН Альберт Рауфович, доктор экономических наук, профессор РАН, профессор, член-корреспондент РАН, директор Центрального экономико-математического института Российской академии наук (ЦЭМИ РАН); BAKHTIZIN Al'bert Raufovich, Doctor. Sci. (Econ.), Professor of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Professor, Director, Central Economic and Mathematical Institute of Russian Academy of Sciences; albert@cemi.rssi.ru

БОЧАРОВ Юрий Борисович, кандидат политических наук, политолог; BOCHAROV Yuri Borisovich, Candidate of Political Sciences, political scientist; yurabig@gmail.com

БУЛВА Валерия Игоревна, кандидат исторических наук, сотрудник Министерства иностранных дел Российской Федерации; BULVA Valeriia Igorevna, PhD in History, Employee of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; Va.i.bulva@my.mgimo.ru

ГАЛИНА Юрий Сергеевич, студент юридического факультета Курского государственного университета; GALINA Yuri Sergeevich, Student of the Faculty of Law, Kursk State University; usgal@bk.ru

ГАСАНОВ Исмаил Байрамович, кандидат политических наук; GASANOV Ismail Bairamovich, Candidate of Political Sciences; gassanov@list.ru

ГОРЛАТЫХ Ольга Юрьевна, студент юридического факультета Курского государственного университета; GORLATYKH Olga Yuryevna, Student of the Faculty of Law, Kursk State University; olga.gorlatykh.03@mail.ru

ЕГОРОВ Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); EGOROV Alexander Alexandrovich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); egorov.a90@mail.ru

ЖИЛИНСКАЯ Валерия Сергеевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); ZHILINSKAYA Valeria Sergeevna, Candidate of Law, Senior Lecturer of the Department of State and Law Problems, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); litt386@yandex.ru

ЗАЙКА Виктория Юрьевна, студент юридического института федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»; ZAIKA Victoria Yurievna, Student at the Law Institute

of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Belgorod State National Research University»; 1734812@bsuedu.ru

ИЛЬИН Николай Иванович, доктор технических наук, профессор, главный научный сотрудник Центрального экономико-математического института Российской академии наук; IL'IN Nikolai Ivanovich, Doctor. Sci., Professor, Chief Scientific Officer, Central Economic and Mathematical Institute of Russian Academy of Sciences; ni_ilin@mail.ru

КАЧАЛОВ Александр Геннадьевич, руководитель проекта ЦРПО ФГБУ «ВНИИ труда» Минтруда Российской Федерации, аспирант кафедры конституционного и административного права Института права Тольяттинского государственного университета; KACHALOV Alexander Gennadievich, Project Manager of the Center for the Development of Practice-Oriented Education Federal State Budgetary Institution «All-Russian Research Institute of Labor» of the Ministry of Labor of Russia, Postgraduate Student of the Department of Constitutional and Administrative Law, Institute of Law of Togliatti State University; akachalov@vcot.info

КОЛОМИЕЦ Виктория Александровна, студент юридического института федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»; KOLOMIETS Victoria Aleksandrovna, Student at the Law Institute of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Belgorod State National Research University»; 1717679@bsuedu.ru

МИХАЙЛОВ Никита Владимирович, аспирант кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ»; MIKHAILOV Nikita Vladimirovich, Postgraduate Student at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»; nikitamikhailov97@yandex.ru

ТРОЯН Владимир Анатольевич, кандидат юридических наук, заместитель председателя Избирательной комиссии Белгородской области; TROYAN Vladimir Anatolyevich, Candidate of Law, Deputy Chairman, Election Commission of the Belgorod Region; belizbirkom@belregion.ru

ТУМАНЯН Гарник Вагинакович, аспирант кафедры истории и теории политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, куратор Экспертного клуба «Дигория»; TUMANYAN Garnik Vaginakovich, Graduate Student of the Department of History and Theory of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Curator of the Digoria Expert Club; tumangar@mail.ru

УФИМЦЕВ Антон Дмитриевич, студент Института государственного и международного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева; UFIMTSEV Anton Dmitrievich, Student, Institute of State and International Law of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev; anufimcev04@gmail.com

ЦЯН ЧУН, аспирант кафедры политологии Востока факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; QIANG CHONG, Postgraduate Student of the Department of Oriental Political Science, Faculty of Global Processes, Lomonosov Moscow State University; qiangyuzhong01@gmail.com

ЧЕРНЕНКОВ Михаил Владимирович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центрального экономико-математического института Российской академии наук; CHERNENKOV Mikhail Vladimirovich, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher, Central Economic and Mathematical Institute of Russian Academy of Sciences; mcher51@mail.ru

ЮШКОВ Илья Петрович, аспирант кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Историко-социологического института Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарёва; YUSHKOV Ilya Petrovich, Postgraduate Student, Department of General history, Political Science and Area Studies, Historical and Sociological Institute of National Research Ogarev Mordovia State University; ilya.yushkov.97@mail.ru

Правила направления, рецензирования и опубликования статей

Направляемые для публикации в журнале «Гражданин. Выборы. Власть» статьи должны соответствовать следующим требованиям.

Тема и содержание статьи должны соответствовать профилю, научному уровню и тематическим направлениям журнала, обладать научной новизной и представлять интерес для специалистов. Специфика издания — освещение наиболее важных аспектов избирательного процесса, современных достижений юридической и политической науки.

Статьи, ранее опубликованные или переданные в другие издания, в журнале не публикуются.

Объем статьи должен составлять не менее 0,5 авторского листа (20 тыс. знаков), для раздела «Рецензии» — 0,25 авторского листа (10 тыс. знаков). Материалы, объем которых превышает 1 авторский лист (40 тыс. знаков), рассматриваются Редколлегией только в порядке исключения. При этом оптимальным вариантом, которому отдается предпочтение, является статья с отклонениями от указанного максимального объема не более 5 тысяч знаков.

Название статьи должно соответствовать ее содержанию. Название печатается заглавными буквами на русском и английском языках и не должно превышать трех строк.

Статья должна быть подготовлена в текстовом редакторе Microsoft Word for Windows (версии 6.0 и выше, в формате *.doc) с использованием стандартного шрифта Times New Roman размером № 14 через полтора межстрочных (компьютерных) интервала на русском языке для основного текста.

Все фактические данные, а также цитаты, приводимые в статье, должны иметь точные и исчерпывающие ссылки на источник. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных и иных сведений, за правомерность и корректность заимствований из других источников, а также за использование информации, не предназначенной для открытой печати, в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Сноски на литературу размещаются по тексту статьи в ручных квадратных скобках: [1], [2], [3] и т.д. Номер страницы цитируемого источника или их интервал указываются через запятую при необходимости [1, с. 15]; [1, с. 15–20] ... Библиографическое описание цитируемой литературы размещается в разделе «Список литературы» в конце текста статьи в порядке ее упоминания в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008, с нумерацией без квадратных скобок: 1,2,3 и т.д... В раздел «Список литературы» включаются только те публикации (монографии, научные статьи и т.д.), на которые есть ссылки в тексте статьи. Авторам рекомендуется избегать цитирования учебных изданий. Ссылки на нормативные правовые акты, статистические данные и результаты опросов приводятся в подстрочнике (в случае необходимости) или в тексте статьи. В разделе «Список литературы» указанные источники не упоминаются. Авторские пояснения приводятся в подстрочнике или в тексте статьи. Текст направляемого материала должен соответствовать стилистическим, орфографическим, синтаксическим и другим нормам русского языка. Сокращения слов не допускаются. Цитаты, приводимые в статье, должны быть тщательно выверены и подтверждены ссылками.

Особые требования предъявляются к иллюстративному материалу. Таблицы должны быть пронумерованы, озаглавлены и иметь сноску на источник, а рисунки, кроме этого, подписаны. Весь графический материал должен быть выполнен в черно-белом цвете, интегрирован в файл формата *.doc и представлен в виде, доступном для редактирования, а также иметь отсылки в тексте. Если диаграмма недоступна для редактирования, то необходимо сопроводить ее таблицей данных. Графический материал должен сопровождаться надписями на русском языке. Авторам рекомендуется избегать интеграции в текст статьи большого количества таблиц, рисунков и диаграмм.

Согласно требованиям ВАК России, к статье обязательно прилагаются: аннотация (не более 5 предложений на русском и английском языках), список ключевых слов (5–8 на русском и английском языках), сведения об авторе (фамилия, имя, отчество полностью, официальное место работы, занимаемая должность, ученая степень, звание (аббревиатуры расшифровывать), адрес места работы (или домашний адрес) с указанием почтового индекса, телефон и адрес электронной почты). Сведения об авторе предоставляются на русском и английском языках.

Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты приводятся в сноске на первой странице. Авторские комментарии и примечания возможны как в тексте статьи, так и в подстрочных сносках.

Невыполнение любого из указанных требований является поводом для отказа в приеме материала.

Принятие статьи к рассмотрению не означает гарантии ее публикации. Статьи, не отвечающие настоящим требованиям, не рецензируются и не возвращаются.

Все статьи, поступившие в редакцию и отвечающие настоящим требованиям, рецензируются. Редакция журнала направляет копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию журнала соответствующего запроса. Редакция оставляет за собой право редактировать текст публикации (изменять название, сокращать объем, представлять числовые данные в графической форме и пр.).

Перепечатка материалов допускается только при наличии ссылки на журнал «Гражданин. Выборы. Власть».

Электронный вариант статьи необходимо направлять посредством электронной формы отправки статей на странице издания в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» или по электронному адресу gvv@rcoit.ru с пометкой «статья в журнал».

Направление автором текста статьи в редакцию означает его добровольное согласие и безвозмездное предоставление редакции права на использование его произведения и любой его части в печатной и электронных версиях (в том числе, включение в различные базы данных, информационные системы и системы научного цитирования), а также согласие на обработку персональных данных автора и прочие работы с привлечением третьих лиц в целях популяризации произведения. Редакция рассматривает факт получения статьи как передачу авторами исключительных прав на их использование в соответствии указанными выше условиями.

Плата за публикацию с авторов не взимается, гонорары не выплачиваются.

Журнал распространяется по подписке и по списку рассылки.

Журнал выходит раз в три месяца.

ГРАЖДАНИН ВЫБОРЫ ВЛАСТЬ

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

**№ 3(37)
2025**

ИЮЛЬ–СЕНТЯБРЬ

*Подписаться на журнал можно на официальном сайте
каталога «Пресса России» www.pressa-rf.ru
и на сайте интернет-магазина «Пресса по подписке» www.akc.ru.
Подписной индекс журнала — 85482*

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № ФС77-66246 от 1 июля 2016 года

Подписано в печать 14.08.2025.

Формат 70х100 1/16.

Печать офсетная.

Печ. л. 13.

Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Полиграф-Плюс»
117209, г. Москва, ул. Керченская, д. 6, корп. 1, кв. 163